

АРАН ЗЕГРЯН

ИЗ ЧАШИ

Аран Зегрян

Из чаши

Серия «RED. Fiction»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68986755

Из чаши:

ISBN 978-5-04-185294-8

Аннотация

События романа происходят примерно через 500 лет от наших дней. Человечество успешно колонизировало десятки планет по всей галактике, но при этом все так же находит новые поводы для уничтожения себе подобных, религиозных войн и жестокостей. Условно свободный и демократичный Галактический Конгресс ведет многолетнюю войну с католиками из Земель Святого Престола.

Журналист Иван Фомин прибывает на холодную планету Аркаим, населенную потомками русских неоязычников. Ранее здесь был похищен журналист из его газеты, и редакция отправила Ивана следом, провести собственное расследование для исключения связи похищенного с вражескими спецслужбами и скандальных последствий. Иван не знает, что похищенный уже мертв, а ему вскоре предстоит неприятная встреча с его убийцей.

Несмотря на свою жестокость, убийца не намерен сразу расправиться с Иваном, он хочет угрозами и манипуляцией

использовать его для срыва некоего события. Это событие тайно готовилось много лет, и оно должно стать эпохальным для всего верующего человечества. Даже убийца, религиозный фанатик и террорист, вынужден говорить про данное событие лишь намеками и недомолвками. И главная цель действий фанатика – «Не дать выпустить зло из чаши».

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Задание	15
Глава 2. Курс дела	41
Глава 3. Угроза	67
Глава 4. Плохой день для Рея	109
Глава 5. «Он не ведает, что творит»	153
Глава 6. Мотыльки и пламя	209
Конец ознакомительного фрагмента.	235

Аран Зегрян

Из чаши

Пролог

Приговоренный человек сидел привязанный к креслу, а кресло находилось в старом автобусе, лежавшем без колес среди мусора и чахлых деревцев. Главарь небольшого отряда поднялся по скрипучим ступенькам, прошел в салон, по ходу раздавив пустую жестянку на полу, и снял с головы жертвы мешок.

– Будешь убивать? – глухо спросил приговоренный.

– Увы, да, – тихо ответил боевик, – если ты, конечно, не оставишь мысли о подготовке и не улетишь ближайшим рейсом. Ты это сделаешь, если тебя отпустить?

Человек в кресле помолчал, глядя в запыленное окно автобуса. Там была грязная серая дымка, на уцелевшем стекле кто-то давно вывел пальцем значок любви, сердце со стрелой. Кто-то позже, но все равно давно пририсовал пальцем к сердечку «= туфта».

– Нет, – ответил приговоренный, вновь посмотрев в лицо главаря, – блин, никогда бы не подумал, что у меня хватит принципов отказаться уйти сейчас ради правды.

– Ты уверен в своем выборе?

– А ты?! – срывающимся голосом воскликнул пленник. – Ты уверен, что мы дальше сможем жить так? Что ничего нельзя менять?

– Слышал про Вавилонскую башню? Не кажется, что ваша затея куда хуже, если смотреть с точки зрения порядка?

– Порядка нет. Ты его искал, я знаю, ты много всякой дряни натворил, надеясь, что в конце у тебя будет какая-то награда, справедливость. Но факт в том, что ни Конгресс, ни Доминиканцы – никто не живет по заповедям. Никто не хочет жить по заповедям. Порок – это их цель, хаос – куда они идут. Все мы. И если нам не удастся сделать чудо сейчас... ну, куда уж хуже? Тогда башня рухнет на нас, и так нам и надо. Это событие должно рано или поздно случиться, его не остановить, пристрелив меня!

– Ты считаешь себя вправе решать, что должно произойти?

– Я не вправе решать ничего. Я попытался приблизить пришествие, но теперь мое дело сделано. У меня к тебе просьба. Мне страшно сейчас. Сделай быстро и неожиданно, чтобы я не успел понять.

– Хорошо. Это честная просьба. Ты не хочешь помолиться?

– Я уже успел, пока сидел в мешке... Я же не строго соблюдаю каноны, помнишь?

– Ну да... полагаю. Иначе бы ты тут не сидел.

Пленник еще помолчал, затем вдруг прерывисто вздох-

нул.

– Я не думал, что буду умирать так. В этой забытой земле. Возле заплеванного окна, под которым предавались пороку.

– Смерть везде одинакова. Я видел. Что в шелках, что в хламиде, это всегда страшно. Даже на людном поле боя каждый уходит из жизни будто бы одиноким. Ну, это всего лишь шаг. Первый и трудный. И ты пойдешь дальше.

– Я только надеюсь, что там не будет боли. Здесь ее слишком много. Боли оттого, что люди без причин несчастливы. А раз нет причин, нет и лекарств...

Главарь неожиданно выхватил из внутреннего кармана пороховой пистолет с автоматическим предохранителем и точно выстрелил в сердце жертве. Тот как раз смотрел в окно. Пленник охнул и сразу обмяк среди веревок. От громкого выстрела стекло пошло трещинами, с него отвалилось несколько пластов грязи. Стрелявший проверил пульс на шее и сказал: «Покойся с миром. Надеюсь, когда увидимся вновь, ты сможешь меня простить». Потом закатал рукав убитого, среди черных вен нашел свежую рану, разъеденный кислотой нарост, в котором виднелись спутанные и оплавленные провода. Убийца плеснул на рану жидкости из непрозрачного флакона, пошел дым.

Отпустив безвольную руку, боевик вышел из автобуса. Здесь ожидал его отряд. Всего два человека. Раньше их было больше, много больше, но кто-то погиб, кто-то сбежал, кто-то разуверился в целях этой войны. Хотя внешне два бойца

были в чем-то похожи, смуглые, ловкие в движениях, в одинаковой полувоенной форме серого цвета, но разница все равно бросалась в глаза. Видно было, что их разделяет не только возраст, но что они вообще с разных планет, буквально из разных миров.

Тот, что был постарше, смотрел на мир с выражением неторопливого, уставшего мудреца, который привык наблюдать, как самые смелые и справедливые начинания рассыпались в прах, который мело горячим ветром по бездушным пустыням. И теперь, с годами, человек привык никого не обвинять в крушении собственных надежд. Он смирился.

Второй же боец, помоложе, выглядел куда опасней. Его взгляд, взгляд человека джунглей, где либо съедаешь добычу, либо сам становишься добычей, постоянно искал, метался, выискивал угрозы. Движения у него были какие-то птичьи, стремительные и дерганные.

Кроме бойцов, на площадке перед сломанным автобусом была женщина, сидящая на корточках у костра и помещивающая ложкой в закопченной кастрюле картошку с луком. Женщина была неопределенного возраста, со слегка отекавшим лицом. На ней был синтетический платок и утепленный серо-голубой плащ. Вообще ее равнодушное выражение на лице подсказывало, что женщина в прошлом злоупотребляла наркотиками, скорее всего, химический «Аль-Хазред»¹, который использовался не по обычному назначению,

¹ Имя персонажа из книг Г.Ф.Лавкрафта

для осознанных снов, а просто чтобы расслабиться. А если еще и дорогой наркотик мешают с более дешевой «дурыю», последствия для мозга самые неприятные и трудно обратимые.

При появлении главаря двое бойцов встали со стопок старых покрышек, почти синхронно произнесли фразу: «Ad maiorem Dei gloriam!» (на латыни это означало «К вящей славе Господа!») – и перекрестились. Женщина просто молча перекрестилась, причем справа налево, в то время как остальные осенили себя крестом по-католически.

Главарь поправил куртку, чтобы под ней не было видно пистолета, и уселся на пустой ящик из-под дешевой модифицированной картошки. Отряд не боялся, что их «пикник» заметит какой-нибудь дрон с камерой, летающий по белому небу этой планеты. Дело в том, что место стоянки располагалось возле ограды электростанции. По сути, энергия на ней добывалась из обогащенного звездолетного топлива. В атмосфере планеты такой способ обеспечивал большую эффективность, чем традиционные атомные электростанции, но близлежащая территория превращалась в непригодную для обитания зону, где все живое заболело и старело буквально на глазах. К тому же сильные магнитные аномалии делали опасными полеты над станцией и сбивали электронику. Из-за этого влияния возле ограды станции и образовался замусоренный пустырь, где высились припорошенные свежим снежком груды строительного песка и чахлые кривые

кустики, которые тем не менее успевали за недолгую жизнь отдать семена земле, чтобы на ней появилось еще одно поколение хилой поросли. Так что никто не летал над этой местностью, а большинство спутников не пробивались сквозь облачную муть. И при этом в каких-то ста метрах от площадки для «пикника» шумела автострада.

– Он не мучился? – спросил пожилой боевик у главаря.

– Нет, я быстро.

– Еще один смертный грех, – вздохнул пожилой.

– Ну что ж, всякий, кто способствует такому богохульству, должен осознавать, чем это может закончиться. Но этот человек верил в Бога. Верил искренне, так, что предпочел смерть утрате веры. Только суд Божий покажет, кто из нас совершил смертный грех.

– Брат, что мы будем делать дальше? – спросил молодой боевик.

– Эту возможность мы упустили. Лаборатория сменила расположение, этот несчастный, которого только что... он ничего не знал. Думаю, у нас осталось около трех земных месяцев прежде, чем их замысел станет реальностью и мир содрогнется.

– Но ведь теперь они не смогут выкинуть это сразу в эфир. Теперь нет доступа к передатчикам.

– Да, не смогут... Но скажи, брат, если они хотя бы осуществят задуманное, если святотатство произойдет, воплотится в мире, будет ли важно, что оно не дойдет до алчущих

зрелищ людских масс? – и главарь спокойно глянул на молодого, но тот от этого взгляда съежился.

– Нет, конечно, нет.

– Отнимая чудо жизни у этой заблудшей души, я не ощутил почти ничего... Сколько всего сделано вопреки заповедям, и я пытаюсь услышать голос ангелов, но от всех выстрелов я оглох. Вот это самое страшное. Если мир тоже оглох. Если такое событие пройдет для него просто незамеченным. Если он даже не обрадуется такому святотатственному событию и просто продолжит свое прозябание.

– Еда готова, – тихо сказала молчавшая до этого женщина.

– Возблагодарим же Господа нашего за сию трапезу, – бойцы достали из карманов принимающие жесткую форму тарелки и складные вилки.

Некоторое время они молча жевали картошку, как вдруг со стороны автострады послышалось шуршание колес. От трассы вела короткая извилистая дорога между терриконами, раньше по ней самосвалы возили строительный мусор. Еще секунда, и показался старенький автомобиль. На переднем сиденье сидели два человека, явно не из высшего общества. Но при виде расположившейся компании машина сделала резкий разворот и поспешно убралась тем же путем, каким и прибыла. Может, это были местные искатели металлолома, или наркоманы в поисках места для употребления дозы, или просто кому-то понадобилось справить нужду во время дороги.

– Проклятье, – тихо сказал молодой боевик, – вот и победили! Это очередные псы корпорации?!

– Не знаю. Но теперь придется нам сворачиваться. Жаль, место хорошее, чтобы укрыть следы, – главарь с сожалением глянул на видневшуюся из-за куч песка и сквозь решетчатую ограду монолитную тумбу реакторного здания.

Небольшой отряд засобирался. Главарь достал шашку для безаппаратной сварки, прилепил к кастрюле, активировал и швырнул посудину в сторону. Пошел пар, взвилось пламя, и кастрюля расплавилась.

– Брат, все-таки у тебя есть план? – спросил младший боец.

– Думаю, они пришлют еще одного газетчика, – главарь пытался скатать тарелку в трубочку, чтобы засунуть в карман, но старая посуда плохо поддавалась и не хотела переключаться в режим смены формы, – да, думаю, причем он прилетит скоро.

– Может, они не будут так подставляться еще раз? – говорил старший, затапывая костер. – Журналисты – слабое звено, они ведь срывают всю секретность.

– Вряд ли они обойдутся без журналиста с передатчиком. Один из главных – сам пропагандист. Ему нужна огласка. Ему нельзя просто говорить о жизни обычных людей или открытии новых колоний. Он хочет быть мессией. А для мессии готовящееся событие вроде как подходит. Поэтому они пришлют журналиста. И скорее всего, он будет русским. Ду-

маю, какое-то дочернее агентство «Климат-тека». Он будет настоящим журналистом, с официальным передатчиком – заговорщики даже в своей компании не могут никому доверять, слишком разные у них там интересы. К сожалению, наши епископы и главы орденов куда более едины в стремлении к ереси. Вопрос в том, будут ли они использовать посланца тайно от него самого, насколько он будет подготовлен и что будет знать. Вот на этом мы и попробуем их вычислить.

Каким-то чудом выживающая среди магнитных аномалий птица криво спикировала на автобус, села на рамке выбитого окна, покрутила головой и скакнула внутрь.

– Так, ладно, вы двое, возьмете покойного. Поедете на легковушке. Сейчас – вокруг города, в Индустриальный округ номер 53. Там много возможностей спрятать тело. На обратном пути ты выйдешь на станции монорельса, любой, лишь бы в сторону вокзала. Я на всякий случай мертвому на руку еще больше кислоты вылил, чтобы от передатчика ничего не осталось. Я возьму джип, отвезу Марту в город, потом буду узнавать насчет отслеживания новых передатчиков и журналистов. И нам нужны еще бойцы, все из доступных.

– Я общался с ребятами из Госпиталя Слез, – ответил молодой, – они, конечно, стреляют плохо, но человек десять у них найдется. Главное, они верят.

– Мальтийские рыцари? Это же в другом полушарии. Тогда разберись с телом и покупай билет на поезд туда. Устрой мальтийцам подготовку, проверь навыки, недели три у те-

бя есть, чтобы их погонять. И не говори лишнего сверх уже рассказанного. Неизвестно, насколько орден на них влияет. Только боевые упражнения. А сейчас расходимся. И братья, не забудьте помолиться перед упокоением тела нашего врага. Он заслужил.

Глава 1. Задание

Ивана Фомина вызвали в редакцию газеты прямо во время работы над репортажем. Он освещал выборы губернатора провинции Ист Ри. Событие это, в принципе, не слишком важное, да и предсказуемое (а другие репортажи Ивану не доверяли вести), но внезапный вызов в редакцию электронного издания подсказывал: случилось нечто серьезное.

Планета Лагарт относилась к холодным, с нестабильной погодой и сильными ветрами. Колонисты селились только в районе экватора и почти не использовали воздушный транспорт. Иван мчался в столицу на сверхскоростном поезде по проложенным в толще льда и снега туннелям. Пара часов в вагоне – и Фомин увидел за окном монументальные ступени пирамид, каждая метров по сто высотой и покрытая снегом, похожая на мрачную искусственную елку. Памятники первых колонистов, пирамиды окружали Транквила Съедад, столицу Лагарты. Раньше Иван любил этот город, пока не побывал на гражданской войне и по возвращении не увидел, что столица проиграла, причем сдалась почти без боя. Впрочем, после своего опыта в «горячей точке» журналист вообще мало что любил.

Редакция издания «Алистад Русо» располагалась в черте русского анклава. Здесь жили в большинстве своем работники корпорации «Климат-тек», выполнявшей работы по по-

степенному преобразованию планеты Лагарта в более пригодное для жизни место. Корпорации Русского Сектора заслуженно считались среди человечества лидерами по работе с холодным климатом. «Алистад Русо» тоже принадлежала корпоративному медиахолдингу.

В офисе газеты было тепло, уютно, но безлюдно. Естественно, подавляющее большинство журналистов, операторов, редакторов высылали всю необходимую информацию через сеть Олнет, приходить сюда не имело смысла. Иван зашел через согревающий шлюз, где с его одежды убрали снег, и автоматика почистила ботинки от грязи.

После нескольких минут ожидания на диване со стаканом малинового чая, весьма неприятного, с химическим ароматом, робот-секретарь пригласил Фомина в кабинет главного редактора.

За несколько лет работы на «Алистад» Иван лично видел главу издания всего два-три, на праздничных вечеринках, ни разу с ним не разговаривал и не переступал порог его кабинета. Главред, Литейшиков Федор, щеголял широкой и, можно сказать, неподвижной улыбкой, стильной пиджачной парой из настоящей шерсти и размашистыми жестами. Он не очень походил на вертлявого репортера, больше на политика не самого высокого ранга, готового лгать и переступать через других ради большей власти. И кабинет был под стать: стенка, выделенная под одинаковые корешки пятидесяти томов подарочного издания «Истории Галакти-

ческого Конгресса Человечества» на настоящей бумаге, которые никто никогда не читал. Несколько объемных изображений Федора с известными актерами, сенаторами, гангстерами и прочими кумирами. Еще в углу висел большой панцирь свирепого снежного мечехвоста, коренного обитателя Лагарты. Возможно, этот панцирь был бутафорский. Компьютер на столе был включен.

«Лучше бы я разговаривал с роботом снаружи, он выглядит более внушающим доверие», – подумал журналист Иван. Но тут же поправил себя, ведь при всей «скользкой» внешности Федор живет в доме с зимним садом, а честный Иван Фомин иногда вынужден спать в шубе, просрочив платеж за электричество и отопление.

– Здравствуй, – главред протянул руку, – Фомин Иван Сергеевич. В прошлом политический журналист, автор исследований про взятки во время предвыборной кампании нашего уважаемого президента, статей о препятствиях на пути реформ парламента Конгресса и Лагарты, как его колонии. Ныне скромный, но добросовестный выездной репортер. Ты ведь не ходил на последний новогодний праздник, когда мы собирались в «Медвежьих банях»? Вроде тебя там не было?

– Не было. Я лег спать рано на последний Новый год.

– Ясно. Садись, чего стесняешься? – и Федор сам плюхнулся на странный дизайнерский стул, весь из блестящих трубок и принимающего нужную форму пластика.

– Иван, я тебя сразу спрошу о такой вещи... Это ведь ты был во время военной операции в Коразон-дель-Фуего, а потом написал хорошую статью с размышлениями, но не совсем о войне?

– Да. Но ведь она не понравилась? Редактор Патокин, Ирвин Натанович, сказал «вообще ни о чем, болтовня этого... с Земли который... пьяного Сократа». И не дал добро на официальную публикацию.

– Патокин – идиот! – главред хлопнул ладонью по столу. – А статья интересная. Лаконичная, но заставляет задуматься. Жаль, что не пошла на заглавной странице сайта. Однако мне кажется, у меня для тебя есть новое интересное задание. Как ты относишься к межзвездной командировке?

– На другую планету? А у редакции хватит денег?

– Денег хватит, мы все-таки черпаем из кошелька, который перестраивает целые планеты под себя. Другое дело, что задание слегка... рискованное. И не совсем по теме журналистики.

– Чем вам может помочь автор политических статей, да еще и на другой планете? Заказуха во время очередных выборов?

– Нет, совсем нет. Ты знаешь Юру Карпенко?

– Никогда не слышал.

– Читал бы внимательнее родную газету. Постоянный автор рубрики «Культура». И он пропал без вести.

– Где? Как?

– Вот в том и дело. Я предлагаю тебе полет на матушку-Россию. На планету Аркаим. Где наш постоянный автор и репортер Юрий был замечен в последний раз...

– Подождите, можно подробнее? Что он там делал? И при чем здесь я?

– Юрий работал над текстовым освещением грабежа Музея Истории Христианства в столице планеты. Около одного земного месяца он провел там, исправно высылая материал раз в двое стандартных суток. Десять земных дней назад мы получили от него последнее сообщение, все было нормально. Мегасветовые волны идут сюда с Аркаима около сорока шести земных часов. Значит, двенадцать суток назад Карпенко был в порядке. Но вот после... Никаких сообщений. Мы уже связывались с органами власти на Аркаиме. Юра не появлялся в гостинице. Есть подозрение, что его похитили.

– Так при чем здесь я? На Аркаиме же есть полиция? Или корпоративная служба безопасности, мы как бы входим в «Климат-тек медиа». Их работа – искать пропавших без вести, а я не детектив, я простой писатель текстов.

– Уф! Ты правда хочешь в этом разбираться? – Федор откинулся на спинку стула.

– Вы ожидаете, что я найду похищенного человека, наверное, мне действительно нужно разобраться, почему не отдать дело полиции.

– Ну ладно. Смотри, – главред пощелкал кнопками компьютера, в воздухе повисла голограмма худого, измученного

человека с черными полосками на шее, — это и есть Юрий Карпенко. Молодой, всего тридцать земных лет. Имел проблемы с тяжелыми наркотиками, проходил принудительную реабилитацию. По словам нарконадзора, пришел в норму, но это вряд ли правда. Иногда позволял себе дозу. Во время реабилитации вступил в христианскую секту «Пястников», одна из ветвей православия, поклоняются особым мощам, но не будем углубляться в подробности. Когда наша редакция разослала приглашения на одиночный репортаж с вылетом к Аркаиму, единственный, кто отозвался, был Юрий.

Аркаим — сама по себе интересная планета. Вроде как и русская, но там преобладает не православие или разумное безбожие, как на большинстве колоний Русского Сектора. Во время смуты Эпохи Ранних Колоний ее захватили язычники, изгнавшие почти всех христиан. Поэтому разгром музея мы посчитали возможным предвестником масштабных погромов на религиозной почве, а это сейчас интересно. Кадры с избиением христиан хорошо оплачиваются. Поэтому и послали Карпенко. Погромов не случилось, а Юра пропал.

И вот что важно. Кроме язычества, Аркаим еще интересен следующим: на планете и ее орбите большие верфи, в основном военный заказ для флота Конгресса. И совсем рядом граница с враждебным нам орденом неодоминоканцев. К тому же Аркаим — холодный, нужно прогревать атмосферу, почти весь подряд — за «Куренев индастриз», которая

жестко отбила заказ у нашего достойного и уважаемого хозяина, «Климат-тек», и до сих пор тянется многолетний суд между двумя корпорациями. Понимаешь, к чему клоню?

– Наверное, какой-то компромат?

– Точно! «Пястники», как фанатичное движение в христианстве, могут найти общие цели с доминиканцами, пусть они и не католики. А что, если Юру не похитили? Что, если ему сектантство в голову стукнуло, он сам ушел? Да если «Куреневу» подкинуть шанс, историю со шпионом крестоносцев, связанным с «Климат-тек», они же выжмут это по максимуму! Тут дело пахнет не потерей заказа по Аркаиму, тут может вмешаться Верховный Суд Человечества на самой метрополии, на Ялусе.

– Вы отправили христианина-наркомана через полгалактики на планету, где орудуют спецслужбы доминиканцев, и боитесь, что теперь это всплывет на поверхность? Что собственный журналист вас предсказуемо предал?

– А ты, как латинская жена, умен, когда все уже пошло кувырком. Да. Посылать корпоративную СБ – это дополнительный риск. Будто мы заметаем следы. И полиция Аркаима, она вся под колпаком у Куреневой. А вот если прилетит еще один репортер – совсем другое дело. Нужно закончить прерванный репортаж... и сделать новый о судьбе коллеги. Будто мы ничего не знаем, мы сами растеряны. А ты нам все доложишь. Понимаешь логику?

– Теперь вроде как понимаю. Вы хотите, чтобы я аккурат-

но выяснил судьбу Карпенко и доложил вам, а вы дальше решите, как поступить?

– Правильно! Если выяснится, что Юра в беде, – мы поднимем все службы для его спасения. Если выяснится, что он сам сбежал, – ну, мы его уволим задним числом, поработаем с базами данных, есть способы дистанцироваться от собственного сотрудника. Может, пока ты долетишь на Аркаим – Юра уже отыщется и все будет хорошо. А за согласие на командировку мы сразу тебе платим пятьдесят тысяч кредитов и по пять тысяч каждые семь земных суток на Аркаиме, сто кредитов на местные сутки для карманных расходов, перелет в оба конца и пятьдесят тысяч в случае успеха.

– Сколько?! Такие огромные деньги?!

– Да, на личный счет.

– Мои услуги столько стоят? Я никогда никого не искал.

– Для политического писаки ты слишком себя критикуешь. Я тебя не случайно выбрал. Ты же отправился снимать бои, когда Корасон пылал, помнишь?

– Тогда хотелось посмотреть на «вооруженную борьбу с коррупцией и несправедливостью», как об этом пели латинские газетки. Посмотрел. Глаза б мои не видели. Несправедливость, что у кого-то нет лишних денег на счету, сменилась несправедливостью, что у кого-то нет винтовки для защиты своей жизни. Декоративные пирамиды из гранита на дачах продажных чиновников сменили декоративные пирамиды из убитых, правых и виноватых. Хорошо все поменяли, нечего

добавить.

– Ты все правильно говоришь, здорово! Вот поэтому я и предлагаю тебе лететь на поиски Юры. Ты рискованный, но здравомыслящий, наблюдательный, и тебе нужны деньги. Согласен?

– Если я полечу, когда старт с Лагарты и с чего начать поиски?

– Рейс будет завтра. Насчет неоконченной работы по выборам губернатора не волнуйся, я решу. По прилете на Аркаим сразу обратиться в Планетарный Центр Медиасотрудничества, к координатору Роману Харальдовичу Волхову. Он помогал Юре готовить репортаж, у него вся доступная инфа. Хороший мужик, тебе объяснит, что дальше. Ах да... еще следует знать. В последних сообщениях Карпенко упоминал, что за ним следят. Какие-то христианские фанатики. И он получал звонки с угрозами.

– Что?! Вы мне сейчас минут двадцать рассказывали, какое интересное задание, как много заплатите, и тут между прочим говорите, что пропавшего журналиста преследовали какие-то сумасшедшие. И я должен лететь туда без прикрытия? Я сейчас встану и уйду!!!

– Ну и уходи. Тебе, вижу, не нужны деньги и работа тоже не нужна.

– Так меня сейчас еще и шантажируют увольнением?

– Совсем нет. Если ты уйдешь – я всего лишь забуду о сделанном предложении и буду дальше думать, как найти Юру

другим способом. Просто я видел много журналистов вроде тебя. Ты не шагнешь выше, Иван. Твой нынешний верх – выборы мэра для свиноводческого моногорода или открытие нового торгового центра. Война с бандами в Корасоне была шансом сделать репутацию, но ты сломался. И работы другой здесь нет, мы – единственная русская газета с деньгами на Лагарте. Ты ленивый, руками работать не умеешь и не хочешь. Из знаний у тебя только ментально внедренный базовый курс испанского языка. Так что, если не готов насиловать гигантского снежного меченосца в панцирь на камеру, с поминутной оплатой для особых сайтов Олнета, так и будешь до старости барахтаться от получки до получки и всех ненавидеть. Согласен, Ваня?

– Я верно понял, у меня нет времени подумать? – мрачно спросил Иван, вскочивший было со стула.

– Времени нет. Следующий лайнер в Русский Сектор через две локальные недели, пока долетишь, нашего Юру уже порвут на лохмотья. И потом, ты не без прикрытия. Роман, координатор, на постоянном контакте с полицией и прочими планетарными службами, которые сразу придут на подмогу, стоит позвать. А еще редакция присвоит тебе высший репортерский ранг и имплантирует универсальный ключ к передатчику Вайхмана (при этих словах Иван невольно содрогнулся).

– Я вышлю тебе свой код для связи, – невозмутимо продолжал Федор. – Конечно, Вайхман – это для крайнего слу-

чая и лучше не писать по нему открытым текстом. Давай условимся, сообщение 01 – ты успешно выяснил судьбу Карпенко, опасности нет. 02 – ты выяснил судьбу Карпенко, он в беде, срочно нужна помощь. 03 – Юрий сам скрывается, он «запачкался», надо от него отрешиваться. 04 – ты сам в трудной ситуации, нужна поддержка. 05 – дело – полная дрянь, ты бросаешь все и улетаешь с Аркаима.

– И если я соглашусь? – тихо спросил репортер.

– Подпишешь два экземпляра договора, один тебе, другой мне, – Федор извлек из-под стола два листка гербовой бумаги с заготовленным текстом и протянул Ивану.

– В принципе, мне больше нечего добавить, – сказал главред, пока Фомин изучал ссылки на стандартные параграфы, сокращения и особенно тщательно – условия оплаты, – Роман Волхов тебе расскажет больше полезного по прибытии. Напоминаю, если ты даже прилетишь, а Карпенко уже нашелся – пятьдесят тысяч твои плюс компенсация за звездолет. А если примешь участие в успешных поисках – еще пятьдесят. Сейчас подписываешь договор – и я загружаю все необходимое в твой коммуникатор, записываю файл о журналистском ранге в твой паспорт. Останется собрать вещи и заехать в Департамент связи на имплантацию ключа. У тебя же нет мозговых имплантатов?

– Нет, у меня генная фобия, нейронное отторжение.

– И как ты собирался стать успешным репортером в нашем веке? Ну ладно, для ключа нервы не важны. Так что ре-

шил?

В тот момент Иван был ближе всего к тому, чтобы послать главного редактора в неприличном направлении. Одно дело – пропавший чудаков и гонимые за ним сумасшедшие. Но если издание так просто дает ему доступ к передатчику Вайхмана – такая щедрость не укладывалась в голову, в нее не верилось. Но Иван не ушел. Он сказал:

– Была у меня девушка, Каталина, Кэт. Она часто мне говорила, что я ничтожество, скучный, унылый, нищий, ну, и так далее. Мы с ней ссорились. И она убегала из дому, оставляла дверь нараспашку, напускала холод. А потом я брал машину напрокат, искал ее. У Кэт было много друзей, она включала коммуникатор. Но я как-то находил, ждал ее под окнами с дорожными цветами, иногда всю вашу зарплату на эти розы спускал. И никогда не поднимался в квартиры ее друзей. Может, боялся, что меня приберут, ее любили парни «без тормозов». А потом она выходила, разогретая, успокоившаяся, жадно вдыхала запах цветов. Иногда мы даже не ждали до дома, в машине все делали. И мне больше всего нравилось, когда Кэт шептала, что я у нее один-единственный. Вот почему-то нравилось чувствовать себя обманутым. Как сейчас. Здесь же подвох размером с главный храм ацтеков, а я соглашаюсь.

– Ну, мы же не твоя бывшая, – хмыкнул главред, удивленный внезапной откровенностью.

– Нет. Она сейчас замужем за солдатом наркомафии. Ско-

ро родит ему сына. Выглядит счастливой, хотя муж ее иногда по пьяни избивает, – Иван взял ручку со стола, подписал оба экземпляра и полез в карман за паспортом.

После редакции Иван отправился в штаб-квартиру Лагартского департамента связи. Здесь, проверив документы, репортера усадили в белой комнате, куда вскоре вошел пожилой сеньор с подносом, на котором лежали хирургические инструменты и коробочка с заветным имплантатом.

– Куда вы собираетесь, молодой человек? – спросил врач, делая обезболивающий укол в руку Ивана.

– На Аркаим. Подменяю коллегу, пропавшего без вести на задании.

– О времена! Когда я был молод, мне никто бы не доверил такой прибор для связи, даже взрывающаяся планета под ногами.

Иван Фомин хотел сказать, что во времена молодости почтенного врача ничего подобного технологии Вайхмана не существовало. Но промолчал. Может, сеньор не так и стар, просто жизнь тяжелая. Ему могло быт как семьдесят, так и сто двадцать земных лет. Последнее – вряд ли, если бы старик мог позволить омоложение – зачем работать за мизер на Департамент связи? В любом случае передатчик Вайхмана начали применять меньше десяти лет назад. Наиболее распространенная, связывающая разные планеты Галактического Конгресса и узлы информационной сети Олнет система передатчиков мегасветовых волн имела очевидный недоста-

ток: для космических расстояний такая связь была недостаточно быстрой. Донесения преодолевали расстояние между двумя самыми отдаленными друг от друга колониями за полтора земных месяца.

Относительная медлительность мегасветовой волны особенно остро проявилась во время последней большой войны человечества с другой цивилизацией и их Конфедерацией Хилим-ла. Телепатическая связь инопланетян хоть и требовала очень редкого таланта, но позволяла доставлять информацию адресату гораздо быстрее, чем человеческая техника. Над альтернативой военному мегасветовому передатчику и трудился профессор Вайхман и его команда. До заключения мира с Хилим-ла новый передатчик не был готов. Однако через несколько земных лет после войны ученые добились успеха. Передатчик Вайхмана работал не на принципе волн, он искажал пространство, почти моментально передавал сообщения на неограниченную дистанцию. Конечно, скорость имела свою цену. Даже передача пары строчек текста методом Вайхмана требовала объема энергии, вырабатываемого одновременно всеми электростанциями весьма индустриализированной планеты. Огромные многоэтажные приемники-трансляторы Вайхмана к моменту начала истории Ивана Фомина функционировали лишь на пятнадцати из нескольких десятков человеческих планет. Незадолго до описываемых событий передатчик запустили и на Аркаиме.

Ивану как раз зашивали во внутреннюю сторону предпле-

чья универсальный ключ Вайхмана – цилиндрик в полтора сантиметра длиной. В памяти этого цилиндра хранился очень сложный для взлома идентификационный код, детектор ДНК владельца ключа (Ивана в данном случае) и маячок, указывающий местоположение передатчика. Если Ивану нужно было передать сообщение, он его набирал через простую программу на коммуникаторе. Сообщение обычным образом уходило на планетарный передатчик Вайхмана. Затем запускался алгоритм чрезвычайного получения энергии из планетарной электросети. В зависимости от совершенства энергетики на планете через пятнадцать минут – час сообщение уже читали на другой планете, где стоял свой передатчик-приемник.

Ключи к передатчикам Вайхмана создавало и распределяло Министерство связи и информации на столице Конгресса Человечества, Ялусе. За ключами следила Специальная Служба Безопасности Человечества. Поэтому даже большие корпорации не рисковали жульничать со сверхбыстрой связью. Для допуска во внутренний круг центрального правительства существовали свои критерии, часто просто больших денег и наглости для этого не хватало, с метрополией никто не хотел ссориться. Ключ к передатчикам доверяли только военным, важным политикам и самым авторитетным средствам массовой информации. За раз одним сообщением можно было передать лишь строку текста размером пять на девяносто две точки. Использование передатчика чаще,

чем раз в семь дней, могло стать основанием для тюремного срока «за злоупотребление». Теперь вы понимаете, почему Иван так насторожился, когда узнал о ключе?

– Я закончил, – врач убрал клеевой пистолет, и репортер пошевелил пальцами, оглядывая новый красный бугорок у себя на руке. – Немного сегодня поболит. Коммуникатор отправит сообщение, только если до ключа не более трех футов. Руку не ударять, в бане не засиживаться, не оборачивать фольгой и свинцовой тканью, не входить в сильное магнитное поле. Этот имплантат хоть и дорогой, но весьма уязвимый. Не забудьте прийти и вырезать ключ по завершении командировки. Надеюсь, вы действительно летите на помощь пропавшему товарищу, а не, например, транслировать дурацкие сообщения со свадьбы очередного богатенького сына по кличке Мигелитто или Эль Ниньо. Бывайте здоровы!

Прощаться Ивану было особо не с кем. Последние месяцы он отдыхал среди кипарисов в оранжерее над теплыми источниками. Там были столики, на которых пожилые горожане играли в традиционное домино, кто хотел развлечения позатейливее – играл в маджонг. Пара стариков, Камилло и Этьен, пожелали Фомину удачно слетать и обещали держать набор домино готовым к его возвращению – вот и все прощания.

Дома Иван собрал необходимые вещи: складную посуду, запасные аккумуляторы, легкий утепленный костюм из син-

тетики, еще несколько мелочей. Затем отправил короткое видеосообщение родителям. Они жили на другой планете. Иван Фомин родился и достиг возраста четырнадцати земных лет на Багратионе, куда более теплом и гостеприимном, чем Лагарт. Но эту колонию зацепила война с инопланетянами Хилим-ла. Хотя непосредственно на Багратионе не велось боевых действий, общая разруха в экономике, перевод индустрии в военную плоскость, массовое внедрение автоматики взамен живых рабочих и отмена всех льгот для населения – война дала свой результат. Да и много граждан Багратиона, мужчин и женщин (особенно в конце войны, когда в добровольческие бригады охотно набирали женщин), погибло в боях на других планетах.

Война принесла немало бед и большому семейству Фоминых, ее последствия заставили младшее поколение улететь с планеты в поисках лучшей жизни. У Ивана было два брата и сестра. Только самый младший остался дома и к настоящему моменту работал оператором искусственного интеллекта (подробности Иван, как гуманитарий, не понимал). Сестра отправилась в далекую геологическую экспедицию, так и осталась там работать на долгие годы. Иван получил образовательную стипендию корпорации «Климат-тэк», полетел учиться в Обществоведческий колледж на планете Ангельск, затем корпорация распределила его на Лагарту. Старший брат весьма успешно содержал торговую фирму на Серакане, но имел неудачу съесть неправильную еду, когда мест-

ный синдикат, обезумев в своей грызне за власть, устроил массовые отравления для удара по репутации конкурентов. Брат выжил, однако его частично парализовало, он вернулся на Багратион почти беспомощный, уход за ним отнимал все силы родителей Ивана. Поэтому, наверное, они редко обменивались сообщениями со средним из своих сыновей. В отправленной перед отлетом на Аркаим записи Иван просто сказал, что летит на другую планету по работе, пробудет там пару недель, после чего вернется на Лагарту. Ни слова об опасностях.

Космопорт встретил Ивана неприветливо. После беглого осмотра дежурными на входе репортера пропустили в главный зал. Пол здесь украшали схематичные изображения ящериц, змей и прочих рептилий. Похожие на тех же змей, длиннющие очереди пассажиров медленно ползли к стойкам регистрации. В терминале было полно полиции, подразделение по борьбе с контрабандой оружия и наркотиков, усиленное бойцами антитеррористического спецназа. Вид у расхаживающих по залу стражей порядка был весьма злобный. Единой униформы им не закупили, только нарукавные знаки-маячки системы распознавания «свой-чужой», электромагнитные винтовки и красные защитные маски с электронными очками. И название у них было не номер полицейской части, а «Десаградорес», «Кровопускатели». Вообще весь этот набор полицейских отрядов Лагарты, все «калаве-

рас», «лобос», «муэртос» и прочие давно уже прогнили и продались. Полицейские ненавидели граждан, которых, по идее, защищали, ненавидели и своих коллег из других подразделений.

Кровавые расправы с конкурентами, бессудные убийства, торговля наркотиками, продажа секретной информации – полиция, казалось, занималась чем угодно, кроме поддержания закона. От этого выигрывал официально главный враг полиции (а неофициально – ее крупнейший работодатель), союз наркомафиозных испаноязычных картелей «Ацтлан». Мафия была едина и сильна, как никогда ранее на Лагарте. Основу ее могущества составляли эффективная сеть продажи и производства всего запрещенного, большой резерв «пушечного мяса» из трущоб и привлекательная для молодежи идея всеобщей справедливости, чудным образом соединенная с агрессивной пропагандой превосходства латинской нации над остальным человечеством. Среди картелей «Ацтлана» случались и междоусобицы, но внутренний суд весьма успешно находил ответ на главный вопрос: «Кто первый начал?» И зачинщика потом наказывали без сантиментов, с удушением собственными кишками и сжиганием в бочках. На тот момент официальные власти Конгресса ничего не могли противопоставить «Ацтлану». Или почему-то не хотели.

Иван топтался в очереди, а мимо то и дело проходили патрули, катились небольшие гусеничные роботы с детекто-

рами запрещенных веществ и заготовленными парализаторами. Даже пока Иван ждал, на его глазах полицейские вытащили из очереди двоих человек и куда-то увели. Полиция в основном охотилась на своих сограждан, с русскими предпочитали не связываться. Ивану казалось, он чувствует бессильную злобу под красными масками проходящих мимо «хранителей порядка».

К счастью, паспортный контроль прошел гладко. Клерку с поста на входе доложили про имплантированный в руку ключ Вайхмана, он подумал, будто Иван – важная персона, быстро проверил выездную визу и пустил Фомина дальше. Маленький вагончик довез Ивана по туннелю к выходу на продуваемую всеми ветрами посадочную площадку, где ждал большой лайнер, «Санта-Анна». Еще три долгих часа ожидания в каюте без окон, пока таможня закончит издеваться над пассажирами, – и звездолет, трясясь, начал быстро набирать высоту, завывая маневровыми двигателями. Затем Ивана, пристегнутого к койке, побросало, пока корабль занимал разгонную орбиту. Наконец из динамиков раздался голос капитана, проговаривающего приветствие по-испански. Затем, следуя правилам вежливости, капитан перешел на русский: «Приветствую, дамы и господа пассажиры, на борту нашего лайнера «Санта-Анна». Я, капитан Франциск Чавес, работаю на корабельную компанию «Рекорридо Сол», и отвечаю за комфорт и безопасность предстоящего полета. Сначала мы отправимся к колонии на планете Рос,

затем пересечем Русский Сектор с остановками на планетах Ангельск, Давилово, Владимир, высадка и посадка на орбитальной станции, без захода в космопорт Владимира. Конечная остановка – колония Аркаим. Ориентировочное время в пути... Диос мио! Что вы... как вы... Кто им разрешил стыковку?! Да если мы сойдем с орбиты, мы же столкнемся...» Динамики перестали транслировать.

Свет потускнел, остались только аварийные лампы. Соседи по каюте забеспокоились, начали переговариваться. Кто-то отстегнулся от койки, встал и вышел в темный коридор. Правда, почти сразу забежал обратно и сжался в углу каюты. Послышалась возня, ругань, умоляющие возгласы. Потом мимо открытой двери в каюту группа людей проволокла брыкающегося мужчину. Один из группы задержался в дверях, оглядел пассажиров. Был он в черном костюме с дурацким на первый взгляд большим зеленым бантом. Обрит налысо, над верхней губой, где обычно растут усы, – татуировка, два отдельных перепончатых крыла, вроде от летучей мыши. Нетопырь среди татуировок «Ацтлана» не сообщал о своем носителе ничего положительного.

Бандит обвел каюту немигающим взглядом черных глаз. Иван был уверен, если бы ему понадобилось убить кого-то из напуганных пассажиров, сделано это было бы с абсолютно нейтральным выражением на лице. Вообще при взгляде на бандита Фомин вспомнил подкатывающий к платформе скоростной поезд с горящими фарами и стеклом пустой ка-

бины, за которым не сидел машинист. На вагонах некоторых поездов тоже рисовали летучих мышей и птиц.

Оценив обстановку, гангстер безмолвно пошел дальше по коридору. Крики стихли. Через пару минут звездолет качнуло, будто от борта что-то отвалилось, наверняка челнок.

– Как же достали эти упыри!!! – выругался по-русски бегавший смотреть в коридор пассажир. Но выругался он почему-то шепотом.

Иван в очередной раз стал свидетелем, как обстоят дела на Лагарте. Внизу, на планете, вооруженная, как для межзвездной войны, полиция регулярно проводит рейды с обысками и зачистками, а в это время бандиты открыто носят на лицах свои опознавательные знаки, берут на абордаж разгоняющиеся звездолеты и похищают неудобных людей. Динамики опять включились, но капитан уже не здоровался с пассажирами. Он вздыхал, ругался испанскими словами сквозь зубы и раздавал указания для повторного выхода на разгонную орбиту. Похоже, микрофон он включил случайно, да так и забыл. Несмотря на возникшую заминку, экипаж старался, на сверхсветовую скорость лайнер вышел хорошо. Никого из каюты Ивана не стошнило.

После нескольких часов полета люди на борту успокоились, разбрелись по палубам. И русские, и латинцы, и граждане совсем далеких планет дружно ругали бандитский беспредел, но все сошлись на том, что «обычных и невиноватых

людей так похищать не будут, наверняка он сам из «этих». Жертва «Ацтлана» летела одна, экипаж вроде условился из-за большой очереди на разгон, что полиция поднимется на борт уже на следующей планете, на Росе. Постепенно пассажиры начали обсуждать темы вроде: «Какую систему отопления выгоднее установить в дом» или «Как на обратном пути провезти побольше инопланетных фруктов через таможню». Иван сел на лавочке в сквере, разбитом посреди главной палубы. От нечего делать он открыл в коммуникаторе текст той злосчастной статьи, которую не захотели публиковать. Вот этот текст:

«Сейчас, когда военная операция в городе Коразон-дель-Фуэго завершилась, я бы хотел написать немного не о самих боях. В конце концов, если вы хотите узнать побольше о методах армии, о тактике, увидеть перестрелки на улицах, наши материалы и материалы других репортеров – все есть в открытом доступе.

Я бы хотел написать о знании и вере. Мне довелось стать свидетелем, как солидный кусок общества на планете Лагарты отказался от знания. От знания, что почти наверняка завтра в его жизни будут такие вещи, как зарплата, еда, пусть и синтетическая, возможность сделать небольшой подарок или просто сказать ласковые слова своим любимым, посмотреть на закат с вершины пирамиды и так далее. Это было не полностью точное знание, ведь и солнце Лагарты может внезапно погаснуть. Но люди отреклись даже от такого знания о

завтрашнем дне в пользу веры. Веры во что? Могу ошибаться, но это вера в кровавые жертвоприношения, в грабеж магазинов, которые завтра опустеют навсегда, в страшные наркотические сны.

Сначала эту веру приняли молодые люди, но и старшее поколение тоже отказалось от знания. Я помню, как мы снимали видео про убитого пулеметчика боевиков. Бывший профессор геофизики возрастом в шестьдесят пять земных лет.

Произошедшее на нашей планете – не что-то уникальное. В первое десятилетие после галактической войны с Конфедерацией Хилим-ла бунты и беспорядки прокатились по многим колониям. Где-то это был протест против ужесточения борьбы с наркотиками. Где-то – кровавый выплеск религиозной ненависти. Были и сепаратизм против Конгресса, и просто гнев голодных и обездоленных. На Лагарте все эти компоненты смешались в одном восстании, как его называют из теплых и безопасных квартир, в «Заре "Ацтлана"».

Мне кажется, у ряда антиправительственных выступлений есть общая черта. Это были колонии тыла, на которых не шли битвы Великой войны. С одной стороны, граждане этих планет пережили гибель соотечественников в межзвездных операциях, экономический спад, постоянные кадры разрушений в СМИ и военную пропаганду. Они узнали, что человечество может принести огромные жертвы и при этом всего лишь вернуться к тому, с чего начинали, где зародился фронт. Что одни лишь красивые лозунги и готовность уби-

вать не всегда ведут нас туда, где жизнь лучше. Для многих необходимость просто работать, отстраивая мир после войны с Хилим-ла, долгие годы работать, эта необходимость оказалась непосильной ношей. Такой, что целые народы отказались от знания в пользу новой веры, а на самом деле старого и простого решения: ликвидации несогласных, грабежа и изменяющих сознание препаратов.

Стоит человечеству узнать что-то важное про эту Вселенную, как оно, словно в страхе, жмурится и верит, что все не так. Например, только человечество в очередной раз на печальном опыте убедилось, что война не решает проблемы, – и вот вера «Ацтлана» велит воевать нам дальше.

Знание о мире и вера сменяют друг друга в странной пульсации, знание расширяется до определенного предела, но затем его сжимает со всех сторон вера с ее догмами и предрассудками. Не подумайте, я, честно, не выступаю против религий как выражения веры. Каждый день Вселенная задает новые вопросы, человек не может знать все ответы, мы вынуждены с помощью веры рисовать картину непознанного.

Однако необходим баланс между жестким знанием и такой же жесткой верой. Если проводить аналогии, новая жизнь для человечества – за дверью, которую открывают одновременно знания и вера. А ключ – как медаль, которую можно приложить к двери лишь одной стороной, верой или знанием, за раз.

Хотелось бы, чтобы мы, люди, ценили уже познанное, но

и верили в лучший мир вокруг, в который мы можем принести новое, не убивая себе подобных и вообще поменьше разрушая.

Наверное, вы уже слышали такие призывы против всего плохого раньше, вам скучно. Но без новой грани между знанием и верой мы будем раз за разом наблюдать, как молодые люди с удовольствием жгут созданное стариками. И однажды это может распространиться на все колонии Конгресса. Как показал недавний захват крестоносцами колонии Норг, большая война всегда наготове».

Иван дочитал свою статью и подумал, хорошо, что этот текст не поместили на сайте. Звездолет вряд ли бы тормозили, а вот подрезать в подъезде Ивана могли. После чтения Фомин отправился спать. Занятий во время полета было немного: спать, кушать химические пайки и смотреть выпуски новостей, долетающие из звездных систем по пути.

Глава 2. Курс дела

Десять земных дней полета – и лайнер «Санта-Анна» приземлился в главной гавани Аркаима, космопорту стратегической важности «Гиперборейск». Терминал прибытия впечатлил Ивана: вдоль стен выстроились, как колонны, бородастые деревянные идола. Фомин уже знал, что с растительностью на планете Аркаим дела не слишком изобильны, и потратить строительное дерево на такие большие статуи – уже широкий жест. Перед космопортом на парковке толклись таксисты, все в мешковатых теплых куртках темных цветов. С синего предрассветного неба слегка сыпало снегом, но вообще Ивану показалось, что здесь куда теплее Лагарты и воздух как-то приятнее для дыхания. Повышенная гравитация не чувствовалась, сработал курс стероидных уколов, который пассажирам сделали в корабельном лазарете.

Таксисты безостановочно кружили у дверей терминала, зазывая выходящих гостей планеты. Фомин пробился сквозь назойливые крики и хлопки по плечу, увидел одного парня, который с равнодушным видом курил возле побитого электромобиля. Цену этот водитель назвал вполне умеренную. Иван забросил легкий чемодан на заднее сиденье, забрался внутрь сам, продиктовал точный адрес бронированной гостиницы.

– А почему здесь нет роботакси? – спросил Иван, пока

машина маневрировала по парковке.

– Иногда пытаются их здесь запустить, – буркнул водитель, – потом их быстро жгут. Или палицей бьют. Нечего работу отнимать у честных ребят.

После такого искреннего и исчерпывающего ответа Ивану расхотелось задавать вопросы. К тому же в салоне ощутимо воняло табаком, крайне непривычно для жителя Лагарты, где сигареты были дорогой редкостью. Из-за запаха репортера сразу начало укачивать.

Проехав несколько километров по шоссе, машина затормозила перед выездом на широкую автостраду. Указатель сообщал, что налево, через четыре километра, будет Портовый район, а направо, через десять километров, Гиперборейск и его Старый Город. Конечно, электромобиль свернул направо и начал ускоряться. Тут же Ивану пришло сообщение на коммуникатор от Романа Волхова с приглашением на встречу в Центре Медiasотрудничества, занимавшем этаж офисного здания «Терем», в одиннадцать часов дня по времени планетарной столицы. Иван решил, что успеет все-таки заехать в гостиницу.

Еще буквально минута езды, такси начало взбираться на невысокий горный кряж. Оглянувшись назад, Иван увидел, как равнина, поблескивающая огнями фонарей и вышек космопорта, обрывается в черное непроницаемое море. У берега, за рядами приземистых ангаров, виднелись огороженные иллюминированными дамбами запруды. Там, прямо в воде,

под водой, беспрестанно мелькали вспышки сварки, шла работа на остовах строящихся космических кораблей.

Перевалив через кряж, трасса спустилась на окутанную густым туманом равнину. Мимо проносились голографические рекламные вывески и отсыревшие старомодные щиты, объявления на которых предлагали или купить дешевые строительные материалы, или, наоборот, дорогие квартиры в центре Гиперборейска. Ивану очень непривычно было созерцать объявления на русском языке, без дублирования на испанском или общеанглийском. Туман мешал рассмотреть окружающий пейзаж, но что Иван видел – монотонные, блестящие влагой ряды невысоких одинаковых деревьев, уходящие во мглу. Снег здесь почти не лежал, иногда только попадались старые сугробы, их явно сгребли уборочные машины. Несмотря на плохую видимость, над дорогой сновало множество летающих автомобилей-флаеров, им сигналили осветительные установки.

Внезапно на пути у такси возникла укутанная туманом гора, озаряемая десятками прожекторов. Водитель слегка снизил скорость, и Фомин увидел, что это вовсе не гора, а двойка головастых каменных львов, замершая по обе стороны от автострады. Статуи были запряжены в сбрую из стальных канатов, которые уходили, провисая, вверх. Канаты заканчивались в кулаке исполина, беспрерывно мчащегося на колеснице и размахивающего луком. Его шлем и бородатое лицо, даже сквозь туман видно, покрывали линии плесени. Местами

камень отвалился от статуи, торчала арматура, но изваяние все равно внушало трепет своими размерами, блеском льда на стальной тетиве лука и общей загадочностью. Например, львы, тянущие колесницу, хоть и были выдающегося размера, не дотягивали ростом даже до оси между неподвижными колесами. При хорошей погоде издалека казалось, будто каменный воин запряг колесницу парой котят. Как ни странно, название и смысл этого памятника колониальной старины не сохранились, возможно, любую информацию про него умышленно стерли из всех архивов. Местные иногда в шутку называли его «кошатником», «ездуном» или «живодером». Несмотря на такую несерьезность в отношении, человек на колеснице с крохотными львами и луком в руке украшал знамя колонии Аркаим, черная фигура на белом фоне.

Как только машина выкатила из-под днища колесницы, дорога влилась в лабиринт большого города. Сначала несколько кварталов относительно новых многоэтажек, а потом репортер Иван Фомин получил возможность оценить классическую архитектуру Аркаима. Точнее, странное смешение архитектурных стилей. Казалось, Гиперборейск строили, чтобы пугать иностранцев и угнетать местных жителей. Высоченные, отделанные камнем постройки с островерхими черными крышами. Запутанные, не прямые углы улиц. Беспорядочно расположенные окна, когда одно громадное окно может служить сразу для пяти этажей и все обитатели на виду, а потом пять этажей вообще лишены окон. Проспек-

ты, переходящие в замусоренные проулки, и наоборот. Сгорбившиеся статуи то ли птиц, то ли грифонов на крошащихся карнизах, скалящиеся маски на стенах. Кустарные, расплывающиеся рекламные вывески, сугробы слякотной грязи, автомобильные пробки, падающий из окон флаеров мусор, новые транспортные эстакады, без излишних сантиментов пронзающие ветхие строения.

Когда такси наконец доехало до отеля, снег повалил в полную силу, почти как зимой на Лагарте. Гостиница, пятиэтажный новострой, лепилась к стене какого-то несуразного беззаконного небоскреба, с одной стороны округлого, с другой – остроугольного, будто утюг или корабль, да еще и со светящейся башней в виде головы дракона. Отель назывался незнакомым Фомину словом «Дракар». Водитель принял плату через терминал в машине, затем без особого энтузиазма, но вполне подробно, даже с помощью своей карты показал, как добраться до Центра Медiasотрудничества. Почти все районы Гиперборейска покрывала сеть монорельса, по словам таксиста, вполне удобная и дешевая для перемещения.

Иван выбрался из машины, заслоняя лицо от крупных снежинок, и вскоре получил доступ к одноместному номеру. В принципе, ему уже не сильно была важна цена проезда на монорельсе. Обещанные пятьдесят тысяч кредитов поступили ему на счет. Репортер мог позволить себе даже номер в роскошном отеле. Но Иван предпочел забронировать номер

в скромной гостинице за десять кредитов в локальные сутки. Номер был маленький, но аккуратный, двери закрывались, горячая вода текла, и не гуляли вездесущие тараканы.

Иван пару часов поперекидывал вещи, почитал про Гиперборейск в Олнете, и когда тьма за окном сменилась тусклым утром цвета серого снега, направился на встречу с Романом Волховым.

Офисный центр «Терем» выполнили в виде, очевидно, настоящего русского терема, только такого размера, что конек его крыши цеплял низкие облака. В здании царило оживление, работники многочисленных контор спешили на работу. У Романа Волхова была собственная приемная на этаже Меdiasотрудничества, с видом на стену соседнего дома и барельеф жар-птицы на ней, подсвеченный злым красным светом. Была у Волхова даже живая секретарша, правда, вялая и невыразительной внешности. Фомин знал про общечеловеческий обычай брать на работу секретаршу (или секретаря) скромного вида: «Смотрите, я работаю, а не предаюсь разврату с подчиненными».

Иван некоторое время молча сидел на предложенном кресле в приемной. Но ожидание затягивалось. Фомин, как репортер, не слишком любил молчание. Также он знал, что и большинство людей не любит тишину в обществе посторонних.

– А вы в Бога верите, я не ошибся? – спросил Фомин у секретарши, кивая на украшающие ее стол небольшие ико-

ны.

– Да, конечно, в христианского Бога, – слегка улыбнулась ему секретарша, отворачиваясь от обзора каких-то кулинарных специй, плывущих по экрану компьютера, – было время, я почти погубила себя наркотиками, христианство спасло меня.

– Вот совпадение! Мой предшественник, который пропал, тоже искал спасения от наркомании в религии.

– Очень многие сейчас страдают наркоманией. Нет цели, вот и травят себя. А Церковь дает смысл, ради чего жить, и спасает людей.

– А вы общались с Юрием Карпенко? Ну, это кого я разыскиваю.

– Немного. Он тоже сидел здесь, когда прилетел на Аркам. И еще несколько раз приходил к Роману Харальдовичу насчет репортажа. Но он не говорил со мной о православной вере. Мне Юрий показался нервным и каким-то... нелюдимым. А вы верите в Бога?

– Нет... Не верю.

– Совсем ни во что не верите? Ни в какие высшие силы с высшими законами?

– Знаете... как вас зовут?

– Валка.

– Валка, я прилетел с планеты Лагарта. А там один высший закон: прихоть мафии «Ацтлана». Это латинский союз наркокартелей, который подмял под себя все на моей плане-

те. И я видел, как их боевики убивают невинных. И как те, кто мучили и воровали, живут по сто земных лет. И как честные люди голодают каждый день, пока их одолевают тоска и разочарование в этой жизни. Я видел слишком много наглой лжи, безнаказанности и несправедливости, чтобы считать, что творец всего этого действительно добр и слушает.

Валка, у моего отца на Багратионе был брат. Когда началась Великая война с закерами, его единственный сын, танкист, отправился на фронт добровольцем. Он был убит почти сразу, в одной из мелких стычек, сожгли вместе с танком. Можно сказать, он сам выбрал свою судьбу. Но затем уже мой дядя, мирный фермер, попал под мобилизацию. Мы так и не узнали, что случилось с конвоем звездолетов. Может, напали Хилим-ла, может, какая-то аномалия. Космос ведь все еще большой и неизвестный. Обломки не нашли. И тело моего дяди и тысяч других мобилизованных не нашли. А после всего этого жена дяди, совсем одна, заболела гравитационным разрушением суставов, теперь просыпается по ночам от боли, зовет мертвых близких, и так уже пятнадцать лет по Багратиону.

– Пути Господни неисповедимы, вы знаете. И его замыслы куда больше, чем судьба одного человека.

– Ох, Валка, извините, если сейчас вас обижу, но меня никогда не убеждал аргумент, будто мы совсем мелкие и незначительные на фоне Вселенной, которой управляет высший разум. А все потому, что после смерти, если верить христи-

анству, нас ждет Суд. Как нас могут судить в посмертии одинаково, если при жизни наша судьба складывалась по-разному и несправедливо? Если мы всего лишь песчинки в божественных песочных часах, чья единственная цель – падать вниз, участвуя в непостижимых нам процессах, разве Богу интересна наша прижизненная возня? И как ее смогут честно осудить? Заметьте, я не отрицаю, что после смерти может быть Суд. Но я сомневаюсь, что он будет справедлив и, следовательно, нам обязательны строгие религиозные заповеди.

– Я немного не это имела в виду, когда сказала о неисповедимости Господних путей. У вас есть дети, Иван?

– Нет, пока нет.

– У меня есть. И хотя я совершала ошибки, как мать, я знаю, что очень важно дать ребенку знание вовремя, не раньше и не позже. Поэтому, кстати, школы еще существуют и занимают определенный промежуток в жизни. Некоторые вещи невозможно понять, не выплакав слез, не сохранив в памяти нужного опыта.

– Вы хотите сказать, все эти наши беды на самом деле уроки, которые нам преподают, чтобы сделать нас лучше, сделать нас готовыми к Царству Небесному?

– Да, именно это я и хочу сказать.

Иван вспомнил, как на Лагарте родители старались давать детям только лучшее и как не знавшие настоящих бед детки выросли в ударную силу «Ацтлана», но он все равно был не согласен.

– И опять я возражу. Проживая жизнь, мы редко станем лучше. Валка, вы наверняка видели, как разрушается личность под влиянием наркотиков. Как от бывшего человека не остается ничего.

– Конечно, это ведь и мое прошлое, но...

– ...наркотики – это яд от Сатаны, подталкивающий нас к греху и ошибкам, угадал? Если изменение сознания наркотиками – это действительно выбор, ошибка, то как же быть с изменением во время болезни? Например, мой родной старший брат. Когда он вел бизнес, он был отзывчивым, рассудительным и добродушным человеком. Но его отравили, и пострадал мозг. Теперь его руки так дрожат, что не может донести ложку до рта. Когда мать пытается кормить его детским питанием, он иногда не узнает ее, плюется и ругает матом. Понимаете, он же разом утратил часть памяти, утратил часть себя, какой же это для него урок?

К брату иногда родители вызывают православного батюшку. Тот как-то сказал, что душа брата в море, искупает свои грехи и грехи наших предков. Но когда придет час, он все вспомнит, поймет и войдет в Рай. А мне не верится, потому что у нас просто не было денег для его своевременного лечения. То было массовое отравление, больницы переполнены, а наша семья разбросана среди звезд. Кому-то из пациентов повезло сохранить ум, но не брату.

Ну ладно, достаточно примеров о моей семье, мы люди маленькие и грешные. Но Валка, я же когда сюда летел, я чи-

тал историю «Пястников», к которым принадлежал пропавший Юрий Карпенко. Вы знаете, кто такой Александр Ангельский?

– Конечно, основатель патриархата планеты Ангельск, первый патриарх Русского Сектора.

– Да. «Пястники» особо чтят мощи его правой руки (по слухам, сам Александр при жизни такое поклонение не одобрял). А какая история этих мощей? Когда Саксонская Федерация в Эпоху Ранних Колоний атаковала русских, а родной город Александра разбомбили дроны-истребители, он бежал в пустыню, где угодил в берлогу большого песчаного барса.

Свирепый хищник, который не поддается дрессировке и всегда живет один, тем не менее признал человека за своего. Почти год, пока дроны охотились, барс добывал и приносил Александру дичь, даже как-то научился наполнять флягу водой. Но однажды зверь напал на Александра и откусил тому руку по локоть. Говорят, тогда Александру и явилось откровение. Он вышел из пустыни к людям с полностью зажившими ранами. И он прочил нападение расы инопланетян, похожих на насекомых, кого теперь называют ирратианцами, и говорил о необходимости человечества объединиться под знаменем христианства. Так и получилось, Саксонская Федерация и Лига Арктура объединились для кровавой войны с нелюдьми, русские им помогли, и это привело к основанию Галактического Конгресса Человечества.

Уже когда Александр стал патриархом и руководил по-

стройкой Лавры на Валаамской Скале, группа паломников разыскала ту старую берлогу барса. А в ней – скелет зверя, между ребер которого лежала чудесным образом превратившаяся в мощи рука Александра. По письменным источникам, она обладала целительной силой и давала покой всем, кто к ней касался. Мощи разделили и разнесли по нескольким церквям, и это первые церкви секты «Пястников». Хорошая история.

Однако у меня вопрос о роли барса. Ведь изначально зверь оберегал человека, несмотря на то что по призванию был одиночкой. Как рассказывал сам Александр, нападение было внезапным. Неужели высшая воля вела свою тварь по жизни, только чтобы однажды вынудить зверя изувечить любимое существо, а потом издохнуть в одиночестве? Это не выглядит как любовь и благодать для всякого творения Божьего. Кажется, у нас у каждого своя роль и час быть праведником или злодеем. И это снова возвращает нас к вопросу справедливости суда за эти predetermined роли.

– Вы взволнованны, Иван. Вы много думаете о Боге. Но вы давно не были на службе в церкви. Если бы вы слышали воскресное пение, литургию, вы бы просто узнали благодать. С Богом в сердце просто не хочется придирааться к отдельным фразам и искать зло там, где есть добро, – ответила Валка и улыбнулась слегка снисходительной, рассеянной улыбкой фанатички.

Иван понял, что говорил зря. Он видел такие улыбки у

избирателей политиков, чья кампания велась хорошими пиарщиками.

– Вы, случайно, на службу ходите не в собор, где Музей Истории Христианства? – буркнул Иван.

– Нет. Он же недействующий. К тому же я православная, а не католичка.

– Простите, что прерываю интересную беседу, – заговорил динамик на столе, но у меня появилась минутка для общения с Иваном Сергеевичем.

Дверь кабинета Романа Волхова распахнулась, и выглянул его хозяин. Если до этого все встреченные Иваном жители Аркаима одевались и выглядели как скромные практичные люди, то координатор Роман сразу привлекал внимание. Очень коренастый (последствия жизни при высокой гравитации), Роман еще и отрастил снежно-белые волосы до плеч и заплел белую же бороду в косички. Учитывая, что он носил мешковатую белую рубаху навыпуск с вышитым красным орнаментом на воротнике и мешковатые штаны из похожей на лен ткани, – выглядел Волхов странно и как-то старомодно. Хорошо, хоть на ногах носил ботинки, а не лапти.

– Спасибо, Валка, что не дала гостю скучать, пока я мучился с этими всеми лицензированиями.

– У меня же сейчас нет задания, Роман Харальдович.

– Через пару минут загрузятся бланки, начнешь проверять и визировать. Пойдемте, Иван Сергеевич.

За дверью был кабинет, в некотором роде полная проти-

воположность кабинету Федора на Лагарте. Никаких особенных украшений, только нарочно необструганные доски в отделке стен, пара нарисованных от руки в стиле «под лубок» картин. Зато беспорядок царил рабочий, всюду стопки химической бумаги, груды папок и ящики с бухгалтерскими распечатками, сломанные коммуникаторы по углам. Правда, на столе работал вполне стандартный и современный компьютер. Роман предложил гостю простой деревянный стул и сам сел на такой же.

– Извиняюсь за ожидание. Очень плотный график. У нас здесь хоть и провинция, а новостей много. Тому журналисту подтверди лицензию, этому – выпиши запрос в консульство, много дел. Поэтому важные встречи провожу лично, а не через Олнет.

– Но ведь у вас, наверное, имплантат в голове? Фильтрует и обрабатывает данные.

– Это? – Роман постучал пальцем по торчащей из виска под белыми прядями черной коробочке. – Хорошая штука, но больно автоматическая. Как понаписывает стандартных ответов, потом сам путаешься, где ты, а где машина. Вот и предпочитаю принимать людей у себя. Кстати, прошу прощения, я включил связь на последних минутах спора с Валкой, слегка подслушал. Интересно, редко кто нынче обсуждает, в какого Бога он верит.

– Да вообще-то ни в кого не верю. Я просто доказывал Валке, что вера в единого справедливого Бога не под-

тверждается действительностью. Уже, наверное, ритуалы неоязычников, серия отдельных сделок с разными богами больше соответствуют нашему миру. Я не вижу в этом мире постоянства и справедливости.

– О, ради язычества к нам летают сюда многие туристы. Аркаим богат легендами и памятниками. Сам Гиперборейск был построен в виде древнего арийского символа, так утверждают летописи. Раньше на крышах определенных зданий горели большие газовые факелы, сверху город выглядел так, – над столом возникла объемная панорама ночного города, выделялись яркие очаги, образующие смутно знакомый Ивану крючковатый крест.

– Но теперь это в прошлом, – Роман убрал голографию, – на такие затраты газа нет денег, а правящая уже двадцать земных лет Прогрессивная Демократическая Партия Аркаима добивается снижения влияния славяно-арийского язычества. Как вам первые впечатления от Аркаима, Иван?

– Теплее, чем на Лагарте. Город очень интересный внешне. На Лагарте тоже любят массивно строить, но здесь все по-другому. Меня, правда, удивило, сколько полуразрушенных и заброшенных зданий.

– А это тоже последствия перемен. Многие язычники уехали из столицы, побросали дома. Да и денег уже двадцать земных лет как мало, все после большой войны Конгресс не выздоровеет. Ничего, «скоро сказка сказывается...» – слышали поговорку?

– Да, дело... делается?

– Совершенно верно! Так говорили наши русские предки, когда в очередной раз все меняли. Я себя считаю христианином, пусть и не хожу в церковь, как Валка, но верую. И я наблюдаю, как планета Аркаим избавляется от язычества, причем искусственной его формы, смеси из фальсификаций и верований древних северян Земли, которые и не русские даже. Может, планета потускнела внешне, но в умах точно порядка прибавилось. К сожалению, у вас на планете Лагарт происходит обратный процесс. Народ отвергает католичество, а взамен поклоняется идолам, богам холодных ветров, чьи названия я без синтезатора речи и не скажу. И ведь ничего хорошего это не дает, я не ошибся, читая новости?

– Я бы сказал, возрождение культов «Ацтлана», вроде Ишкуины, или появление «Санта-Муэрте», поклонение Смерти – это лишь одно из следствий общей беды, но спорить с вами не стану.

– Вот, я не ошибся. Погодите, уже скоро здесь будут носить нормальные имена, а не Олафов, Харальдов и всяких Лучезаров. Одежду, правда, жаль, уже мода здесь обычная, общечеловеческая, а я, как вы заметили, люблю одеваться, скажем так, «исконно». Ну да ладно. На тему родины могу говорить много, я ее люблю, но вы проделали длинный путь сюда ради дела.

– Юрий Карпенко и его исчезновение. Может, он уже отыскался?

– Увы, нет. Нам до сих пор ничего не известно о судьбе Юрия. Я сразу говорил Федору, незачем сюда посылать человека из-за обычного грабежа. Но Федор всегда был упрям, еще когда мы с ним давно работали на Ялусе. Вот уже второго репортера, то есть вас, с ключом Вайхмана отправляет. На Лагарте эти ключи, что ли, на базаре продают?

– Второго?! Значит, у Карпенко тоже был ключ?

– Да. А вы не знали?

– Никто мне не сказал.

– Вот странно. Обычно Литейщиков очень внимателен к деталям. Как бы то ни было, я бы и вас не отправлял сюда. Не разделяю опасений Федора, что дело имеет религиозный аспект, хотя исчезнувший и был человеком набожным. У нас здесь теперь не особо придают значение религии. Ну, еще бывают случаи жертвоприношений Чернобогу, но это далеко на севере, в последний раз дело было под Сваргградом год назад.

– А что же тогда случилось с Юрием?

– На данный момент несколько версий. Сейчас я позволю начальнику дружины... то есть полиции округа Гипербореиск, его зовут Вячеслав Всеволодович Розгин. Он лично заинтересован в скорейшем раскрытии этого дела.

Компьютер выдал голографическое изображение сгорбившегося пожилого человека в простом свитере с пришитыми погонами.

– Вячеслав Всеволодович, добрый день. Вот, ко мне зашел

Иван Сергеевич, он разбирается с ситуацией от лица газеты «Алистад Руссо».

– Очень приятно. Поверьте, мы делаем все, что можем, чтобы обеспечить безопасность всех законопослушных граждан Конгресса на данной планете. Нам самим весьма неприятно исчезновение инопланетного журналиста, да еще и с дорогим прибором связи.

– И я рад познакомиться. Так что насчет версий?

– Первая и самая очевидная – наркотики. Вот, посмотрите.

На окно кабинета опустился непрозрачный занавес, используемый и как экран для двухмерного проектора. Иван увидел четкую фотографию Юрия Карпенко, идущего куда-то в зимней куртке нараспашку.

– Обратите внимание на его шею, – Роман увеличил изображение.

– Я уже видел эти черные полосы и пятна, – сказал Фомин, присматриваясь, – но я думал, это татуировка. Мало ли сейчас на себе абстрактного рисуют.

– Вы не слышали о «Черной крови»?

– Нет, не слышал. Наверное, наркотик?

– Кстати, Иван, – заговорил полицейский, – эта зараза пошла с Лагарты, с вашей планеты.

– Я все еще русский и гражданин планеты Багратион. Мой сетевой профиль в Олнете со встроенным платным фильтром от информации про всякие психотропные вещества.

Слишком много, на мой взгляд, трудятся над управляемым психозом. Лучше бы так, например, работали над наномашинкой для восстановления поврежденного мозга. Сейчас припоминаю, слышал название «Сангре негро» – это по-испански «Черная кровь», но большего не знаю.

– И правильно, и похвально, – Роман осуждающе глянул поверх своей бороды на полицейского с его провокационным выпадом, – тогда я расскажу. «Черная кровь» – относительно новый наркотик, видоизмененный яд лагартского горного скорпиона, знаете про такого зверя?

– Да, только ведь правильно он не скорпион, он не родственник земному животному?

– Неважно. Ученые-кудесники «Ацтлана» сделали что-то с его генами, получили кусок мяса с жалом, которое высасывает немного крови носителя, а взамен дает ему дозу весьма приятного, по отзывам, яда. Сначала, не разобравшись, таможня разрешила завозить мутированных «скорпионов» сюда как домашних животных, теперь их здесь разводят.

– Противная штука, убивает надежней пули, – поддакнул шеф полиции.

– Да. А еще при неумеренном употреблении кровеносные сосуды наркомана, даже в белках глаз, становятся черными. Отсюда и название. А теперь смотрите. Сейчас мы видим снимок Юрия Карпенко, когда он в первый раз пришел сюда, в офисный центр «Терем». А это – его последний визит. Заметили разницу?

– Изображение Юрия в куртке нараспашку сменилось изображением Юрия в куртке застегнутой. Но черные линии теперь выползали по шее над воротником и расплывались кляксой на щеке.

– Заметили? За время на Аркаиме он явно не вел здоровый образ жизни. А там, где наркотик, – там его продавец, человек жадный, жестокий и готовый на все. Если Юрий, скажем так, загулял, а деньги кончились, его могли похитить именно наркоторговцы. Хорошая новость – наркомафия здесь редко убивает сразу, как правило, ждут выкупа, компенсацию за неоплаченный товар. Плохая новость – мы до сих пор не получили требований. Может, ищут родственников, а в масштабах Конгресса это долго.

– Но Федор, отправляя меня сюда, говорил, будто Юрию угрожали какие-то религиозные фанатики.

– Вот! И это версия номер два. Возможно, к исчезновению Юрия причастны неодоминиканцы. Да, в последний наш разговор Юрий упоминал о том, что его преследуют одни и те же люди на разных транспортных средствах. Он получал на коммуникатор сообщения с угрозами.

– С какими именно угрозами, не уточнял?

– Показывал на своем коммуникаторе. К сожалению, коммуникатор пропал вместе с вашим коллегой. Сейчас, вызову в памяти текст: «Юрий, поверни назад, не гневи Господа нашего Иисуса Христа, иначе мы остановим тебя любой ценой».

– Хм, чем может разгневаться Бога репортаж о разграблении Музея Христианства?

– Не знаю. Но тем не менее, Святой Престол всегда был активен на нашей планете, все-таки граница. В мирное время – купцы, в военное, как сейчас, – шпионы. Вы не обратили внимания на охрану при входе в это здание?

– Как-то охрана ускользнула от моего внимания.

– Значит, она хорошая. А здесь новейшая система, детекторы, дроны. Отряд из двадцати профессионалов и два боевых андроида последней модели. И все потому, что в этом офисном центре всего пара контор работает на оборону Конгресса. А вы видели верфи на берегу океана, возле космопорта? Эти котлованы, в которых морскую воду смешали с секретным реактивом, который укрепляет конструкцию, и сваривают теперь звездолеты прямо под водой...

– Рома хочет сказать, – перебил шеф полиции, – что здесь много шпионов Святого Престола. Лично я считаю, что угрозы «высокопарным религиозным слогом» – это как раз не признак доминиканцев. Иезуиты – серьезная спецслужба, которая никогда, запомните, никогда не действует открыто и ничего не требует именем Иисуса Христа, а эти анонимки больше похожи на угрозы мелких наркоманов. Единственное, почему я бы не сбрасывал со счетов роль крестоносцев в деле Карпенко, – это передатчик Вайхмана. Получить его ключ в свои руки для изучения и раскрытия секретов военной связи Конгресса – вполне возможная цель.

– Но ведь, – возразил Иван, – если они убили Юрия или вырезали имплантат, в ключе детектор распада ДНК, если что, комбинация доступа разрушается, верно?

– И вот поэтому, если Карпенко похитили крестоносцы, есть надежда, он еще жив. Иван, говоря о шпионаже доминиканцев, я в курсе, что вас отправили в первую очередь для проверки версии, будто Юрия завербовали иезуиты. Не бойтесь, я никому не разглашу. Как офицер полиции, я в стороне от споров корпораций «Климат-тэк» и «Куренев индастриз». Да я бы и отмел версию о вербовке как абсурдную, если бы не одно «но». За семь дней до исчезновения Иван начал носить на руке манжету из фольги. Она не позволяла отследить его по маячку в ключе Вайхмана. Значит, ему было от кого прятаться и что прятать.

– Однако, – сказал Роман, – это может быть и страх перед угрозами идиотов, и попытка спрятаться от наркоторговцев. Собственно, что мы узнали еще, пока вы летели сюда? Нам удалось получить информацию от метеорологических станций «Куренев индастриз». Официально эти автоматические посты собирают данные о состоянии климата по всему Гиперборейску, но на них есть и двухмерные видеокамеры. И вот благодаря им мы смогли посмотреть запись, возможно, последних минут перед тем, как Юрия похитили. Итак, по нашей информации, прибыв на Аркаим, основное время Юрий Карпенко проводил либо в отеле «Сытый Фенрир», где остановился, либо в Музее Христианства, работая над

репортажем, либо в районе Яровитовой Слободки, где снимал проституток и покупал наркотики.

– Но он же верующий христианин!

– И что? – мрачно ухмыльнулся Роман. – Спасение же нужно прежде всего заблудшим, так? Юрий завел почти регулярный распорядок на Аркаиме. Но в день исчезновения Карпенко внезапно изменил своей привычке и направился в район вокзала, где ни разу ранее не бывал. Смотрите... прокручиваю видео... вот, Юрий проходит под камерой на Троицкой улице. Если у него нет препятствий, он должен выйти через пару минут к следующей камере на Троицкой или к камере в Кобыльем переулке...но его нет... Все! Эти видео – последние известные изображения Карпенко. Единственный вариант – его затолкали между этими камерами в машину или он сам сел, и больше его никто не видел. А вот видео предполагаемых похитителей.

На проекторе мелькнул короткий ролик. Человек в куртке, похожей на военную куртку для армии некоторых планет Конгресса, вылезает из флаера, покидает поле зрения камеры, затем и флаер улетает.

– Это видео мы показали Юрию во время нашей встречи, уже тогда корпорация Куреновой предоставила некоторые записи. К сожалению, корпорация прежде всего исследует погоду, а видеокамеры – это просто защита от вандалов, качество изображения не очень, но Юрий опознал преследующих его. Этот, который вышел из машины, похоже, глав-

ный, всего их трое-четверо. Мы уже искали информацию на водителя и главаря в Олнете. Аркаимские серверы ничего не дали. Запрос в банк данных на Ангельске сейчас обрабатывается, это требует времени.

– А пока, – произнес полицейский, – я бы обратил внимание на третью версию. Кроме наркомафии, доминиканской разведки, есть ведь еще и обычный уличный разбой. Аркаим – обычная провинциальная планета с неприкаянной молодежью, которая не хочет работать, да и работы для нее, если справедливо, нет, но жить красиво хотят все. А тут еще и дешевые наркотики, а район вокзала теперь весьма криминальный. На вашего предшественника вполне могли напасть типичные уличные отбросы. Если его, не дай Перун, убили, тело просто увезли и бросили на одной из окрестных свалок, где оно попало в атомный деформатор и стало пылью. Так здесь бывает, хотя нашими стараниями случаи достаточно редки. Именно поэтому, Иван, я настоятельно рекомендую, если есть опасения – не прятать ключ под фольгой, а звонить нам в дружину. Мы ловим преступников, нас этому учили, а журналистское желание разобраться во всем самому может привести вас к беде. У вас включен биомониторинг в коммуникаторе?

– Нет.

– А вы включите, включите. Тогда при сигнале угрозы жизни к вам прилетят патрульные дроны, максимум через две минуты.

– Полностью согласен, – кивнул Роман, – с чего же вам начать? Я бы советовал поехать в Музей Христианства, поговорить со сторожем, сегодня его смена, он единственный свидетель ограбления и часто видел Карпенко. Думаю, вы узнаете там нечто для вас интересное. Я отправлю сообщение сторожу, чтобы ждал вас, он иногда забывает открыть двери музея, посетителей мало.

– Пожалуй, прямо сейчас отправлюсь, – Иван собрался уходить.

– У вас камера в коммуникаторе хорошая? – спросил Роман.

– Я, если честно, не собираюсь много снимать. У меня нормальная модель, «РКТ-Стриммер» пятого поколения, двухмерное видео делает даже для больших экранов.

– Удачи, молодой человек. Я загрузил вам свой номер. Обращайтесь в любое время. А сейчас простите, дела, – полицейский разорвал связь.

– На вашем месте, – сказал заговорщицким шепотом Роман, – я бы был втройне осторожен. Есть и четвертая версия исчезновения.

– Какая?

– Корпоративные разборки. Куренева, по сути, подмяла под себя Аркаим. Появление журналиста из конкурирующей корпорации с передатчиком Вайхмана... Лет сорок назад ему бы не дали сюда визу... тридцать лет назад его бы поймали в космопорту и отвезли на допрос в штаб-кварти-

ру корпорации. Но сейчас методы стали более скрытными и более... бандитскими. Юрия могла похитить корпоративная служба. Все видео мы получили от Куреновой, легко подделать. Вы же понимаете, Иван, как власть развращает корпорации, – и так глянул на Фомина, что тот понял: Волхов изучал его досье и знает про отравление брата.

Глава 3. Угроза

Иван быстро нашел через Олнет летающий автомобиль напрокат, тот прилетел на автопилоте прямо к офисному центру «Терем». Фомин хотя и сдавал на права для пилотирования флаера, в воздухе держался неуверенно и предпочел просто набрать пункт назначения в бортовом компьютере. Машина плавно поднялась над крышами и влилась в один из потоков транспорта. Те несколько минут, пока продолжался полет, репортер размышлял о том, что ему рассказал Роман. И больше всего Ивана занимала новость, что у исчезнувшего коллеги тоже был ключ Вайхмана.

Если ключ для Фомина еще можно было объяснить, то журналист, вылетающий с доступом к передатчику для репортажа о непримечательном, в общем-то, ограблении, — это звучало неубедительно. Однако долго думать Иван не смог, практически сразу после набора высоты автомобильный компьютер начал пищать и выдавать предупреждающие сообщения. Суть сообщений была в том, что точка назначения выбрана в неблагополучном районе Сталевка, где нередко случаи угона и повреждения автомобилей. Согласно договору аренды, в случае игнорирования данных предупреждений Ивану грозил суд от страховой компании. Пришлось внести коррективы для автопилота и приземлиться на охраняемой стоянке парой кварталов ближе. Тем более Му-

зей Истории Христианства располагался посреди парка, где негде посадить машину.

Окрестности музея и правда производили гнетущее впечатление. Узкие улочки, утопающие в смерзшемся до консистенции камня снегу, закрытые ставни магазинов и кучи экскрементов уличных животных (а может, и людей). Жилые дома здесь стояли монолитные, без окон, в виде идолов типа «скифская баба», плоские «лица» повернуты в одну сторону, как раз на парк и музей в его центре. Будто идолы осуждали и стерегли Музей Христианства, чтобы он чего не предпринял.

К музею вела изогнутая парковая аллея. Когда-то, наверное, парк и был хорошим местом для отдыха, но сейчас и его накрыла разруха. Лавки с навесами в большинстве своем разломаны. Обогрев газонов каким-то чудом работал, но они оказались скрыты под многолетним ковром листвы, пластмассового мусора и (обязательно) слякоти. Зато аллеи утром сильно замело. У самого входа в парк Иван наткнулся на робота-уборщика, застрявшего в снегу и сломавшегося. Дворник пинал машину ногами и глядел вокруг с такой лютой ненавистью, будто поклялся убить первого встречного. Дальше репортер шел, проваливаясь в снег. Похоже, никто утром больше не гулял по парку, следов не было.

Большая часть деревьев парка хвойные, они сжались от холода и каких-то своих болезней. Лиственные же деревья вообще выглядели давно засохшими. Может, дело было все-

таки в зимнем времени года, летом парк мог и преобразиться. На голых ветвях сидели большие черные птицы. Иван давно не видел пернатых живьем, на Лагарте птиц не водилось вообще. Вот только парковые птицы вовсе не пели и даже не каркали на манер земных ворон, а издавали надрывный раздражающий кашель вслед одинокому репортеру. Подгоняемый зловещими птицами, Иван вскоре увидел цель своего похода: высокую коричневую колокольню, громадные окна с витражами и обитые железом врата.

Изначально здание Музея Истории Христианства было собором Святого Петра. Тогда планета Аркаим еще называлась Бернардом, а на месте Гиперборейска был город Пилгримс Кип, окруженный временными лагерями беженцев. Аркаим в Эпоху Ранних Колоний служил перевалочной базой для преследуемых христианских фундаменталистов во главе с орденом Святого Доминика. Дальше этой колонии Саксонская Федерация, а затем и Галактический Конгресс, не смогли гнать неомонохитанцев, и последние основали и укрепили свое межзвездное государство практически по соседству с Аркаимом.

Около десяти земных лет Аркаим оставался спорной планетой, крестоносцы не хотели его оставлять. Но Саксонская Федерация сначала способствовала воцарению на планете причудливого язычества, смеси из славяно-арийских культов и скандинавской мифологии. А дальше у язычников внезапно появились денежные средства для покупки оружия и

контрактов с частными наемными армиями, которые окончательно разгромили и вытеснили доминиканцев с Аркаима. Много лет затем Аркаим служил как источник антикатолических настроений уже в Конгрессе. Но также колониальное правительство разжигало вражду язычников и православных, ведь Аркаим формально входил в Русский Сектор. А Русский Сектор постоянно следовало держать слегка раздробленным, дабы не оживился русский сепаратизм от Галактического Конгресса. Только относительно недавно, когда граждане Аркаима устали от свар, а Конгресс отвлекся на большую войну с инопланетянами, планета стала религиозно терпимее.

Иван наконец добрал до музея, от дверей вела одинокая тропка, наверное, сторож куда-то выходил. Фомин убедился, что пришел в рабочие часы, и толкнул калитку в массивных воротах.

Сторож, Кирилл Ярославович, как он представился, был весьма пожилым человеком, но приветлив и фанат компьютерных игр. Когда Иван вошел, сторож как раз сидел за стойкой и играл в какую-то игру через коммуникатор с громкими комментариями. Гостю он обрадовался, спрятал устройство в карман, долго пожимал руку, но тем не менее сразу предложил купить за три кредита презентацию музея. Фомин согласился, перевел деньги на указанный счет. У Ивана были сомнения насчет того, пошли ли деньги на баланс музея или Кириллу Ярославовичу на вечернюю бутылку вод-

ки. Сторож, получив деньги, сразу вылез из-за стойки и начал убеждать Ивана, что только сейчас скачанный за деньги файл скучный, а он сам все расскажет про музей.

– Смотри, как тебя зовут? Иван? Ну, Ваня, да? Понял. Ты далеко летел? Лагарта? Сколько тысяч световых лет? Ого! А вот я живу в ста километрах от Гиперборея, и то тяжело через день на смену ездить. Сидел бы дома, если бы пенсионный фонд не лопнул. Старость, понимаешь, уже и не хочется видеть что-то новое. Да и что у вас по-другому? Водка тоже дорожает? Ах, текила дорожает? Ну, какая разница? Я видел все, что хотел видеть, это и есть старость. Разве что игру люблю, «Покорение Галактики». Я в пятнадцати переизданиях набил максимальный уровень, с женой там познакомился. Христиане – моя любимая игровая фракция, вот и устроился сюда... Короче, смотри, вон там, направо, еще сохранились деревянные лавки, на которых сидели первые прихожане этого собора, остальные пустили на дрова, холодно было. А это личные вещи армян... арамейского отшельника из древней страны Сирия... ой, их украли же! То есть здесь были вещи отшельника из Сирии. Они не были особо любопытны, на наш нынешний взгляд, глиняная миска, всякие ржавые гвозди. Но это был современник самого Господа нашего Иисуса Христа, а эти нехристи, ну, кто музей грабил, зачем-то взяли, их даже на цветмет не сдашь... А вот алтарь из церкви коптов. Звучит похоже на копчик, кость такая, ломаешь ее часто, если поскользнулся на льду... Короче, коп-

ты – древние христиане из какой-то теплой страны на старой Земле, не Сирия, забыл название, это их церковный алтарь. А вот хоругви и иконы, это век тринадцатый, четырнадцатый... может, пятнадцатый... какая разница?! Издалека кажется, все в одно время происходило. Это иконы третьего крестового похода, с ними наши благочестивые предки шли в бой. А вот мужик показывает пальцем, так это Господь Бог тянет руку первому человеку, Адаму, стало быть, только образ Адама не сохранился. Это кусок копии какой-то знаменитой фрески. Может, ту церковь, где оригинал, разрушили во время смуты на Земле. А здесь должен был быть золотой потир и эта... епи... епитрахиль, вот! Только ее украли. А здесь фаланга среднего пальца святого Александра Ангельского. Ее сюда доставили уже после Эпохи Ранних Колоний, по обмену с Валаамской Лаврой. А наш музей Лавре передал почти половину экспонатов из запасника в подвале. Сторговались, значит.

Кстати, ваш друг... ну, не друг, ладно... Юра. Он часто заходил. Но в основном молился перед мощами святого Александра, не отвлекался. Верующий человек был... а ты его искать прилетел? Так я вам скажу! В ночь грабежа дежурил я. Сидел смотрел за камерами, абсолютно трезвый. Отвлекся, может, на пару минут. Как вдруг они разбили витраж. Я было к ним, но ты же знаешь наши дешевые государственные системы безопасности, я нажал кнопку тревоги, но они были быстры, как бесы. Я видел двух в черном, они по мне как

зарядили парализатором, так я и упал. Они пролезли через духовое оконце на внешней стене, а потом разбили витраж и потом столкнулись со мной в главном зале. Хороший был витраж, яркий. Ты, кстати, знаешь, чем этот собор был неповторим? Это, по сути, старый собор, вокруг которого построены новые внешние стены. Потому что изначально климат на Аркаиме был холоднее. Пришлось достраивать вторые стены, спасти прихожан от мороза. Но главное, витражи. Внешние окна, на них нарисован Господь воинственный. И архангел Михаил, и святой Георгий, повергающий Змея. И Страшный Суд. А внутренние окна – на них Господь милосерден. Вон там – Дева Мария с младенцем. А это – вознесение праведников. Понимаешь, для тех, кто обходил церковь стороной, собор казался грозным, сулящим кару. А кто вошел внутрь, тот видел радостные витражи. Еще помню, как до прихода Куреневой, когда было холоднее, но меньше туч, так ярко окна играли на солнце, а теперь приходится подсвечивать лампами. Эти варвары, кто украл потир и остальное, они же разбили столетний витраж, где изображено Воскресение Христово. И зачем?! Могли ведь меня вырубить и зайти через калитку! Вот шакалы! – сторож глянул на разбитое окно и перекрестился на православный манер.

А Иван, в основном молчавший все это время, глянул на разбитый яркий витраж, который государственный фонд, державший музей, так и не начал восстанавливать. От картины осталась лишь верхняя часть, изображавшая падающий

яркий луч с неба. И внезапно Фомин вспомнил собственную командировку в город Коразон-дель-Фуэго на Лагарте.

Планета Лагарт, за полтора земных года до описываемых событий.

Университетская церковь, старое здание, которое первые поселенцы по тогдашней «космической» моде отделали листами алюминия, сильно пострадала. Высокие готические окна выбило близкими взрывами, листы металла пятнала копоть и редкие дырки от пуль. Что-то крупнокалиберное попало в скат крыши, оставило после себя провал с торчащими стропилами. Яркие абстрактные витражи из цветных квадратов, островерхая колокольня, блестящий алюминий – целым это здание представляло из себя интересную смесь из готики и эстетики времен ранних межзвездных полетов. Жаль, те, кто сейчас сражался в городе, не особо интересовались архитектурой и историей.

Иван видел церковь через открытое окно. Вопреки всем правилам безопасности, нынешний хозяин кабинета генерал-майор Эстебан Ориэма сдвинул бронированную заслонку, и они с Иваном Фоминым вдыхали теплый, отдающий гарью уличный воздух и смотрели в пустоту окон побитой церкви напротив.

Генерал определил университетский кампус как место для штаба операции по освобождению города Коразон-дель-Фуэго от бунтовщиков. Университет предварительно штур-

мовали, его удерживал крупный отряд, в основном знающие окрестности революционно настроенные студенты. То недолгое время безвластия в городе здания учебного заведения были переполнены разными романтиками, не только воинственными боевиками, но и сочувствующими им. Была попытка создать в кампусе коммуну, образец нового мира равенства, секса и наркотиков. С приходом армии этот общественный эксперимент закончился быстрым и кровавым штурмом. Арестованных вывозили из города переполненными грузовиками, некоторые пропали без следа в пути. Затем еще долго кружили флаеры, по слухам, найденные тела студентов воздухом переправляли в иногородние больницы и морги. На некоторые территории кампуса журналистов, в том числе и Ивана, так ни разу не пустили. Иногда казалось, из-за закрытых дверей долетает запах разложения.

Как и многие исторические несчастья, события «Зари "Ацтлана"» для большинства начались внезапно. Это потом люди недоумевали: «Как же мы не видели, к чему все идет?» В том году лето выдалось относительно жаркое, хотя погода все равно подбрасывала сюрпризы. Ночами иногда шел снег, но днем стояла жара, можно было ходить в шортах и футболке. Растительность покрыла обычно голые равнины, пастухи не могли нарадоваться, выгоняя тучные стада альпак подальше в дикие земли.

Но из-за такого изобильного лета было легче устроить и нехорошие дела. Несколько месяцев, как раскаты грома, гре-

мели акции против правительства. В основном это была молодежь, требующая легализации легких наркотиков. Иногда, впрочем, и прогрессивные родители вздыхали: «Да, молодым надо больше свободы», «И мы были такими, пусть поживут для себя», «Пусть развлекаются качественными препаратами из аптек, без привыкания, чем непонятно какой химией». Журналисты крупных изданий постоянно напоминали про ужасную коррупцию и нарушение прав человека. Главными кумирами масс были герои популярного сериала о превращении уличной банды в межзвездный наркокартель. В теплом летнем воздухе царило странное напряжение. Даже не злость. Что-то вроде, как бывает на свадьбе, когда гости уже затеяли шуточный пьяный спор, уже толкают друг друга, но еще вполсилы. И в ближайшие минуты кому-то, не рассчитав, разобьют нос, и будет драка.

А потом двух активистов студенческого профсоюза из университета города Коразон-дель-Фуэго, издавна известного как рассадник гуманитариев и вольномыслия, арестовали. Эти двое были известными агитаторами за свободную продажу наркотиков. Арестовали их, предсказуемо, за наркоторговлю.

По всей планете сразу собрались многотысячные митинги с требованием освободить узников совести. Когда двоих студентов перевозили из полицейского участка в окружной суд, толпа перегородила дорогу колонне машин и попыталась освободить задержанных. Так и неясно до конца,

что произошло дальше. Вроде полицейский фургон как-то неудачно перевернулся. Некоторые свидетели утверждают, была стрельба. Короче, оба лидера студенческого движения погибли.

А дальше словно взорвалось. Массовые забастовки. Соборания студентов и преподавателей. Требования немедленной отставки руководства силовых ведомств, всего правительства колонии Лагарта. Требовали даже независимости от Галактического Конгресса и особых прав для всех испаноязычных. Самое страшное, начались скоординированные атаки на полицейских, военные склады оружия и правительственные здания в двух южных. «Демонстрации за мир» стабильно завершались погромами и грабежами.

Полицейские, не желая оставаться безответными в разворачивающемся хаосе, начали проводить массовые задержания, жестокие акции возмездия и вообще часто стреляли на упреждение, по непонравившимся прохожим.

Большое количество пропавших без вести провоцировало новые нападения на здания полиции, надеялись найти и освободить близких. Как показало время, нападали зря. Полиция еще старалась опознавать и отвечала на запросы по конкретным арестованным. Пропавшие либо сами прятались, либо лежали где-то мертвые. Народ на Лагарте был воинственный, оружие для охоты достать было несложно, и каждый убитый полицейскими парень или девушка давали восставшим как минимум одного озлобленного родственни-

ка, готового воевать из мести.

Правительство колонии избрало, наверное, худший способ реагирования: полумеры. Парламент гудел в бесполезных дебатах: вводить или не вводить военное положение, мирные или не мирные протестующие. Одновременно осуждалось насилие со стороны полицейских и отправлялись на подавление беспорядков все новые и новые роты. Средства массовой информации беспрепятственно продолжали призывать к свержению власти. Многие газеты и каналы получали деньги прямо от «Ацтлана», некоторые – от межзвездных корпораций, заинтересованных в хаосе на испаноязычной планете, чтобы потеснить конкурентов с рынка.

Очень важные процессы происходили в сети Олнет. Власти медлили с обычными для массовых беспорядков практиками вроде изоляции сетевых узлов и привлечения искусственного интеллекта, генерирующего фальшивые сообщения и засоряющего соцсети. А между тем, пока правительство тянуло с чрезвычайными мерами, помимо создания молодежных групп и координации митингов в Олнете, проходили финальные приготовления к следующей, военной фазе восстания. Рассылались директивы, уточнялись сроки, формировались автономные отряды боевиков, распечатывались схроны с тяжелым вооружением, шли финальные закупки всего необходимого.

«Заря "Ацтлана"» готовилась много лет, это был масштабный замысел союза наркокартелей. И цель была перестройка

тирование целой планеты в надежный бандитский тыл для испаноязычной мафии. И с каждым днем неопределенности среди беснующейся толпы увеличивалось количество вооруженных и знающих, что делать, людей. Плакаты с лозунгами, бутылки с зажигательной смесью и камни уступали место автоматам, гранатометам и снайперским винтовкам.

Несмотря на организационные усилия бандитов, на третьей неделе кризиса полиции, лояльному правительству ополчению и агентам планетарной службы безопасности удалось с большой кровью восстановить порядок почти во всех мятежных городах и поселках. Но только не в Коразон-дель-Фуэго. Посланная туда рота полицейского спецназа с дубинками, щитами и ультразвуковыми пушками для разгона демонстраций попала в засаду и была полностью уничтожена. Местные стражи порядка и мелкие чиновники, кто выжил, сбежали или перешли к бунтовщикам. Почти всех пленных революционеры казнили в прямом эфире, с трансляцией в Олнет. Вот после этого правительство наконец решилось применить армию и взяло город в блокаду, включая и информационную (но без полной цензуры, ведь свобода слова была в первой десятке статей планетарной Конституции). До последнего момента в Коразон стекались вытесненные из других городов революционеры, на гражданских машинах, по общим автострадам, многие с семьями. Но когда армия получила «зеленый свет», колонны начали выслеживать и бомбить с высоты. Иван запомнил свой последний оди-

ночный репортаж, еще до приезда съемочной группы: ряды сгоревших машин, искореженный металл и лужи застывшего пластика на обочинах, торчащие обугленные руки и ноги. Высотные бомбежки отступающих журналисты называли военным преступлением. А большая часть революционеров к тому времени успела попасть в город Коразон и закрепиться там.

Иван отправился проводить репортаж в Коразон почти с самого начала кризиса. Первую неделю он ходил по городу и собирал материал один. На первых порах «активисты» охотно давали интервью и улыбались в камеру, даже если у них на боку болтался компрометирующий «мирный протест» пистолет-пулемет. Когда стало ясно, что будет битва и понадобится много снимать, Фомин дал согласие на работу в особо опасных для жизни условиях, и ему прислали на помощь еще двух человек. Один, видеооператор, он же специалист по небольшим летающим дронам с камерами. Второй отвечал за запись и обработку звука и вообще за финальный монтаж всего материала. Иван был главным в группе, составлял и зачитывал тексты, согласовывал действия с редакцией и решал прочие возникающие во время работы задачи.

До командировки Иван Фомин считал себя интеллигентом, гордился познаниями в политике, был большим сторонником всяких теорий «прямой демократии», «политики микропартий и малых организаций» и всего подобного. К тому же Ивану хронически не хватало денег, в чем он обви-

нял власть. Бунт в Коразон-дель-Фуэго журналист воспринял с симпатией. Но после недели в охваченном волнениями городе Иван переменял мнение. Причем настолько резко, что одним из первых репортеров обратился в армейский пресс-центр за аккредитацией, когда первые отряды солдат закрепились в черте города.

Во время тяжелых уличных боев армии с повстанцами группа Ивана повидала многое. И простреленные стены, под которыми скопилась и засохла кровь. И развороченные обстрелами жилые дома. И избитых до полусмерти пленных «активистов». Но Иван видел и другую сторону. Он видел растерзанные семьи городских полицейских и просто богатых жителей еще до начала войсковой операции. Среди протестующих активно говорили про «эскадроны смерти», полицейские пытки. Однако, когда Иван задавал вопрос: «А расскажите примеры из вашей жизни, когда вы терпели насилие от полиции», люди терялись, показывали одинаковые видеоролики из Олнета или злились. Из нескольких десятков интервью меньше пяти человек рассказали реальные истории, и там не было ничего страшнее побоев. А толпа, идущая по адресам и убивающая целые семьи, была перед глазами. Видел Иван и двух пожилых профессоров университета, докторов философии, с ученым видом прогуливающих по двору и спорящих про то, когда наступит на Лагарте «свобода совести и личности», сколько поколений людей должно смениться, а в считанных шагах от них студенты сгрудились

на крыльце и не давали репортерам рассмотреть два трупа в гражданской одежде, которые кто-то истыкал ножом и прыгал на них, выгоняя кровь из ран. Почему-то Иван особенно хорошо запомнил отпечатки ног в запекшейся крови на вершине главной храмовой пирамиды Коразона, следы ботинок, кроссовок, босых ног. Он увидел их, когда армия выбила засевших на вершине снайперов и пустила к пирамиде съемочные группы. Именно на верхней площадке храма резали глотки пленным полицейским, а толпа или ликовала, или отворачивалась.

Еще Иван с первых дней много раз слышал лозунги: «Свобода от христианских догм и власти гринго» (то есть от власти неиспаноязычных, не-латинян). А поскольку он был в некотором роде «гринго» и понял, как от него намерены в дальнейшем «освободиться», репортер быстро выбрал сторону в разгорающейся войне. Да так выбрал, что решил не уезжать в безопасную столицу, где обыватели высокомерно отмахивались: «Что власти, что демонстранты – мрази», вызвался возглавить съемочную группу. Такое решение Фомин еще принял, поскольку большая часть журналистов упрямо продолжала работать на оправдание повстанцев, даже после обязательной аккредитации и некоторой цензуры со стороны армейского пресс-центра. Иван хотел показывать события с правильной точки зрения, как сам ее понимал.

В колледже Иван проходил специальный курс фронтовой журналистики, включавший и подготовку под гипнозом, но

почему-то все равно было очень страшно. Пока снимали и работала аппаратура, Фомин как-то отрешался и выглядел спокойным. А вот после колени подгибались, руки трясло, и приходилось пить сердечное лекарство.

Группу Ивана простые солдаты пусть и с недоверием, но терпели. А вот офицеры большей частью принимали хорошо, поскольку на проверке его репортажей никогда не находили ничего порочащего армию и полицию. Особенно хорошую репутацию Иван приобрел после третьих суток штурма, когда к его группе неожиданно пришло репортерское счастье. Они втроем снимали абсолютно опустошенную улицу, по обе стороны только развалины домов, впереди – ни души, как вдруг показался низко летящий армейский флаер. Громкоговоритель на нем повторял: «ГРАЖДАНЕ!!! НЕ НАРУШАЙТЕ ЗАКОН!!! СДАВАЙТЕСЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПЛАНЕТАРНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА!!!» Под брюхом у летающей машины на тросе с крюком раскачивалось человеческое тело. Неожиданно мертвец зацепился за стену дома, сорвался с крюка и с влажным звуком рухнул на мостовую прямо перед удивленными репортерами, которые все засняли. Иван же, вместо того чтобы опубликовать этот материал, отправился в войсковой пресс-центр и передал запись военным. Им же он подтвердил, что запись удалена со всех запоминающих устройств его группы. Оператор тогда здорово бушевал. По его словам, «второго такого удачного кадра не будет». Но Иван видел то, что не попало в «удач-

ный кадр». На торсе (что от него осталось, а не растеклось при ударе о землю) было много свежих неглубоких зарубок. Вполне может быть, жертву так пытали солдаты, но ранее Иван замечал, как боевики делают такие аккуратные надрезы на себе после каждого убийства сторонника властей. Было возможно разобрать на теле и несколько интересных татуировок, в частности перевязанное черной лентой сердце, у банд «Ацтлана» это означало убийство женщин и причем не позорное, а по требованию руководства банды. Также Иван знал, что не все, кто увидят кадры мотающегося на крюке тела, будут утруждать себя изучением контекста, и неизбежны манипуляции. Нежелание обывателей искать, что не влезло в кадр, искать в глубинах очень огорчало, но именно поэтому Иван передал запись военным.

Устроивших неприятный инцидент с тросом солдат каким-то образом наказали. Случай все равно попал в Сеть, один из боевиков умудрился заснять мотающийся на крюке труп через коммуникатор и выложить в Олнет, несмотря на информационную блокаду, может, с помощью других журналистов. Но Ивана лично поблагодарил командир наступающей группировки, генерал Ориэма, и согласился сразу же дать ему небольшое интервью.

Коразон блокировали четыре полностью укомплектованные механизированные бригады, два инженерных полка, артиллерийские орудия особой мощности, куча полицейских отрядов, в общем, много чего стянули под город. Однако

большая часть этой силы стояла без действия в оцеплении. Город штурмовало несколько ударных групп общей численностью свыше пехотной дивизии.

Университетский кампус принял первый удар правительственных войск. Сначала высадили с летающих машин десант, и фактически сразу, продавив укрепления на окраине города, в кампус ворвались бронетранспортеры и пехота.

Повстанцы в университете оборонялись храбро, но были разбиты. Не помогло даже то, что, кроме студентов, там дрались матерые боевики, многие с опытом городских сражений.

Закрепившись в кампусе, армия нанесла еще несколько ударов, вгрызаясь в город. На четвертые сутки боев повстанцев вытеснили из храмового квартала с его огромной пирамидой Кецалькоатла, бога ветра. На пятые сутки армия в основном контролировала деловой центр – его пять высотных зданий-башен, господствующих над городом. Убедившись, что с этих удобных точек больше не будут стрелять по армейским флаерам переносными самонаводящимися ракетами, генерал дал войскам время на небольшую передышку. В ночь на восьмые сутки началось продвижение армии в плотную застройку спальных районов.

Теперь широко применялись десантные войска. Флаеры постоянно кружили над городом. Небольшие группки элитных солдат забрасывали совсем недалеко, всего в паре кварталов впереди основных сил. У десантников была вся-

кая продвинутая разведывательная аппаратура, просвечивающая стены ближайших зданий, запоминающая, кто из мечущихся рядом людей брал в руки оружие, а кто – просто «живой щит». Десантники и наводили на повстанцев огонь артиллерии. После подготовки армия начинала движение вперед, а десантники либо обстреливали идущее на помощь боевикам подкрепление, либо стреляли в спины отходящим, лишая отступление упорядоченности. Так медленно, но методично войска отбивали квартал за кварталом.

Боевики «Ацтлана» делали ставку на маневренность и скрытность, на отличное знание местности и то, что армия скована присутствием гражданских. Но даже они не могли тягаться в маневренности с десантниками, бьющими их, как молот по головам. А роль тяжелой наковальни играла пехота на импортных бронетранспортерах с крупным калибром на башнях. Основным транспортом повстанцев был обычный гражданский внедорожник, на котором пастухи объезжают свои стада. Такой автомобиль, даже с кустарной броней, пуля из стандартной армейской электровинтовки прошивала на вылет вместе с сидящими внутри. Сотни таких тарантасов оставались гореть на улице. И со всем превосходством армии в технике, мастерстве повстанцы умудрялись огрызаться и наносить потери.

Местная погода все равно мешала авиации, несколько флаеров попали под внезапные порывы ветра и рухнули даже без участия повстанцев. Но воздушный десант играл слиш-

ком важную роль, чтобы бояться потерь.

Как раз в разгар операции, на восьмой день штурма, Иван сумел во второй раз встретиться с генералом, тот как раз управлял войсками. Работа генерала не мешала ему отвлекаться, например, поздоровавшись с Иваном, он затем начал задумчиво разглядывать в открытое окно изувеченную университетскую церковь.

– Это их хорошо подавит, – сказал генерал Ориэма, когда в окно ворвался странный вой от летящих снарядов, который затем сменился сухим шуршанием и, наконец, множеством хлопков, будто воздушная кукуруза лопалась в микроволновке. Несмотря на такие безобидные ассоциации, деловито постукивающие вдалеке примитивные пулеметы мятежников враз умолкли, затем раздалась одинокая и отчаянно долгая пулеметная очередь, загудели в небе идущие с подмогой флаеры.

– Подвезли специальные снаряды к гаубицам, – пояснил генерал Ивану, – теперь дело побыстрее пойдет.

Потом генерал еще раз посмотрел на многострадальную церковь, что-то пробормотал под нос и закрыл окно бронезаслонкой. Ориэма указал репортеру на стул у накрытого планом города столика. План был изображен на гибком компьютерном экране, сейчас с него исчезли все пометки. Возле двери комнаты дежурил охранник, не спускающий с Ивана глаз. И конечно, Фомину приказали сдать всю имеющуюся при нем электронику.

– Спасибо, что разрешили присутствовать здесь во время боя, сеньор генерал.

– А, пустое! Думаю, вам здесь скучно. Все ведь идет через компьютер, – генерал подергал шину для передачи данных, выходящую из разъема на его виске и спускающуюся к коробочке в кармане разгрузочного жилета, – вся полнота картины – напрямую в мозг, мысленные приказы. Когда мы воевали с «толстолобыми» хилим-ла, такие штуки были разве что у гвардии, а теперь вот даже некоторые полковники их носят. Вы – Иван Фомин, русский, правильно? Наверное, вам интереснее было бы сидеть сейчас в другом крыле здания, на основном командном пункте. Там как раз много всяких экранов горит, цветная картинка. А у меня скромно, мне даже это не мешает, – Ориэма кивнул на стену комнаты. Там висела афиша конференции «Постмодернизм и его возможное возвращение», которая никогда не состоится в стенах этого университета. Рядом с неактуальной афишей кто-то нарисовал зеленым маркером гарцующего коня, у которого вместо передних ног были шприцы. Еще на этой стене висел стенд с цитатами великих философов школы астрогуманизма. Каждая цитата была тщательно замазана до нечитаемости тем же зеленым маркером. Видимо, неизвестный художник имел проблемы с астрогуманизмом при сдаче сессии.

– На самом деле, сеньор, мне интересно быть здесь в данный момент, если я вас не отвлекаю. В пункте управления

сейчас дежурит оператор из моей группы, пытается снимать видео дроном. А я ему только мешал бы.

– Ну, лишь бы вы не рвались на самую передовую сейчас. И так до сих пор не нашли пропавшую группу «Седьмого канала». Скорее всего, они мертвы, увы.

– Я отговорил операторов. Думаю, они меня за это ненавидят. Я им мешаю поймать кадр. Типа того, с мертвым снайпером на крюке.

– Ах так? Ну и черт с ним! – генерал махнул рукой и сел на подоконник, привалившись спиной к броне. – Полагаю, парочка роликов с убитыми бандитами ничего не решит.

Дверь распахнулась, и вбежал один из адъютантов. «Слава человечеству!» – отдал честь и молча уставился на генерала. А тот тоже замер, глядя в одну точку. Так они обменивались особо важными данными по закрытому каналу в мозговых имплантатах. Канал специально работал лишь на расстоянии в пару метров, чтобы не перехватили. Адъютант постоял минуту, затем козырнул, развернулся и вышел передавать полученные директивы куда-то дальше. Было в этих процедурах что-то от насекомых, от пчел или муравьев.

– Те, кто мог понять, – продолжил генерал, – уже поняли, и их газетные кадры не впечатлят, а остальные... их слишком много. Проклятье! Что за поколение выросло?! Сами даже сводок с фронта никогда не видели, но обвиняют нас, своих отцов, в проигрыше. Мы для них проиграли войну с хилим-ла, мы не заслуживаем уважения. Ваши ровесни-

ки, Иван, они же выросли на тяжком труде старших, но вот все им должны, считают себя вправе судить и убивать. Да и мы тоже хороши. Как не выиграли Великую войну – так люди вроде надорвались. Мелочные стали какие-то, злобные... Не нравится мне эта развязка. Пусть «Ноябрь – два» выйдет и подождет, пока гаубицы остудят стволы... Я вслух сказал? Иногда электроника сбоит. Что вам интересно слышать, Иван? Например, мой отец никогда не мог заработать мне на пирожное с кремом, и в конце концов наша ферма разорилась, но я же его все равно уважаю, а что творят эти дети сейчас в городе?

В ответ на риторический вопрос где-то вдалеке пару раз ударила автоматическая пушка, ухнули бомбы.

– Помню, в детстве любил смотреть дешевые сериалы. Но где любовь побеждает деньги, про испанских дворян. Так вот, мой сын как-то раз увидел серию, где главный герой свалил противника на дуэли, но не стал его добивать. Мой сын сказал: «Ну он же дурак, злодей отомстит!» А сами нынешние школьники смотрят фильмы, где именно казнят беззащитных. Эти наркоманы, герои нашего времени, заметьте, они хорошо стреляют только в упор, с двух рук, неприцельно. А потом у нас вырастают дети, которые не знают сострадания и мечтают стать даже не воинами, а палачами.

Я думаю, это связано с отречением от католичества. Да, не смотрите на меня так, сейчас объясню. Даже с точки здравого смысла католичество учит нас стремиться к вечности.

К жизни, которая будет после нашей кончины. Христианин видит идеал, цель своей жизни в служении и смирении перед волей Господа. Но уберите у человека веру во Всевышнего, замените ее рассказами об успехах наркоторговцев, замените храмы роскошными виллами, а любовь – проституцией, и мы получим нынешнее поколение. Мозг, ставящий целью покорить только то, что можно съесть, поставить в гараж или затащить в постель, становится жестоким, циничным, горделивым и, как ни странно, глупым. Люди поклоняются вместо Бога и его заповедей вещам, причем и их упрощают. Верят, что могут выйти на уличные митинги и у них сразу станет выше зарплата. Или что разрушенное здание само починится. И что хуже уже быть не может, раз им не хватает денег на новый коммуникатор. Понимаете, вроде как и не верят в потустороннюю силу, а картина мира у таких людей все примитивнее и примитивнее. Если бы я за всеми этими тактическими значками на карте видел просто инструменты, а не тысячи людей и техники, я бы угробил всех своих солдат. А студент, кидающий «зажигалку», ему сейчас весело, а что до, что после... с Богом в сердце люди постоянно смотрели на себя со стороны... **ДОКЛАДЫВАЙТЕ!!!** Два флаера сразу?! Огонь одной и той же группы с земли? Из противоматериальной винтовки? Что с людьми на борту? Взорвались антигравы? Так... Рискнем. Нельзя терять темп, давите дальше. «Виски – три», пусть выдвигается на ослабленный участок. Если что, через два шага попытаемся взять их в коль-

цо. И достаньте этих проклятых зенитчиков в любом виде! ...Опять вслух?! Да что такое?!

– То есть, сеньор генерал, вы хотите сказать, пусть лучше над людьми висит недостижимый идеал христианской веры, чем атеизм? Без внутреннего Бога человек оскотинивается?

– Точно, Иван! А самое отвратительное превращение – это революционер. Тот, кто считает себя вправе вести толпу и лить кровь, кто возомнил себя равным Богу и указывает эту дорогу остальным.

– Сеньор, у меня вопрос. Вы ведь строили карьеру в снабжении, в тыловой службе? Конец последней галактической войны вы встретили в ранге начальника военной базы «Эльдорадо», правильно?

– Так точно, я командовал 3-м центром военной логистики «Эльдорадо», крупнейшей базой Лагарты на тот момент.

– Да, вот я и хочу спросить. Вы, тогда полковник, поддерживали выступления против тогдашнего правительства Конгресса Человечества и перекрыли снабжение армии и флота через «Эльдорадо». По сути, вы и несколько других офицеров вывели колонию Лагарты из войны. Кончилось дело тем, что правительство Грейса сместили, пришел Стенли Арм и заключил мир Конгресса с Конфедерацией Хилим-ла. Вас даже повысили в звании. Но на момент, когда вы принимали решение, вы ведь изменили присяге, лишили солдат, держащих участок фронта, жизненно важного для них снабжения. Разве это не был поступок революционера?

Ивану показалось, генерал после такой дерзости выставит его вон, так сильно офицер нахмурился. Однако тут канонада снаружи ударила с новой силой, а генерал заходил вокруг стола, невидяще глядя перед собой и бормоча: «Значит, они таки пошли в контратаку. Умно выбрали момент, но все-таки... пожалуй, пора. "Оскар – один", "Оскар – три" – ваша очередь работать! Удачи!»

– А насчет вашего вопроса, – обернулся офицер к Ивану, – вы не видите разницы – попытаться прекратить войну, сожравшую сотни миллионов жизней и несколько планет, без видимого результата и пойти стрелять в незнакомых людей потому, что тебе не дают травить себя химическим героином? Я молюсь каждую неделю за души тех, кто не получил подкрепления из-за меня, но я могу сказать, что спас много других жизней. А что смогут сказать студенты-провокаторы, когда эта операция завершится. Кого они спасли? В вашем вопросе – суть нынешнего взгляда на мир. Вы любите искать дыры в логике, любите спорить, но не знаете главного: что хорошо и что плохо. То, что знает человек, читавший Библию.

– Подождите, но христианство тоже могут использовать для манипуляций и корысти.

– Да, могут. И наши враги, неодоминиканцы, часто так поступают. Однако недаром нынешнее зверье на улицах убивает, кроме полицейских, еще и священников. Истинный католик не только не творит зла, он не терпит зло вокруг себя.

А сейчас что? Весь этот треп про демократию от политиков, а повсюду, в рекламе, в комиксах, в фильмах, обман и убийства. Я как увидел, что мой сын играет в компьютерную игру, где нужно стрелять в полицию, понял: быть беде.

— Да ладно вам, генерал, исследования показывают: все играют, связи между играми и преступностью нет.

— Исследования! Опросы! — Ориэма отмахнулся. — Один из тысячи игравших возьмет автомат и пойдет стрелять, но ведь остальные смирятся, даже в полицию не позвонят. Мы привыкли к миру, где из вырезанных человеческих желез варят наркотики, где не зазорно сидеть за одним столом с убийцей и можно слушать, как он рассказывает нам анекдоты. Нам стали не смешны шутки, при которых никто не страдает. Мы больше не пытаемся вызвать зло на бой. Поэтому, Иван, мне кажется, эта война с «Ацтланом» уже проиграна. Мои ребята могут сровнять весь Коразон-дель-Фуэго с землей, никто не придет его отстраивать. Никто не попытается после завершения боевых действий жить спокойно в мире с окружающими — это никому теперь не нужно. Мы здесь не лечим гнойник на теле Лагарты, мы только делаем рану глубже. У нас нет тыла, это я как бывший снабженец говорю. Все больше людей будет идти по пути «Ацтлана», они к этому готовы. Я всегда говорил своим солдатам, что солдат не должен любить войну. Как врач не любит болезни, а пожарный не любит пламя, солдат должен, иногда ценой жизни, пытаться восстановить мир. Но у нас выросло поколение,

для кого именно резня и унижение слабых – норма. И я просто сделаю все возможное, чтобы это кровавое мурло осталось в Коразоне и не дошло до сохранивших человеческий облик... ладно, уходят. Все, на сегодня хватит. Нужно дать десантуре отдых, они сегодня герои. Всем секторам, укрепляемся. И пусть гаубицы напоследок подсыпят им, чтобы забыли о контратаках. Похоже, Иван, вам еще и завтра, и послезавтра будет что снимать. А сейчас мне нужно в туалет. Вас проводят.

Коразон-дель-Фуэго пал только в ночь на девятнадцатые сутки штурма. Еще оставались отдельные очаги сопротивления, но потрепанные войска докатились до окраины и там встретились со свежими частями из оцепления. Потери были ощутимые, особенно когда мятежники исхитрились взорвать в подвале одной из офисных башен бомбу, обвалить небоскреб и похоронить сразу больше ста солдат. Но число убитых и пропавших среди населения города и повстанцев было куда больше десятка тысяч.

После взятия города началась работа по разбору руин, разминированию, помощи раненым, раздаче еды жителям. Прибыло и множество полицейских, а также агентов планетарной службы безопасности. Далеко не все мирные жители Коразон-дель-Фуэго покинули город перед штурмом и во время него, когда армия давала это сделать. Были те, чьих родных боевики взяли в заложники. Другим просто некуда

было пойти в ледяных пустынях Лагарты. Но были и те, кого теперь сыщики выслеживали в толпе горожан.

Как оказалось, бойня в Коразон-дель-Фуэго была не единственным элементом в плане «Ацтлана». Пока армия разрушала городские кварталы, продолжались митинги и забастовки по всей планете. Причитали над жестокостью режима журналисты, особенно те, кого выгнали из зоны военной операции за симпатии к боевикам. Бурлила негодованием латинская диаспора на других планетах. Дебаты шли даже в Верхней Палате Галактического Конгресса на Ялусе, где вершилась судьба всего человечества.

Через неделю после взятия Коразона, когда правительство свернуло информационную блокаду и включило в городе Олнет, тут вся общественность и взвыла от вида развалин и страдающих горожан. Крупные межзвездные корпорации, у кого было много испаноязычной рабочей силы, испугались, что бунт выйдет за пределы Лагарты и они потеряют прибыль. Один за одним сидящие на корпоративной зарплате журналисты подключались к хору осуждающих правительственное насилие, а частные полицейские подразделения, игравшие вспомогательную роль в поддержании порядка на колонии, объявляли о своем нейтралитете и отказывались подчиняться правительству. Сменили свой тон и чиновники из Галактического Конгресса. Ранее выражавшие поддержку в «восстановлении конституционной власти законным правительством», теперь они настаивали на немед-

ленном прекращении огня и «урегулировании кризиса политическими методами и при помощи общепланетарного диалога». Последней каплей стал отчаянный налет молодых боевиков «Ацтлана» на центральное управление полиции в столице, Транквила-Сьедад. Хотя и неумелая, приведшая к гибели всех атакующих, эта атака показала властям, что у «Ацтлана» есть еще много сторонников и ресурсов. А власти остались одни, без поддержки. И сдались.

Была объявлена всеобщая амнистия. Теоретически под нее попадали и солдаты, превысившие полномочия, но всем было ясно, для кого эта амнистия в первую очередь. Распахнулись ворота тюрем, и наружу хлынули толпы ликующих активистов в обнимку с отпущенными по неразберихе уголовниками. Была начата спешная реформа органов охраны правопорядка с включением в штат «представителей гражданского общества (то есть боевиков)». Для полиции стало фатальным ударом, когда к следователю приходили те, кого он арестовывал несколько дней назад, и со смехом требовали уступить им пост и выметаться. Вынуждены были уйти в отставку министр внутренних дел, директор планетарной службы безопасности и другие силовики. Против них сразу завели дела о неправомерном применении силы и военных преступлениях, несмотря на амнистию. Вслед за силовым аппаратом посыпались отставки в остальных ветвях власти.

Иван покинул Коразон-дель-Фуэго в день, когда новая городская управа вынесла решение про переименование уни-

верситета в «имени героев третьего августа» (день, когда армия сломила оборону и взяла кампус, и под «героями» подразумевались не военные), а также про основание «Музея насилия» в одном из разрушенных городских районов (что намного дешевле, чем отстраивать дома заново). Фомин вернулся в столицу. Хотя Иван и выступал во время боевых действий в поддержку армии, он был все-таки инопланетный гражданин и не слишком известный журналист, поэтому на него не сильно давили. Многие журналисты, поддержавшие правительство, потом испытали настоящую травлю, их выгоняли с работы, избивали до смерти, они бежали с Лагарты. То же самое касалось и других заметных врагов «Ацтлана», он теперь мстил нагло и безнаказанно. Ивану же просто перестали давать разрешения на публикацию некоторых его мыслей и удалили из доступа часть ранних материалов. Но, по словам окружающих, командировка на войну изменила Ивана, он стал угрюмым и заносчивым, быстро поссорился со всеми приятелями. Через два месяца от него ушла Каталина.

Праздник для народа Лагарты, что он показал жестокому полицейскому государству свой гнев, сменился действительностью. После уничтожения крупного промышленного и культурного центра колонии, города Коразон, экономика рухнула вниз. Банкротились местные компании, а инопланетные не спешили открывать бизнес, ведь раньше все взятчики были известны и посчитаны, а в воцарившемся ха-

осе стало невозможно что-либо планировать. Единственные сферы, где остались деньги: наркоторговля – для храбрых и сельское хозяйство в теплых провинциях – это для честных. Люди были разочарованы, не верили больше в возможность единого народа все изменить к лучшему, больше не было многотысячных митингов. А вот озлобленность и насилие, как метод, остались актуальными. Причем злоба теперь выплескивалась на соседей. Искали новые поводы для вражды: кто каким богам приносит жертвы, чьи предки из Мексики, чьи из Колумбии, а кого вообще подобрали, когда колониальный звездолет совершил предстартовую остановку в Центральной Африке.

Парализованная реформами полиция перестала вообще выполнять свои изначальные функции, распалась на множество продажных групп, участвующих в беспорядочном вареве из рэкета, обид и мести.

Смешно или грустно, но молодежь так и не получила то, из-за чего изначально затеяла бунт. Легализация легких наркотиков увязла в болтовне парламента и бюрократии. Мафия вообще не планировала делать свой основной доход легальным и подотчетным властям. Да, теперь Лагарта была основной колонией по производству и распространению наркотиков для человечества, да, теперь у мафии были целые научные комплексы по разработке новых видов отравы. Но бюджет не получал со всего этого ни копейки. Те, кто отравился или потерял рассудок от некачественных наркотиков, не

имели права на помощь со стороны государства, даже центры реабилитации наркоманов почти все позакрывали. Картели победили и теперь пожинали плоды своей победы. Их боссы были настолько богаты, что могли позволить себе купить десяток поместий на каждого, заселить их своими двойниками и слугами, лишь бы самим оставаться в тени. Вопреки пропагандируемому образу наркобарона, как выходца из народа, из бедных низов, храбростью пробившегося к успеху, верхушка «Ацтлана» была закрытой династической организацией с презрением к собственной армии «уличного быдла».

Через полгода после завершения операции в Коразон-дель-Фуэго кортеж генерала Эстебана Ориэмы ехал от военной базы в столицу, на очередное заседание суда по делу о гибели оборонявших университет студентов. На петляющем между скал участке дороги кортеж обстреляли. Били точно, профессионально, по лимузину генерала, из портативных ракетометов «Панзеркнаке», сделанных на планете Эверштайн. Две ракеты опрокинули и подожгли автомобиль. Убийцы скрылись в ущельях. Погибли все, кто был в лимузине: генерал Ориэма, его заместитель, адвокат, начальник штаба и водитель.

Поговаривали, будто генерал сам отдал приказ так себя убить и его товарищи тоже пошли на смерть, устав от судилища. Но Иван в это не верил. Ориэма на всех заседаниях упорно отстаивал свою невиновность и невиновность своих

подчиненных. Скорее всего, он не знал, когда умрет. Как и стоявшие насмерть боевики «Ацтлана» в Коразоне, скорее всего, не знали, что из их борьбы и гибели просто сделают еще одну ступень на пути к власти. Однако, что правда, в последние дни своей жизни, когда Ориэма попадал в поле зрения камер, он выглядел изможденным и не желающим быть в этой Вселенной.

Аркаим, сейчас.

Иван еще долго расхаживал по музею, вспоминал былое, смотрел на экспонаты и вполуха слушал болтовню сторожа Кирилла Ярославовича. В музее хранилось множество интересных вещей, вроде колокола, снятого с доминиканского космического корабля. Когда христианских фундаменталистов гнали с нынешних планет Конгресса, иногда звездолеты ненадолго садились на враждебных колониях и начинали звонить в огромные колокола, призывая людей следовать за ними. Некоторые и правда бросали дома и навсегда улетали вместе с крестonosцами. Колокола играли и практическую роль, например, на Владимире с его вечной ночью они указывали дорогу к стоящим в темной глуши звездолетам.

В целом же экспозиция музея была не слишком логично организована, многие экспонаты не снабдили подписями. Фомину показалось, что само функционирование музея было просто для отчета: «Правительство закрыло собор, но зато теперь там Музей Христианства».

Перед уходом Ивана сторож показал ему записи камер наблюдения в ночь, когда грабили музей. Точнее, показал, как камеры одна за одной переставали работать. Все, что удалось разглядеть, — двух человек в черном, идущих по снегу вдоль стены собора. Лица их были под масками, никаких примет. Утром уже нашли следы от посадки и взлета летающего грузового автомобиля неподалеку, но модель этой машины была очень распространена, поиски пока не принесли результатов.

Последней в ночь ограбления отключилась камера, снимающая вход и место для сторожа. Вопреки собственным уверениям, Кирилл Ярославович хорошо отвлекся в тот вечер от выполнения своих обязанностей. На записи было видно, как он увлеченно играл на коммуникаторе, прихлебывая что-то из бутылки, даже когда половина камер уже не работала. Сорвался он с места и выбежал в зал, только когда услышал звон разбивающегося витража.

Попрощавшись со сторожем, журналист побрел через парк и по улицам к оставленной машине. По пути он задумался. Ограбление было странное, зачем-то разбили витраж, но совершено умело, не похоже на религиозный погром. И главный редактор Литейщиков наверняка видел предварительные материалы. Зачем же он все-таки организовал затратную командировку для увлеченного христианством Карпенко?

Иван подходил к стоянке, когда его окликнули. Какой-то

человек с желтым лицом, в сером зимнем костюме показался из проулка.

– Иван Фомин? Нужно поговорить.

Не успел журналист и глазом моргнуть, как его левую ногу, руку и бок будто кольнули иглы. Нога подломилась – сработал разряд парализатора. Незнакомец подхватил заваливающегося Ивана и поволок в проход между домами. При этом Фомин чуть не оказался со сломанной ногой, на его ботинках стояла «умная» подошва, обувь моментально вцеплялась в поверхность, если начинала скользить, например на льду. Эта полезная функция приклеила волочащуюся ступню к земле, а похититель пару раз дернул ошеломленного Ивана так, что в голени что-то хрустнуло. К счастью для ноги, незнакомец все понял, оторвал Ивана от мостовой и, по сути, внес его в проулок, демонстрируя немалую физическую силу.

В глубине проулка среди сумерек и капель воды с крыши тихо работал двигатель небольшого желтого флаера старой модели. У раскрытой двери стоял еще один человек в серой куртке, другой спокойно выложил руки на панель управления машины и ждал. Похититель опер Ивана о стену дома и поддерживал его за воротник, не давая упасть.

– Не советую кричать и звать на помощь, у нас все равно будет время причинить вам вред, – говорил похититель на русском хорошо, но со странным механическим произношением, будто выучил язык под гипнозом.

– Я извиняюсь за некоторую грубость при встрече. Вы ведь прилетели сегодня для репортажа про ограбление собора?

– Да, а вы кто?!

– Кто я, этот вопрос должен занимать вас в последнюю очередь. Для вас более важно, как купить билет на корабль и скорее улететь с этой планеты.

– А кто мою работу сделает? Кто найдет пропавшего...

– Юрий... Мы его тоже предупреждали... Вы верите в Бога?

– Я потерял за сегодня счет, сколько раз меня спрашивали про Бога, – Иван срывался в истерику, – что за набожная колония?! Нет, не верю я в Бога. Верю в Большой взрыв, теорию относительности и исключения из нее в аксемном состоянии! Не понимаю, но верю, что это правда!

– Я вас понял, успокойтесь. Даже если вы человек неверующий, хочу вам сказать, вы стали участником гнусной авантюры, которая может иметь последствия для всех христиан... Нет, для всех, кто хочет жить честно и по заповедям, а это не только христиане. Надеюсь, вы согласились на эту работу неосознанно, она не для порядочных людей.

– Я думаю, он все знает. Безбожник! – рявкнул стоявший у открытой машины парень.

– Тише, брат!

– Вы как-то и сами не выглядите порядочными, больше похожи на уличных грабителей. А если я скажу, что это мое

дело – выбрать себе работу, вы меня тут и убьете?

– Пока что нет. Убийство – грех. Однако знайте, Иван, у моей сестры была любимица, наглая пушистая кошка. Она на меня постоянно шипела, иногда царапала. Мне редко удавалось ее пнуть, ведь сестра сразу бежала к отцу, а тот сек меня розгами. Из-за этого кошка полагала себя неуязвимой. Не будьте как эта кошка. Неизвестные вам силы – хранители не всегда будут рядом.

– Быстро мы перешли от разговора про Бога к тому, как вы мучили животных.

– Ах ты гад! – парень моментально переместился от двери машины к Ивану, замахиваясь.

– Успокойся! Зачем пугаешь и так напуганного человека? Раз вы, похоже, не поняли, Иван, расскажу еще пример. Однажды я был на планете Фанг по делу. Там по городу до сих пор ходят старые электропоезда на рельсах. И контролеры там в основном старухи, им дают такую работу. Я ехал в электричке, а рядом со мной сидел буддист и мычал под нос мантру. С таким видом, будто для него этот вагон и пассажиры слишком грязны (правда, он сам очень давно не мылся). Когда подошла контролерша, буддист заявил: «У меня нет билета. И покупать его не буду, нет денег». Контролерша пошла дальше, а что сделает старуха? Я, как христианин, не люблю буддистов. Но я бы стерпел его гордыню, если бы он не решил, что его должны катать бесплатно. Ты презираешь мир, хорошо. Но тогда не бери у него ничего бесплатно. Хо-

ди пешком или жди полдня социального поезда, есть такие на Фанге. Вот поэтому я разбил соседу-буддисту лицо и выбросил его на ходу из вагона. Если Господь был милостив к нему, отделался парой сломанных костей. Я поэтому и журналистов не люблю. Вы считаете, что люди обязаны говорить вам правду о себе, а что взамен? Вы штампуете лживые газетные пасквили, вырванные из разговора цитаты. Давайте вы послушаетесь меня и разойдемся мирно, без более жестких мер.

Тут Иван обратил внимание, что незнакомец не похож на желтокожего азиата с той же планеты Фанг. У него не были раскосые глаза, а желтые пятна были только на щеках, остальное лицо было серовато-бледным. И не стоит говорить, это именно он был на видеозаписи подозреваемых в слежке за Карпенко.

– Или просто вырежем у него микросхему из руки, чего с ним разговаривать?! – встрял второй похититель.

– Брат мой, закрой рот! – сквозь зубы сказал главный. – Давай я буду вести разговор, раз я готовился. Иван Фомин, я вам настоятельно советую: собирайте вещи, покупайте ближайший билет на Лагарту или домой, на Багратион. Насколько мне известно, Литейщиков уже перечислил по договору неплохие деньги. Если вы их все же не получили – уверяю, не стоит рисковать дальше. И знайте, я предоставляю вам выбор, слушать меня или нет, не просто так. А потому, что мне есть выгода, если вы решите остаться здесь и копать дальше.

Но для вас это путь к беде. К вашей ноге уже должна немного вернуться чувствительность. Пока вы не решили сделать глупость, и нам не пришлось во второй раз вас парализовывать, лучше распрощаться. Надеюсь, я вас больше не увижу Иван. Храни вас Господь!

Двое незнакомцев быстро влезли во флаер, спокойный водитель тронул рычаги, машина стартовала вверх, обдав Ивана поднятым с земли мусором и водяным паром. Флаер исчез за крышами. Фомин в бессилии сполз, привалился спиной к грязной скользкой стене.

Тут вдруг рядом открылась замусоренная дверь полуподвала, и на свет показался изрядно побитый лишениями мужчина в затоптанном пальто. Из подвала за спиной шел дым и выла музыка.

– Что же вы раньше не появились? Вы их видели? – спросил Иван.

– Видел? Гражданин, а мы где? – с трудом спросил мужчина.

– Как где? Возле Сталевской улицы. Вы номера машины не видели?

– Нет, но мы – где? – не отставал алкоголик.

– На севере Гиперборейска, где еще?

– Где-где?!

– Ты что, смеешься?! Мы в Конгрессе Человечества, колония Аркаим, что еще?

– Аркаим?! – выкатил глаза мужичок. – Вот странно. Но

вчера ведь был Владимир!

После чего обладатель пальто вернулся в подвал и захлопнул за собой дверь.

Глава 4. Плохой день для Рея

Планета Доминика, столица Земель Святого Престола, домашняя планета Возрожденного Ордена Святого Доминика, главная база Благодатной Армады. За десять земных лет до описываемых событий.

Утром префект въехал в деревню на новом, хотя и запылившемся черном электромобиле. В деревне Оакенбокс постоянно числилось всего два электромобиля: один принадлежал старику Семкевичу, не имел аккумуляторов и постепенно догнивал в сарае, вторая машина, цистерна молочника Эфраима, на которой тот возил молоко для перепродажи на базары в соседние городишки и воду от реки во время летнего зноя. Эту цистерну каждый мальчишка в округе облазил много раз, несмотря на ругань и угрозы со стороны владельца. Остальные предметы с колесами в Оакенбоксе: мшистые от времени трактора, тачки, телеги для мулов и простые тяжелые велосипеды. Неудивительно, что все ребята высыпали на улицу встречать гостя, обступили машину и начали крутить дверные ручки.

Префект не отгонял любопытную детвору, он, улыбаясь, закрыл электромобиль на ключ, пожал руку деревенскому старосте – солтысу и сдержанно поклонился местному священнику, отцу Вацлаву. Хотя во многих мелких поселках

этой части планеты священники совмещали со службой и управленческие функции, отец Вацлав предпочитал не использовать открыто дарованную ему Церковью власть. Он доверил реальные дела, вроде сбора урожая или подготовки к зиме, старосте, а сам сосредоточился на душах пастыри. Решал споры, помогал советом и интриговал, куда без этого. Вот и сейчас префект подождал, пока крестьяне прогонят своих детей, а затем вся начальственная троица, префект, солтыс и отец Вацлав тронулись не к большому трактиру, в котором обычно вел дела староста, а на холм, который венчали церковь и дом священника. Начальство сопровождали робкие местные, неуклюже пытающиеся выведать, какая максимальная цена на мясо, за которую не будет штрафовать городская управа, пожаловаться на соседа, укравшего выросший на меже саженец яблони и так далее.

Среди осматривающей машину детворы не было одного парня. Хотя он себя уже не относил к детям. Сын мельника, Рей Калист, не так давно встретил свой пятнадцатый день рождения по земному времени. Рей занимался очень взрослым развлечением, как ему казалось. Он нес на руках дворового черного кота, Тома, к колодцу на окраине деревни. Том был очень добродушным, но Рей считал это проявлением животной глупости. Сколько раз сынок мельника пинал его, привязывал жестянку к хвосту, швырял в кота жменями щебня – а кот все равно при первой возможности просил Рея взять его на руки, вот дурак! И сейчас сынок мельника

в очередной раз собрался использовать кошачью наивность.

Возле колодца стояла небольшая бадья, в которую кто-то налил воды, может для умывания. Вот к ней и направился Калист младший. Поухмылявшись еще немного глупости кота Тома, Рей медленно опустил животное на руках в бадью. Вскрикнув, кот извернулся, цапнул мальчишку за руку и бросился бежать.

– Ты меня укусило, тупое исчадие! – Рей обрадовался крошечной ранке на своей ладони. Она давала повод наказывать (мучить) беззащитного кота на «законных» основаниях.

Кое-как отряхнувшись, Том бросился бежать. Но опять-таки не сообразил, вместо того чтобы юркнуть под высокий забор, кот забился в тупиковую щель под курятником возле ближайшей к колодцу хижины. Рей сразу же заблокировал Тому путь к отступлению.

– Вылезай, выродок! – весело крикнул парень, глядя в два испуганных зеленых кошачьих глаза.

– Что ты делаешь, Рей? – окликнул девичий голос.

Калист обернулся. У колодца стояла Мэгги, девочка из семьи бедного фермера с фамилией Бийон. В руке она держала ведро, пришла за водой.

– Учю этого черного беса послушанию! – сквозь зубы, повзрослому ответил Калист.

– Это что, Том? Ты вообще больной, Рей?! Зачем обижаешь кота? А если бы тебя так?

– Да он же черный! Это цвет самого черта!

– И цвет одеяния благочестивых монахов! Если бы не Том и другие коты, всю муку твоего отца сгрызли бы мыши. Черная у тебя душа, Рей, а на кота грешишь!

Мэгги презрительно хмыкнула и начала вращать колодезный ворот. А Рей неожиданно разозлился. Эта девчачья гордыня даже отвлекла его от мести Тому. И он не придумал ничего лучше, кроме как схватить бадью и окатить несчастную девочку с ног до головы водой.

– Рей! Ты дурак!!! – взвизгнула Мэгги. – Что ты наделал?!

А Рей смотрел на свою новую жертву, его будто обнимало зарождающееся пламя. Простое деревенское платье намокло, прилипло к телу Магдалены, просвечивало в желтом утреннем свете. Мэгги была на год старше Рея и немного выше. Калист видел ее бледно-серую кожу, пятна желтого пигмента на худых, но уже слегка сутулых от тяжелой работы плечах, и под почти сформировавшимися грудями, и вокруг пупа на плоском животе, и на острых коленях. Серые волосы липли к плечам, зеленовато-серые глаза блестели от слез.

– Ах ты, падшая... – Рей попытался подобрать слова из проповеди, но в итоге пришел к тому, что чаще всего слышал от старших ребят, когда они рассказывали истории, лежа на берегу реки, – шлюха!!! Ну, я тебе покажу! Я тебя сейчас проучу!

Рей Калист шагнул к оторопевшей девчонке. В ушах стучало, жидкое пламя будто текло по животу вниз. Яркий желтый свет Доминики слепил глаза, и одновременно их застлал

морок.

– Калист... Ты что?! – испуганно пробормотала Мэгги, глядя ему в лицо.

– Иди... ко мне, – прохрипел сын мельника и облапил девушку, чувствуя прикосновение скользкого тела и как его рубаха намокает от контакта с Мэгги. Вопль девушки завершился звоном и искрами из глаз, когда она стукнула наседящего Калиста по голове ведром. Рей рухнул в пыль. Лежа на земле, Калист смотрел вслед заревавшей Мэгги, бегущей по улице прочь, и думал, что теперь он влип.

Рея вообще всегда больше всего в понятии «грех» пугала перспектива наказания. Не всякие обещания блаженства в обмен на заповеди Господни, не милосердие и сострадание, а картины пекла, беспощадного пламени и «скрежета зубовного» – это Рея впечатляло со времен христианских яслей. Однако с годами своей жизни Рей сделал для себя вывод, что Бог наказывает не сразу, если вообще замечает каждый грех. А безнаказанность со стороны людей только радовала младшего Калиста, придавала его пока короткой жизни остроту и веселье. Но сейчас Рей понял: Магдалена расскажет взрослым и его здорово накажут. Парень сел в пыли и уставился вдаль, за край деревни Оакенбокс, где волнистые холмы, поросшие желтой травой и редкими дубами, уходили к затянутому желтой дымкой горизонту. Рей подумал сбежать из дома, но он понимал: за холмами его не ждут. Кот Том так и сидел под курятником, только теперь Калист чувствовал се-

бя не лучше запуганного им же животного.

– Вот, мы нашли его! Хотел спрятаться в кукурузе. Еле успели, – три старших брата вели Рея под руки прямо к дому мельника.

– Ага! Вот ты где, отродье! – мельник соскочил с крыльца и отвесил сыну хорошую оплеуху. Обычно желтая лысина Калиста-старшего порозовела от гнева.

– Я, видимо, грешник, раз Господь покарал меня таким сыном! ТЫ ЖЕ НАС ОБЕСЧЕСТИЛ!!! Проклятый бандит! Бедная девочка Бийонов!

Отец схватил сына под локоть и потащил коридорами дома в подвал. Рей лишь вяло хныкал. Но когда мельник швырнул сына в угол, а сам сдернул полог с кресла, обвитого проводами, украшенного белыми крестами, парень закричал и попытался сбежать. Мельник поймал своего ребенка за шиворот.

– НЕТ!!! ПАПА!!! НЕ НАДО!!! – теперь мальчишка вопил так, будто ему и не пятнадцать лет вовсе.

Понятно, что Рея часто наказывали. Но обычно отец сек его старомодными розгами. Однако мельник был достаточно богат, чтобы, кроме электромельницы, купить такую вещь, как Аппарат Очищения. Это устройство использовали на Землях Святого Престола для причинения очень сильной боли без серьезных последствий для тела. Мельник в основном сдавал Аппарат Очищения в аренду общине для нака-

зания взрослых крестьян с санкции старосты и священника. Год назад Рей Калист испытал на себе действие Аппарата Очищения, когда нечаянно разбил мячом фамильную статуэтку, которую прапрапрабабушка привезла с Земли. Ему хватило двадцати секунд в кресле Очищения, чтобы потом плакать двое суток.

Мельник затягивал на трепыхающемся сыне фиксирующие ремни, когда раздался шум и в подвал вбежали сначала старшие братья Рея, а затем и один из церковных служек.

– Простите, что прерываю вас, мистер Калист, – проговорил служка, – и мешаю выполнять предначертанный Господом отцовский долг, но сына вашего, Реймонда, и вас тоже срочно просил прийти отче Вацлав. Сказал, это приказ префекта.

Услышав про центральную власть, мельник как-то сжался, унял гнев.

– Все. Доигрался, глупец! Я тебя защищать не буду, Реймонд. Ты опозорил меня, мать и семью, и не впервые. Вставай же, пошли.

– Ждите здесь, нечего вам там смотреть! – приказал глава семейства старшим братьям, а сам взял за шиворот непутевого сына и направился к церкви. По пути мельник молчал, злоба на лице уступила место мрачной задумчивости. Наверняка просчитывал варианты, что будет дальше. Мельник вообще был расчетлив и умен, несмотря на красные щеки алкоголика и пивное пузо. Построить с ноля в Оакенбок-

се мельницу и столярную мастерскую, которые работали на всю округу, – это требовало наличия мозгов. Братья Рея послушались отца и остались во дворе мельницы, но они вполне могли наблюдать и оттуда, до церковного холма было чуть больше двухсот метров.

Рей испытал минутное облегчение, ведь его не собирались пытаться. Правда, парень радовался недолго, они с отцом быстро поднялись по склону к дому отца Вацлава. Здесь во дворе накрыли стол со скатертью и кувшинами вина для высокого гостя. Матушка Фрида как раз выносила очередное блюдо горячих пирожков из печи. Приглашенные крестьяне рассчитывали подпоить сидящего во главе стола префекта, чтобы под винными парами обсудить деликатные дела. Префект вежливо отказывался, ведь ему еще сегодня долго управлять электромобилем. Он прикрыл свой пыльный пиджак салфеткой и степенно, с ножом и вилкой поедая дымящийся бараний бок.

– Здравствуй, Антоний, здравствуй, Реймонд, да пребудет с вами милость Божья, – шурша рясой, отделился от стола отец Вацлав.

– Добрый день, отче. Простите за этого мерзавца. Я хотел извиниться перед Бийоном и его...

– Не переживай, с ним поговорили, он не держит зла. А вот у нашего уважаемого гостя есть дело касательно Реймонда. Он хочет с тобой это дело обсудить. Но не на голодный желудок. Присаживайся, выпей. А я пока схожу с Реймондом

в церковь, поговорим про его проступки... и про остальное.

Мельник сел за стол, вид у него был напряженно-угрюмый, он ждал новых проблем. Священник повел Рея дальше к вершине, где стояла небольшая беленая церковь из дорожного дерева.

У церкви начинался и сбегал с другой стороны холма деревенский погост, перед оградой расположилось несколько отдельных могил. Самой свежей был всего месяц, в ней лежал молодой актер деревенского театра, у которого тяжелый грипп сожрал легкие. Со времен основания Земель Святого Престола высшее руководство Церкви выделило актеров, циркачей и подобных в почти неприкасаемую касту. Они практически не могли заключать браки с другими сословиями, селились всегда на отшибе, в деревнях иногда даже после них выбрасывали посуду и сжигали простыни. Ну, и хоронили их за оградой кладбища. Считалось, что актер, играющий святых и ангелов (а это обязан был делать каждый актер, пьесы в большинстве ставили религиозные, разрешенные инквизицией), берет на себя тяжкий грех лицемерия, изображает на сцене небесное совершенство, а сам на земле и грешен. Впрочем, на могиле этого актера было много свежих цветов, крестьяне его любили. Более ранняя могила подмастерья из кузницы, который спьяну повесился на вожжах, уже заросла травой и была запущенной. Рей еще подивился, оба человека похоронены вне Церкви, оба не упокоены, а помнят их по-разному. Священник и конвоируемый

им Калист перекрестились и вошли в приятный коричневый полумрак церкви.

– Заходи в исповедальню, Реймонд, я сейчас подойду. Поразмысли пока о своих грехах, о чем хочешь рассказать Богу.

Рей уселся в исповедальной кабинке и стал прислушиваться. Плеск – это священник помыл руки, затем тихо отдал какие-то поручения служкам, до этого протиравшим подсвечники. Быстрые шаги, скрипнула дверь – кто-то вышел из церкви. Отец Вацлав направился к исповедальне, бубня на ходу молитвы. Наконец отче занял свое место за перегородкой.

– Давай, Реймонд, рассказывай.

– Прости меня, отче, ибо я согрешил. Я в несовершенстве своем не могу вспомнить свои недавние грехи, но совесть моя нечиста и на сердце тяжесть. Я молю Святую Троицу, дабы послала мне озарение, и я вспомнил, и оплакал, и искупил грех свой, – это стандартная фраза, если человек не хотел рассказывать о своих грехах или действительно не мог их вспомнить. Рей знал ее наизусть. Священник помолчал.

– Реймонд, а как же сегодняшний случай с молодой и невинной Магдаленой Бийон?

В ответ на это Рей издал невнятное мычание. Как вообще этот старый болван узнал про Мэгги?! Он же весь день не отходил от префекта.

– Я знаю, Реймонд, – болван – не болван, а мысли отец Вацлав, похоже, читать умел, – я ведь пастырь и обязан сле-

дить за всем Оакенбоксом. Но для Господа нашего вся Вселенная открыта, он знает твою душу лучше, чем я знаю эту деревню. И утаивая грехи во время исповеди, ты пытаешься лгать всеведущему Творцу. Безнадежное дело.

– Я хотел рассказать, отче! Просто это случилось только сегодня.

– Эх, Рей, если бы только сегодня ты грешил! Господь дал тебе рост и силу, но что ты делаешь с этим даром? Обижаешь слабых, бьешь младших детей, истязаете неразумных тварей. Вся община жалуется на тебя. А ведь семья твоя достойная, трудолюбивая, все работают, от мала до велика, не враждуют ни с кем. Даже малыш Джон радуется отцу, старается носить мешки с мукой. Один ты проводишь дни в праздности и зле. Почему?

– Я больше не буду, отче, мне жаль, – раз, наверное, в пятидесятый раз, если считать только воскресные исповеди, пообещал Калист.

– И мне жаль, Реймонд. Жаль мне и юную Магдалену, она сегодня натерпелась страха. Тебе пятнадцать лет, возраст, в котором суд префектуры берется за такие тяжкие дела, как посягательство на невинность девы против ее воли. Если семейство Бийон напишет в город или просто пожалуется префекту, вряд ли тебя вздернут, Реймонд Калист, но могут приговорить к Ритуалу Очищения болью на Аппарате и паре лет ссылки, откуда ты не вернешься.

Но Бийоны не станут требовать суда, – успокоил священ-

ник скованного ужасом парня, – глава семейства – добрый и смиренный человек, а ты не причинил дочери его телесного вреда, только напугал. Хотя не все в общине настолько терпеливы. Брат Бийона известен буйным нравом. Думаю, если ты сейчас уйдешь без наказания, он попытается исполнить правосудие Божье сам. Например, ткнуть тебя вилами в бок. И вообще с этого дня вся деревня будет смотреть на тебя как на настоящего грешника, на паршивую овцу в стаде.

Рей лихорадочно думал, что же сейчас будет? Сейчас Вацлав скажет, что для блага Рея назначает ему невыносимые полчаса на Аппарате Очищения с приглашенными зрителями. Или потребует от него какую-то услугу.

– Ты знаешь или догадываешься, зачем сегодня приехал префект? – внезапно спросил отец Вацлав.

– Нет, отче.

– Не для того, чтобы оштрафовать Клауса за проданную на прошлой неделе втридорога крупу с жуками. И уж точно не потому, что Францишек выпил испорченного вина и увидел, будто соседская жена летает ночью на помеле. А приехал наш префект для того, чтобы забрать рекрута на службу в армии Господней, вот так.

– Но ведь префект уже забирал у нас рекрутов. Несколько седмиц назад, Томаша и Карла, правда? Это же не по правилам, рекрутов берут раз в полгода.

– Нет такого правила в книгах законников. В час нужды Церковь может призывать людей хоть каждый день. Ра-

нее было достаточно два-три человека из нашей деревни на шесть месяцев. А теперь, значит, пришла нужда. Гость наш изрек, что достаточно и одного рекрута сегодня, но без него он не уедет. И хотя вся префектура, все хутора и деревни и три города подвластны префекту, он у нас все же мирянин и слушает совета скромных слуг Божьих, слуг Церкви. Мне было доверено самому избрать рекрута из своей паствы. И я выбрал тебя.

– Меня... – сердце Рея ухнуло вниз, воздух застрял в горле.

– Сейчас префект договаривается с твоим отцом. Тебе скоро шестнадцать, но все равно не помешает согласие главы семьи. И я уверен, твой отец даст согласие. Он сегодня на тебя разгневан, легко подпишет бумаги. Я уверен, что еще не раз услышу раскаяние от твоего отца. Все-таки ты ему родная кровь, и он не оставлял надежд вырастить тебя достойным сыном, но я не услышу эти раскаяния сегодня. А дальше – то воля Господа.

– Отче... ведь армия... это годы. Может, другие планеты, и никто не ведает, когда отпустят в отставку. Это же неволя.

– Все мы несвободны, все мы служим добру, а кто ставит свободу превыше этого служения – тот еретик и падший, и ждет его геенна, не забывай это, Реймонд. Служба в армии – доблесть и почет. Тем более ты не хотел добывать хлеб в поле, как все в деревне, и мельница явно тебе не по нраву.

– Вы от меня избавляетесь. На десять... или пятнадцать

лет. Пожалуйста, отче Вацлав, не надо! Я больше не буду грешить! Лучше заберите кого-нибудь из моих братьев, но не меня!

– О, ты боишься служить в армии, для тебя это кара, и ты охотно подставляешь под нее родного брата, лишь бы не себя? Значит, я не ошибся. Мы закончили, дети мои.

Священник вышел из исповедальни, кто-то открыл дверь кабины. В церкви теперь было много народу. Прямо перед исповедальней стояли мельник, староста и префект. Все явно ждали этого момента, а Рей за беседой с отцом Вацлавом и не услышал, как в церковь прибывают люди. Рей глянул на лицо отца, мрачное, решительное и одновременно виноватое, и все понял.

– Отец, ты меня предал!!! Продал!!! – взвизгнул парень.

– Не кричи в храме Божьем, Реймонд, – сказал священник, – давай, ступи вперед.

Служка подал Вацлаву чашу со святой водой и кропило. Рей вжался спиной в стену.

– Не пойду, – угрюмо сказал он.

Сразу возникли два рослых крестьянина, которые буквально вывинтили сопротивляющегося Калиста из будки и взяли его под руки. У Рея подогнулись колени, но не от торжественности момента.

– Итак, властью, данной мне Богом, Церковью и Верховным Епископатом... зажмите ему рот, если попадет под суд за богохульство в храме – придется отдавать кого-то нужного

общине... Да, Епископатом, при свидетелях произвожу тебя, Реймонд Калист, в воины Господни. Отныне жизнь твоя доверена Небесам и Церкви и несешь ты тяжкое, но святое бремя: меч – для грешников, еретиков, безбожников, неверных и прочих порождений зла и щит – для тех, кто чтит Бога истинного и возносит Ему молитвы. Служи доблестно, не жалея живота своего и не зная сомнений, пока Господь или Церковь не освободят тебя. Аминь! – и отец Вацлав окропил Калиста водой. Все собравшиеся перекрестились, даже выпущенный из рук Рей, машинально.

– Готово дело, – спокойно сказал префект, – теперь можете расходиться. Новичку пора собираться в дорогу. Часа будет достаточно. Вещей много нести не советую, в казарму нельзя проносить свою одежду, никакой посуды, вилок и ножей. Крест, иконы, Святое Писание и праведные книги – можно брать. И соберите рекруту еды. Кормить первые дни будут, но из того расчета, что поступающим на службу необходимо очистить себя и попоститься.

Перед домом мельника собралась толпа. Вся деревня вышла проводить Рея. Но он не питал иллюзий. Мало кто горевал по поводу его отбытия. Все были озабочены тем, что в рекруты забирают второй раз за полгода. А где второй, там и третий. И кто будет следующим? Много лет уже не было такого, чтобы чаще заведенного распорядка уводили людей. Наконец вышел из дома невольный виновник собрания.

Рей медленно нес легкую суму, в которой была полежавшая в холодильнике вареная курица, сушеные яблоки, пара апельсинов, десять золотых, бутылочка мирры из монастыря Сан-Себастьян, черствая краюха хлеба, жестяная фляга с компотом, Библия и маленький образок Божьей Матери. Понурого Рея сопровождали старшие братья и отец. У забора среди людей стояла машина, возле нее ждал префект, староста заполнял на капоте последние бумаги для передачи Реймонда.

– Это ведь, наверное, скоро еще раз придут вербовщики в добровольцы от тевтонов, – услышал Рей разговор в толпе, когда вышел за калитку. – Может, им нашего младшего хулигана отдать? Вдруг подгонят электромотор для хозяйства, все равно год неурожайный, всех не прокормим. Тевтонцы в ордене научат дурака порядку.

Рей оглядел лица крестьян. Не было в них сочувствия. Сын мельника уже был в прошлом, и никто по нему не скупал. Почти никто. Старик Боно в рваном до состояния тряпья мундире тряс головой и ронял слезы. Но Боно был местным юродивым, ему очень давно во время участия в неудачном Софийском крестовом походе попал в висок осколок снаряда из пушки Конгресса. С тех пор он постоянно гримасничал и плакал по любому поводу. А остальные просто стояли и смотрели. Стояла и смотрела младшая сестренка Рея, державшая на руках свою злобную кудлатую кошку, которую Рей ненавидел. Кошка на Рея не смотрела, лениво жмурилась на яркое солнце. Зато смотрела Мэгги Бийон, ее

платье уже высохло и не просвечивало. Она молчала вместе со всеми.

Вдруг из открытого окна дома мельника донесся женский стон. Это плакала мать Рея. Сердце Калиста сжалось от горечи, он выкрикнул злые слова.

– Мамаша, собирала ты меня охотно и молча, а теперь скулишь? Где ты была, когда меня продавали, и кто подписался рядом с отцом?!

– Да заткнись же ты, сволочь малолетняя! – заорал мельник. – Сопляк, хоть уйди достойно!

– Какая разница? Что вам всем в том, как я уйду, вы уже от меня избавились. Вы все, хлевное отребье... Мрази, козлы!

– Будь же ты проклят, Реймонд! И день, когда ты родился! – мельник двинулся на сына.

– Спокойно, Антоний! – священник заслонил Рея. – Ты больше не можешь бить Рея безнаказанно. Он теперь воин Христа.

– Вот! – обрадовался Рей. – Я рыцарь! А ты, старый хряк, мне ничего не сделаешь! Выкуси!

– Пока не воин, а всего лишь мобилизованный, – поправил Рея префект, – а на мобилизованных у меня есть управа. Это за оскорбление своего отца и матери.

Чиновник снял с пояса короткий жезл и буднично, будто включая кондиционер, ткнул им в нового рекрута. Рей тут же пискнул, согнулся, выронил суму и сам потерял сознание от боли. Вот так, день вроде начался весело, а потом Реймонд

получил по голове ведром, подзатыльник от отца и теперь удар нервным хлыстом, а от него боль не намного слабее, чем от Аппарата Очищения.

Калист очнулся, почувствовав, как ему под веки пробивается яркий мигающий свет. Это солнце заглядывало в лобовое стекло автомобиля. А мигал свет от того, что солнце то и дело закрывал подвешенный на четках под зеркалом заднего вида деревянный крест. Рей застонал и сел на заднем сиденье. Вообще-то нейрохлыст не должен вызывать длительную боль, но во время удара Рей прикусил кончик языка, теперь на подбородке запеклась кровь. Электромобиль оказался специальным, между задним и передними сиденьями стояла перегородка из прочного стекла, с маленькими отверстиями, окна не открывались, а кондиционер явно сломался. Дышать было нечем. Префект сидел за рулем, на месте пассажира рядом с ним глухо позвякивал солидный мешочек. Крестьяне не доверяли тамплиерским долговым распискам, предпочитали «настоящие деньги», золотые и серебряные монеты, ими и одаривали начальство. Реймонду на заднем сиденье, кроме суммы с пожитками, составлял компанию массивный металлический кувшин. Наверное, один из сельчан хотел подпоить префекта, но в итоге сам напился и подарил чиновнику фамильную реликвию – старую посудину.

– Очнулся? Мне не в первый раз приходится использовать бич для вербовки. Много кто не хочет брать на себя подвиг

ратного дела. Но правда, когда тебя затаскивали в машину, никто из родственников не коснулся тебя, ни братья, ни сестра, ни отец с матерью. Мать даже не вышла из дома. Тебя уложили на сиденье посторонние люди.

– Черт с ними, с родственниками, – буркнул Калист.

– Упоминаешь нечистого вместе с семьей своей – это грех. Я твоих родителей знаю. Отцу помогал наладить поставку леса для столярного дела. А мать еще лет пять назад была красавицей. И ткать умеет потрясающе, я своим дочерям у нее платки заказывал. Что же им так с тобой не повезло? Или то промысел Божий? Или как раз не Бога то воля?

Рей не ответил, да и чиновник не ждал ответа. Машина как раз свернула с ухабистой грунтовки и помчалась быстрее. Иногда из-под колес летели комья свежего навоза, ведь по шоссе тащилось множество телег, запряженных всевозможной скотиной. Калист обливался потом и смотрел в окно. Дорога взбиралась с холма на холм, вокруг был привычный Рею пейзаж, похожий на застывшие желтые волны. Выглядели бесконечные холмы с дубовыми рощами живописно, но Рей знал, как трудно выращивать на неровных склонах еду, сколько усилий уходит на один полив грядок. А дорога все петляла, ныряла вверх-вниз. Мелькали деревеньки с церквями, ведущие к богатым хуторам кипарисовые аллеи, яркие апельсиновые плантации. Электромобиль юрко обгонял медленные трактора с прицепами, больше усилий ему требовалось, чтобы оставить позади немногочисленные гру-

зовики и автобусы. И один раз мимо стремительно пронесся курьер на гравибайке, моментально растаял впереди. На повороте к административному центру префектуры чиновник остановил машину, сходил в придорожный трактир и вернулся с двумя одноразовыми чашками мясного супа. Калист выхлебал свою порцию очень быстро, не сказав спасибо. Дальше путь лежал не в префект-центр, а в более крупный город – Мансен, центр всего магистрата.

Они ехали еще несколько часов, солнце клонилось к холмам, свет вокруг сделался не желтым, а как говорили на Доминике, «цвета невинной кожи». В низинах густели сумерки.

– Это еще что?! – вдруг выпалил префект, когда машина поднялась на край очередной долины.

– Я не вижу! И мне надо отлить, – жалобно сказал Рей.

– А ну терпеть! Сейчас проскочим долину, тогда! Иначе на час здесь застрянем, – и префект выжал полный газ.

Кувшин, звякая, свалился с сиденья, а Рей увидел, как впереди по дну долины ползет к дороге темная колышущаяся масса. Рей сначала не узнал ее, но когда машина пролетала на скорости перед самой стеной шерсти и мяса, Калист понял – это огромное стадо доминиканских коней – першеронов, которых выращивали ради их пышного волоса и на еду. Каждый взрослый чудо-конь высотой был до чердака дома, в котором жила семья Калиста.

Взлетев на другой край долины, префект затормозил.

– Чем воняет? – спросил он, открывая заднюю дверь. – Ты не дотерпел-таки?

– Нет! – Рей выбежал и еле успел расстегнуть штаны у обочины.

Табун как раз перекатился через дорогу. Пока Калист справлял малую нужду, префект задумчиво разглядывал лошадей. Из долины долетали глухие конские вздохи, надрывный лай псов-волкодавов. Пастухи носились вдоль табуна на гравибайках, а сверху контролировал самолет. Конца-края массе першеронов не было видно. Во главе табуна шли самые здоровые, лоснящиеся кони. Они пожирали всю лучшую траву на пути. А идущие следом довольствовались объедкам, травинками, затоптанными и забросанными навозом.

Рей застегнул штаны и подошел к префекту.

– Выбрось лучше курицу, это она протухла и воняет, – сказал чиновник, все так же глядя на табун, – не знаю, может, в Оакенбоксе люди крепкие на живот, но поверь, тебе придется ждать отправки несколько дней, и лучше провести их здоровым. А мне после твоей лежалой на жаре птицы придется машину чистить.

Рей вернулся к машине и залез в суму. Курица и правда испортилась. Рей зло швырнул ее в сторону. Выкинул бы и все свои пахнущие пожитки, но там были Библия и икона, даже Рей не мог их бросить. Он положил суму обратно на сиденье.

– Зачем они гонят так много першеронов? – спросил Рей у

префекта. – Они же вытопчут землю, расти ничего не будет.

Это была правда. Рей видел на городской ярмарке доминиканских першеронов в загоне, даже один такой конь непрерывно поглощал специальный корм из грузового контейнера, а сколько сожрет такое немыслимое стадо, как сейчас идет по долине, трудно вообразить.

– Их выгоняют перед убоим, всех на живодерню. А земля... На землю плевать. Большая беда, Реймонд, когда власть над землями получают те, кто эти земли не любит, – неожиданно горько произнес префект.

Приехали они к месту назначения глубокой ночью. Мансен – центр магистрата Сент-Мансен, большой город. Десятки соборов, духовная академия, представительства основных рыцарских орденов, заводы, отделение банка тамплиеров с собственным золотохранилищем. На улицах лежала не брусчатка, а какой-то невиданный для Рея черный материал. Пока ехали по городу, Рей глядел во все глаза на закрытые магазины с яркими витринами, на легковушки у домов, милицейские патрули с мигалками, на женщин в платках, спешащих по тротуару в этот поздний час. Для Калиста это словно другая планета, даже гужевому транспорту был запрещен въезд в центр Мансена. Никогда еще Рей не забирался так далеко от дома, самая дальняя для него поездка была в пятьдесят километров от деревни, в монастырь Сан-Себастьян на Пасху несколько лет назад.

Префект подрулил к кирпичному зданию с фальшивыми колоннами и решетками на окнах, наверняка какое-то государственное учреждение. Встречать их вышли два милиционера. Первым зашел в здание префект с папкой документов, следом Рей со своим мешком, позади милиционеры. Префект передал документы на Калиста заспанному дежурному.

– Все, парень, дальше ты сам. А мне в гостиницу пора. Удачи.

Милиционеры быстро обыскали, провели Рея по коридору и втолкнули в какой-то зал. Изначально это явно было место для заседаний, но теперь оставшиеся стулья занимали спящие люди, кто просто в скромной одежде, а кто в тряпье. Электрическая люстра под потолком еле светила. Стульев было мало, в основном пол устилали соломенные матрасы. Слева от захлопнувшейся за Реймондом двери лежала груда таких матрасов, но свободного места на полу, чтобы расположиться, Калист не видел.

– Эй, парень, новенький, – от группки играющих при свече в карты мужиков отделился верзила, – что принес? Книги есть? Пару страниц вырвешь на самокрут, а мы тебе – кусок табачной плитки, идет? Чем от тебя тащит, тухлятиной?! Да тебя нельзя пускать сюда такого вонючего! А ну давай золотой, или вон дверь во двор, хватай тюфяк и выметайся туда.

– Я лучше на дворе посплю, тепло, – Рей не добавил, что от рекрута самого воняло кислятиной.

Парень подхватил верхний матрас и пошел к открытой

двери во двор, спотыкаясь об лежащих. Картежник хотел продолжить разговор, но передумал и вернулся к своей компании.

Во дворе было посвободнее, Рей без труда нашел место среди спящих на сыроватом от росы замусоренном газоне. Сквозь забор с улицы падал свет фонарей. Калист расстегнул суму, осмотрел Библию и икону. К счастью, их не задело куриным жиром и соком из апельсинов. Страницы слиплись, но это скорее от того, что Рей давно не открывал Библию. Она была еще детская, с картинками. Ее подарили Реймонду на семилетие. Тогда дела мельника шли не так хорошо, он здорово потратился на подарок сыну в книжной лавке.

Рей отпил глоток из фляги и улегся на матрас. Компот он выпил весь еще в машине, префект разрешил наполнить флягу водой из колодца на подъезде к Мансену. У воды был слабый фруктовый привкус. Привкус уже далекого дома. Рею захотелось плакать. Он вспомнил, сколько у него было планов. Наполнить над костром бычий пузырь горячим воздухом, привязать к нему кота Тома и запустить к облакам. Ну, и на Мэгги Бийон были планы, она выглядела странно притягивающе в последние месяцы. И звезды в небе над Мансеном светили не так ярко, как жаркой ночью над Оакенбоксом. Калист смотрел на звезды и думал, что, может, его забросит служба к одной из них и он больше никогда не захочет вернуться в дом, откуда его так внезапно выгнали. На этой мысли Калист и заснул.

Три дня еще сидел Рей в правительственном здании. Рекруты все прибывали. Реймонд не разыскал своих односельчан, мобилизованных раннее, их, скорее всего, уже давно определили в какую-то военную часть. Рей расстроился, что не встретил знакомых, хотя в деревне у него не было друзей, только временные сообщники по хулиганским выходкам. Мобилизованных свободно выпускали со двора в одно из крыльев здания. Там был туалет, в нем же приспособили шланг к водопроводному крану и сделали душевую. Для Калиста это уже была роскошь, в его деревню не провели водопровод.

Два раза в день звучал сигнал к построению, рекруты жаллись у стен, заходили священники и читали молитвы. После милиционеры выкатывали дымящиеся котлы с пшеничной кашей, пресной на вкус. Её выдавали в одноразовой бумажной посуде, Рей хлебал и кривился. Несколько раз он выиграл разные вкусности в карты, еще пару раз своровал еду у спящих, и наконец один хозяин еды проснулся и разбил ему нос. Но Калист еще легко отделался. Ночью один из мужиков вздумал дезертировать. Перелез через высокий забор во дворе с его шипами поверху. Через полчаса милиционеры приволокли беглеца обратно, распухающего от побоев. Еще полдня он угнетал зал своими стонами, пока охрана не решила, что пример достаточно нагляден, и не увела дезертира прочь, и больше его не видели.

Рея вызывали по фамилии, водили на медкомиссию. Сто-

ящая в комнате белая кабинка медицинского сканера напомнила парню одновременно исповедальню и Аппарат Очищения. Вопреки опасениям, больно не было, он постоял в сканере минуту, санитар глянул на экран, кивнул и подшил пару листов распечаток к его делу. Ничего подобного такой сложной технике Рей не видел, даже когда бывал в городском госпитале неподалеку от дома.

Попал Калист и на встречу с инквизицией. Когда он высидел в очереди к кабинету, зашел и увидел на вешалке знакомую каждому шляпу с широкими полями, Рей испугался. Впрочем, сидящий за столом над открытой папкой человек в белой рубаше и кожаном жилете выглядел как обычный щуплый клерк.

– Присяживайся. И назови себя.

– Рей Калист. Реймонд.

– Носишь Святой Крест на теле, Реймонд?

– Да, серебряный на шее.

– Покажи... Хорошо. Можешь прочитать написанное здесь?

– Господь – отец, Иисус – сын Божий, святая Дева Мария, простите грехи мои и озарите меня благодатью своей. Аминь.

– Читать по-английски умеешь. Осени себя крестом три раза. Сколько раз молишься в день?

– Три... Пять. Но не каждый день. Перед едой – всегда, а на ночь...

– Я понял. Учился в школе?

– Да... Пять классов.

– Какие предметы учил?

– Английский, письмо и чтение, Закон Божий, математика, латынь, «Воля Божия в материи и природе», история Святых Земель.

– Почему только пять классов?

– Один учитель заболел, его увезли в город, он не вернулся. А второй просто однажды уехал.

– Какие из следующих языков знаешь: латынь, баварский, славянский, русский, итальянский, корейский, йоруба?

– Знаю английский и славянский. Латынь... немного.

– Писать и читать по-славянски можешь?

– Нет. Бабка, мать отца, на нем говорила, я только по-английски писать могу.

– Ясно. Как с техникой, нравился предмет «Воля Божья в материи»?

– Нет. Пробовал несколько вещей из журнала «Созидатель» по чертежам собрать, скучно.

– У меня есть информация, однажды ты сам создал дымный порох. И систему из блоков и противовесов, чтобы облить навозом из ведра соседских мальчишек. Было дело?

– Да... – Рей поразился. Это же детские шалости. И ведь кто-то написал донос в инквизицию, при том, что половина Оакенбокса была неграмотной.

– Ну, значит, к технике есть интерес, только не к созида-

тельной. Посмотри на этот рисунок. Что чувствуешь?

– Какие-то линии. Но они мне не нравятся.

– Знаешь, что они означают?

– Нет.

– Видел раньше?

– Нет... хотя... видел похожее. Вырезанное на дереве в роще. Потом инквизиция приезжала, искали кого-то.

– Понял. Последний вопрос. Вот эта бумага... ее нет в твоём официальном деле, и если ты будешь выполнять приказы, ее там и не будет. Здесь сказано, несколько дней назад тебя поймали на домогательстве к девушке. Что скажешь про этот случай?

– Было. Бес попутал.

– Хорошо, иди. Скажи, чтобы следующий заходил.

Получилось всего пять минут на допрос для всезнающей инквизиции.

К концу третьего дня ожидания Рея опять вывели из зала. Теперь в очередном кабинете его ждали знакомый префект и незнакомый чиновник со значком помощника легата – главного лица во всем магистрате Сент-Мансен. Рей не знал, кто перед ним, но на стене висел сертификат с сургучной печатью епископа магистрата, дозволение некоему Стефану Маготу на проведение христианских таинств и на службу мирскую. Еще в кабинете сидел служка в сутане, который стучал по клавишам настольного вычислителя и скармливал машине пачки документов для сканирования.

– Имя, фамилия и откуда ты? – спросил незнакомый чиновник у Рея.

– Реймонд Калист, сын Антония Калиста, из Оакенбокса.

– Это деревня возле Оршарда, – добавил префект.

– Да знаю я! – бросил чиновник. – Возраст – пятнадцать годков по Земле. Маловат еще.

– Но ты только глянь на медкомиссию, – префект говорил с чиновником на «ты», но было видно, что он здесь в подчинении, – это же группа «А-минус».

– По устным слухам, была попытка изнасилования девушки, так?

– Слухи преувеличены. Она отбилась от него. Скорее всего, просто парень вошел в возраст, когда дьявол замечает душу и клонит к пороку. Не совладал с собой.

– Это деваха его так, что нос теперь синий?

– Нет, я его привез целым и невредимым. Это уже здесь добавили. А голова у него вообще крепкая, ему по ней девочка хорошо приложила, и без следа.

– Ясно, – у чиновника в глазах исчезло любопытство, он поставил печать в деле Калиста и передал его службе для сканирования.

– Здоровье хорошее. Есть проблемы с поведением, но думаю, в казарме их исправят кулаками и молитвой.

– Хорошо! – префект сиял. – А знаешь, я, наверное, ко дню святого Анджея заполню квоту на группу «А» и «А-минус».

– Это если их опять не переделают в большую сторону.

– Сколько можно! Я уже устал мотаться по всем дырам моей префектуры. Дел у меня больше нет!

– Так завещал Святейший Михал. Префект обязан сам отбирать рекрутов.

– Но не каждый же месяц!

– Бери пример с соседнего магистрата. Там уже выполнили квоты.

– Легко говорить, у них под боком анклав греческого обряда, сидят на контрабанде. У них даже денег хватает на выездные медкомиссии. А я за две недели три раза возвращался, поскольку рекрутов забраковали врачи.

– Зато у соседей население куда меньше. Хватит жаловаться! Тебе абы сидеть в кабинете, и чтоб крестьяне сами несли десятину. Думаешь, у меня нет других дел, кроме военных?

– Ну так мне хотя бы охрану в пару человек. Я боюсь, что мне зарядят в бок из охотничьей аркебузы. Мне приходилось таких отбросов сюда возить! Никто не хочет брать бремя меча на себя.

– Терпи, что сказать. И меньше нагружай машину подарками крестьян, больше запасай аккумуляторов к хлысту Божьему.

– Да какие подарки! Недавно покормили в одной деревне, из меня черви неделю выходили. Послал нечистый своих тварей, похудел на десять килограмм.

– Может, то как раз знак Божий, хватит с тебя чревоугодия.

– А в последнюю поездку подарили вроде как ценный кувшин, а антиквар сказал, это ночной горшок, которому тысяча лет. Не знаю, что с ним делать.

– Не отнимай мое время такими рассказами. Лучше скажи, как там со строительством фабрики? Хозяин согласился так же строить дорогу и выделить на нее деньги?

– Да, он и община достигли понимания...

– Простите, что вмешиваюсь, ваше преподобие, – сказал служка, – сообщение от Центра.

– Что там? – чиновник посмотрел на экран вычислителя. – Святые угодники! Поезд выезжает сегодня вечером из Нокс-гота! Через два дня будет здесь.

– Я со своей стороны выложил. Надо только разослать курьеров на байках, пусть оповестят родственников, кто успеет на проводы.

– Но у тебя же были несколько человек с платой, чтобы попасть в списки «Ц-минус», да?

– Ты бы не говорил про них при рекруте. Он хоть и... а все же...

– А что мы сказали здесь запретного? – улыбнулся чиновник Рею. – Ничего такого, правда? Тем более их отправляют по юго-восточной магистрали, вряд ли они попадут в звездную академию Благодатной Армады и вернутся стратегами космического флота. И вряд ли они будут охранять сборщи-

ков податей по соседству.

— Да, но все-таки... Реймонд, можешь идти. И скажи, кого встретишь, через два дня будет большой набор, пусть собираются, много кого отправят к месту службы.

И правда, прошло еще чуть больше двух суток, и в зал, где ждали рекруты, вошли милиционеры, выкрикивая фамилии. Больше ста человек, около трети размещенных в здании, было вызвано. В это число попал и Рей. Людей вывели на улицу, где уже стояли пять грузовиков с тентами. Милиционеры разогнали рекрутов по кузовам, еще раз сверили фамилии со списками. Несколько машин сопровождения включили мигалки, и вся колонна тронулась.

Рей ничего не видел, его затолкали в глубину кузова, но ехал грузовик недолго, минут десять. Потом была выгрузка, прямо на перрон железнодорожного вокзала. Как раз в этот момент Калист впервые в жизни увидел бронетехнику своими глазами, мимо платформы полз бесконечный эшелон с выкрашенными в камуфляж самоходными пушками, тягачами и легкими танками. Но эта техника не предназначалась рекрутам, милиционеры погнали их по переходу над путями, к колее магистрального класса, самой широкой на вокзале. На рельсах стоял состав из громадных двухэтажных вагонов, с атомным локомотивом. Вот туда и вели будущих солдат. Группу рекрутов построили в самом конце состава. Было жарко, солнце приближалось к зениту. Где-то пел молитвы хор, похоже, вживую, не на записи. Последовала очеред-

ная перекличка, и тут оказалось, что нескольких рекрутов нет, умудрились сбежать или потеряться. Милиция сразу зашумела, поднялся шум. Откуда-то прибежали два десятка бойцов инквизиции. Эти выглядели серьезно, в черной униформе, в касках и защитных очках, руки сжимают автоматы с подствольными нейрохлыстами. Офицер их, судя по нашивке на рукав белому щиту с черным крестом и особому медальону на шее, был еще и посвящен в рыцари Тевтонского ордена. Если допрашивавшего Реймонда инквизитора можно было представить уныло препирающимся с трактирщиком, который повесил над входом заведения фривольную неоновую вывеску в виде розового женского тела, с этими бойцами на перроне спорить не хотелось. Сразу получишь разряд хлыста, а то и пулю. Прибежали еще какие-то типы в штатском с рациями. Все вместе, инквизиция, милиционеры и остальные, кинулись искать беглецов. Между тем включился вокзальный динамик.

– Воины Христа! Сейчас перед отправкой в учебную часть вам дадут повидаться с провожающими. Просьба сохранять спокойствие и поддерживать смирение.

Группу повели в обход главного здания вокзала. Хор запел что-то знакомое, вроде молитвы «Ангелус». Тут Рей увидел забор из прутьев, обтянутый сеткой-рабицей. А за забором на площади толпился народ. Провожающие плакали, махали платками и иконами, некоторые размахивали плакатами с написанными на них именами и пожеланиями. В паре мест

над толпой виднелись качаемые на руках орудия младенцы. Видимо, не все мобилизованные были изгоями-одиночками. Рекрутов пустили к забору. «Стоять не больше минуты! Не задерживаться!» – повторяли милиционеры. Ошеломленно-го суматохой Рея вынесло к забору. Ему послышалось, что его зовут. Хотя не послышалось.

– Рей! Рей! Да посмотри сюда!

– Вы?! Приехали? – Калист увидел по ту сторону забора двух старших братьев.

– Еле успели. Ночью добирались, ну и даль – этот Мансен. Как сам, Рей?

– Нормально.

– Привет тебе от деревни.

– Эй, проходите дальше, не стойте! – гаркнул милиционер.

Рея понесло потоком напирających рекрутов прочь от забора.

– Рей! – крикнул вслед брат. – Мэгги просила передать, она на тебя не в обиде! ОНА ТЕБЯ ПРОСТИЛА!!!

– Чего?! – Калист встал на месте.

Но тут рядом гроыхнули выстрелы, толпа охнула, рекруты запаниковали, и вся группа хлынула прочь, обратно к поезду. Наверное, инквизиция загоняла беглеца стрельбой в воздух, Рей не рассмотрел. Хор сбился, но сразу продолжил пение.

Реймонда втолкнули в вагон на первый этаж. Здесь сто-

яли жесткие нары, гадостно воняло. Окна с решетками были распахнуты, но дышать нечем. Рей изможденно упал на подвернувшуюся койку, ему сразу впилась в бок острая щепка. Еще некоторое время снаружи доносились выстрелы, пение и крики, а потом зазвонила вокзальная колокольня, поезд тронулся.

Состав медленно полз на юго-восток, останавливался на мелких полустанках и подолгу стоял в крупных городах. На мелких полустанках подвозили воду и еду, в больших городах подгоняли вагоны с новыми рекрутами. Кормили плохо – витаминными лепешками из фруктов, пресным хлебом, иногда сушеной кониной. Очень хотелось пить, баки для воды возле тамбуров пустели моментально. На станциях иногда подбегали хитрые мальчишки, за деньги предлагающие заполненные водой конские кишки (бутылки не проходили сквозь решетки на окнах). Спекулянтов отгоняла милиция, но торговля все равно шла. Реймонд видел, как в их поезд сажают девушек. Вообще-то на Доминике женщин не мобилизовывали в армию, но добровольно можно было устроиться в Корпус Сестер Милосердия и ряд других вспомогательных организаций.

В одном из пунктов остановки весь вагон Рея вывели на вокзал с вещами. Здесь их раздели догола, обсыпали дезинфицирующим порошком, каждому выдали заранее сшитый под него комплект летней униформы с номером и фамилией

на груди, ранец, ботинки, всякие мелочи вроде кожаной папки для бумаг. Наверное, еще при прохождении медкомиссии Рея обмерили и заказали на него форму через вычислитель. Пока рекруты получали вещи, их пожитки перерывали специальные инспекторы, решали, что можно оставить, а что прямо тут пойдет в гудящую огнем печь. Калист получил обратно свою икону, Библию, бутылочку мирры, а вот деньги куда-то пропали. Жаловаться было некому, Рей собрал все оставшиеся вещи в свой новый ранец, посмотрел, как горят его деревенские одежды. Когда их вернули в вагон, Калисту стало дурно, койки тоже дезинфицировали от принесенных рекрутами клопов и микробов. От запаха химии текли сопля и слезы.

Ночью один совсем хилого вида парень обмочился. Может, у него была ломка после наркотиков или просто так проявилось отравление порошком для дезинфекции. Рекруты начали издеваться над ним, загнали под мокрую койку, слушали, как он там всхлипывает. Реймонд тоже хохотал вместе со всеми. Он на время забыл, как ему самому тоскливо, как он хочет домой.

Так поезд и ехал еще три долгих дня и три короткие летние ночи. Десятки префектур, пять магистратов остались позади. Пейзаж вокруг рельс изменился, исчезли холмы, кругом раскинулась ровная желто-зеленая степь. Стало еще жарче, чем в Мансене. Города на пути ощутимо поредели, деревеньки тоже попадались маленькие. Под конец маршру-

та новых рекрутов на остановках не пригоняли.

Реймонд понял, что они уже близко, когда ночью проснулись от духоты и чужого храпа. Поезд стоял на очередном узловом полустанке, рядом тарахтел пропускаемый состав. Степь сверкала зелеными огоньками, это играли светляки. А над горизонтом вставало бледное зарево, такое большое, что звезды меркли. Впереди ожидал огромный город или другой источник света. Рельсы делали поворот, было видно – все составы идут туда, обратно тянутся пустые платформы и темные вагоны без пассажиров.

И точно, утром следующего дня поезд подполз к перрону. Повсюду стоял грохот от множества работающих механизмов. Рекрутов выгнали под палящее солнце. Реймонд заметил, что весь поезд высаживают, причем у головы состава над перроном с помощью подъемного крана сооружают навес, а позади из хвоста люди прыгают прямо под насыпь, поскольку перрон не достроили. Вперемешку с прибывшими рекрутами сновали рабочие. Над головой шумно курсировали грузовые вертолеты, по соседним перронам тянулись вереницы людей. Реймонд вообще плохо ориентировался, повсюду строительные леса, солдаты, склады, за оградой медленно, рывками едут фуры с контейнерами. Судя по военной технике на грузовых платформах и общему обилию людей в форме цвета хаки вокруг, он попал на какой-то грандиозный военный объект, причем возводимый прямо на глазах.

Встречающие поезд солдаты направили рекрутов к уси-

ленно охраняемому входу в терминал. Внутри хоть и ожидали тысячи людей, оставалось ощущение простора. Далеко вверх, под потолком, рабочие что-то делали со стропилами, напоминая пауков. На стену как раз осторожно поднимали стеклянную скульптуру ангела с мечом в одной руке и розой в другой. Окна терминала были пока задрапированы белой тканью, но за ними мелькали тени соседнихстроек, лязгали вагоны, будто слышалось хлопанье могучих ангельских крыльев.

Сотни клерков в окошечках выполняли одну функцию. Спрашивали имя, фамилию, сверяли с номером на униформе и давали цветную бирку с написанным на ней номером турникета. Турникеты ждали в другом конце зала, они беспрестанно пропускали сортируемых.

Реймонд дождался, пока ему протянули через окошечко красную бирку, и пошел дальше. Вокруг были не только мобилизованные, стояли в очередях и действующие солдаты, уже в звании, даже из рыцарских орденов, попадались и гражданские рабочие. Кто-то тащил чемоданы, кого-то прямо на месте допрашивала инквизиция, была даже бригада санитаров, заглядывали в рот тем, кого, наверное, не обследовали во время призыва. На Рея не обратили внимания. Видимо, бежать из этого здания уже было совсем некуда, рекрутов оставили без надзора.

Прокрутив турникет, Калист получил указание следовать по линии на полу цвета своей бирки, то есть по красной.

Пройдя пустынными, пахнувшими свежей краской коридорами, Рей оказался во внутреннем дворе. Двор разделяла на несколько квадратов высокая живая изгородь. Она же давала уютную тень, в которой располагались лавочки. Шум от огромного вокзала и стройки раздавался не так громко. В середине площадки на солнце играла струя каменного фонтана. К нему сразу подбежал Рей, наполнил водой выданную взамен домашней армейскую флягу и с наслаждением выпил, забыв даже про угрозу подцепить кишечного червя.

Утолив жажду, Рей огляделся. В тени ждало еще несколько рекрутов. Некоторые, как ни странно, молились, еще несколько листали Библию. Внимание Рея привлекла единственная девушка на виду. В отличие от желтоватого хаки униформы, на ней был насыщенно-зеленый пиджак с зеленой блузкой, юбка до колен. На пиджаке виднелась эмблема, схематичная планета с крестом, значит, военизированная администрация. Надо сказать, зеленая форма удачно сочеталась с изумрудными глазами девушки. Рей не видел таких глаз раньше, в основном, даже в зеркале, на него смотрели серые, как камни или спины крыс. Из-под красного берета на голове виднелись угольно-черные волосы, коротко стриженные. Скорее всего, северянка, кожа бледная, без загара. И на лице почти нет желтых пятен, только в уголках рта, особенно заметны, когда девушка улыбается. А она как раз улыбалась, ей рассказывал что-то забавное сидящий рядом парень с рыжими волосами, тоже бледный, прямо-таки синюшный.

На парне была такая же униформа, как у Калиста, только на плечах виднелись пустые погоны, а рукав украшала эмблема ордена иезуитов. Рей решил начать беседу. Он не боялся знака ордена, перед ним явно был новобранец.

– Эй, рыжий, ты вроде под таким уважаемым орденом, иезуитами, а одет не по уставу, что за дела?! – Рей ткнул пальцем в расстегнутую хлопковую куртку, из-под которой торчала не заправленная в штаны белая футболка. Панаму рыжий тоже снял, она лежала на стоящем рядом с ним ранце.

– А ты кто, офицер?! – грубо спросила девушка. – У самого форма мятая!

Это было правдой, Рей успел уже помять и испачкать одежду в жарком тесном вагоне, еще и забрызгался, когда пил из фонтана.

– Да ничего ведь страшного, – смущенно улыбнулся рыжий, – меня и тебя пока официально не оформили в подразделения, можем походить нараспашку, жарко ведь.

– И что, ты в армию пошел, а пуговицы не научился застегивать? Откуда тебя такого взяли, – Рей присмотрелся к нашивке с фамилией рыжего. – Фоггерти? Что за фамилия дурацкая, как еж шипит? Из какого ты магистрата? – Рей уже знал по опыту, надо сразу настроить собеседника, что ты говоришь с ним презрительно и хамишь ему. Если не перегнуть палку, можно получать маленькие радости от безнаказанного унижения окружающих.

– Я вообще-то приехал из Святого Города. Но родился на

другой планете, на Пьюрите.

– Рассказывай! Нет такой планеты. Я все девять планет Святого Престола знаю. Хорош лгать.

– А это не Земли Святого Престола, – слегка печально сказал рыжий, – Пьюрита сейчас входит в Галактический Конгресс.

– Ох!!! – Рей отшатнулся с неподдельным страхом. – Шпион! Еретик! Безбожник!

Даже окружающие перестали молиться от его криков.

– Я давно здесь живу. Меня проверяла инквизиция. Я допущен служить.

– Да знаю я эти проверки. Ты зачем сюда пришел?! Шапку снял, думаешь, лучше нас, деревенских?!.. Чего молчишь, глаза отводишь?

– Я... просто не понимаю, что я тебе плохого сделал, чем обидел?

– Святой Михал сказал: «Кто повернулся спиной к злому деянию, кто прошел мимо, тот зло унес на своей спине и несет его дальше». Как я могу пройти мимо, когда в рыцари затесался нехристь с чужих звезд!

– Да что ты ему отвечаешь, Питер? – сказала девушка. – Не отвечай, не обращай внимания. Он хоть и дурак, а сам с собой вряд ли долго проговорит.

– А ты заткнулась, когда мужчины разговаривают! Рыжий, чего тебя все время баба выгораживает? Сестра твоя старшая, что ли?

– Нет, дурак, я его знаю чуть больше часа. Но уже в курсе, что Питер, например, добровольно вступил в армию. А тебя наверняка поймали, когда прятался в мусоре за деревенским трактиром, и привезли сюда, как барана в клетке.

Это было метко, и Рей сжал кулаки. С раннего детства он усвоил для себя простое правило: в драке победил тот, кто ударил последним, без ответа. С возрастом он понял, что время на ответ можно определять самому, но мстил всегда подлостью, ударом исподтишка, всегда, когда детская память не подводила. Сейчас ум подсказывал: «Не время, потом еще сквитаешься!» – но в голове уже вскипала ярость. Тем более хотя и удалось попасть в поле зрения девушки с беретом, но как-то не совсем удачно. Рей бы, наверное, кинулся на рыжего с кулаками, тот выглядел старше, но тщедушнее. Однако тут сзади окликнули: «Здесь Питер Фоггерт-и?»

– Я здесь! – встал с лавки рыжий.

– Ave Christi! Добрый день, ребята, – к ним подошел незаметно оказавшийся во дворе человек. У него была странная одежда, белый плащ с откинутым назад капюшоном, вроде монашьяго балахона, только достаточно короткий, чтобы были видны пятнистые камуфлированные штаны, заправленные в ботинки. Лицо его, загорелое и обветренное, было спокойно, голос звучал тихо и непривычно после истеричных команд конвоиров. В руках человек сжимал две папки для бумаг.

– А ты – Реймонд Калист?

– Да.

– Хорошо, что вы познакомились. Вам ведь выпало служить вместе. Я – брат Кальварий, сержант. Добро пожаловать в орден.

– Какой орден? – спросил Калист.

– Орден Христа, конечно же! Братство иезуитов, воздушно-десантные войска наследников святого Игнасия. Реймонд, раз уж мы в армии Господа, соблюдай дисциплину. Обращайся ко мне как к старшему, говори «да, сэр». И не задавай вопросов, пока офицер и старший по званию не скажет, что слушает вопрос. В ордене солдаты обычно все понимают с первого раза. Это понятно?

– Да, сэр!

– Молодец. Питеру уже нашили знак. А тебе, Рей, я принес погоны и нашивку ордена, не потеряй, сегодня вечером сам пришьешь. Берите ранцы, сейчас поедem в сектор иезуитов. А вы куда, юная леди?

– С вами.

– Вы – Жанна Помме, верно?

– Да, сэр!

– Ну, не надо, вы же не в ордене. За вами придет человек, но немного позже, подождите.

Вскоре Рей уже сидел в джипе, который катил по улицам строящейся цитадели. Рей улыбался. Он еще не встретил здесь ни одного вола или другого привычного по дере-

венскому быту животного, но вся эта машинерия и арматура вокруг производила впечатление мощи, а значит, власти и безнаказанности. Калиста определили в десантные войска иезуитов – одного из самых влиятельных орденов. И он уже знал, что нашел замену коту Тому, кого будет мучить, пусть он и рыжий. И замену для Мэгги, хотя здесь еще надо постараться, но перспектива есть. В первый раз за долгое время Рей искренне поблагодарил Бога.

Глава 5. «Он не ведает, что творит»

Планета Аркаим, сейчас.

– Иван Сергеевич, можете объяснить, зачем вы взяли флягер напрокат? От станции монорельса «Сталевка» идти до музея недалеко, на тех улицах всегдалюдно. Вас бы по пути вряд ли так просто затащили в подворотню.

Этот вопрос задал Ивану шеф полиции Розгин, точнее, его голография, парящая над столом. Фомин уже сходил в аптеку, купил там ингалятор, которым раньше пользовался для восстановления после командировки на войну. Пара затяжек – и репортер уже твердо стоял на ногах, сердце успокоилось. Иван сидел в кабинете Романа Волхова. Только что он пересказал историю о нападении шефу полиции, вместе с хозяином кабинета они теперь думали, что же предпринять дальше. На улице уже давно стемнело, большая часть контор в офисном центре «Терем» закрылась на ночь.

– Мне было интересно полетать на машине. Я не знал, что есть такие опасные районы. Вы же говорили, вашими стараниями нападения на улицах случаются редко.

– Да, говорил. Но я также говорил, что нужно быть осторожным, в городе проблема наркомании. Вы ведь прилетели не как турист, идолов языческих смотреть, а на задание. Так и ведите себя соответствующе, профессионально.

– Ну, буду знать. Хотя даже на контролируемой бандитами

Лагарте в столице можно почти везде ходить без страха быть ограбленным среди дня.

– Давайте лучше поговорим о деталях, – сказал Волхов, – нападавшие действительно требовали от вас убираться с планеты, и все? Не отбирали ценности, ничего подобного?

– Нет, только угрожали и требовали свернуть мое расследование по музею. Они показались очень хорошо осведомленными, знали и про Юрия, и что меня послал Литейщиков. Это были не бандиты, уверен.

– Тот, кто с вами разговаривал, уверены, что это он же на записи, и его опознал Юрий перед исчезновением?

– Я здорово испугался. Но почти уверен, что это тот же человек. Флаер не тот, что на видео, но человек тот же, да. Уверен.

– Ясно. Базы данных пока на это лицо ничего не нашли. Какие-то подробности разглядели, чего мы не увидели на старой записи?

– Он странно говорил. Станный акцент. Никогда похожего не слышал, но думаю, русский для него не родной. Лицо... серые глаза, кожа тоже какая-то сероватая. И на щеках желтые пятна.

– А вот это уже интересно, – полицейский встрепенулся, на секунду его изображение пропало, – есть, конечно, варианты вроде симптомов отравления особыми наркотиками или болезней печени – гепатитов, но ваше описание очень походит на конкретный этнос. А именно жителя умеренной

полосы планеты Доминика.

– Столица крестоносцев! – воскликнул Волхов. – Я говорил, что проблема не в местной наркомафии.

– Подожди, Рома! Ты так быстро расследование провел, хоть сейчас мне на пенсию уходи. Здесь у нас попадаются политические беженцы, которым не жилось по церковным законам. Граница с орденом ведь рядом. Беда в том, что часто человек, сбежавший от доминиканцев, не просто не хочет жить по их законам, он не хочет жить по любым законам вообще. И на Аркаиме криминальный элемент как раз нередко имеет серые глаза, серые волосы и желтую физиономию. Если наши христианские соседи засылают людей с серьезными заданиями, они стараются выбирать агентов с неприметной внешностью. Завербованных местных или жителей принадлежащей ордену планеты Пайя, они очень похожи на нас лицом, а если присылают уроженцев Доминики, то с полярных широт. Хотя согласен, нападение не похоже на гангстеров. А остальных двух нападавших рассмотрели?

– Плохо. Второй был немного моложе. А может, мне показалось, он дергался, угрожал, и этот желтолицый ему приказал заткнуться. Значит, этот парень не главный. И по-моему, у него не было желтых пятен на лице, обычный внешне. А водителя вообще не запомнил, он в салоне машины сидел все время.

– Хоть что-то. Как же мне вам помочь, что предложить... Людей мало, роботов свободных нет. Могу предоставить од-

ного вооруженного охранника одновременно. Но вам нужно будет заключить договор, согласиться пребывать в гостиничном номере большую часть суток. Выходить будете по согласованию с охраной, при свете дня, на один-два часа, не больше.

– Два часа в день?! Это только чтобы в гастронорме сходить или столовую. А мне материал собирать нужно.

– Охранник за вас отвечать будет, ему сложно просчитывать все угрозы, если вы по городу станете гулять, да еще и ночью. Лучшего вам предложить не могу. Если вы, конечно, не хотите собратиться и улететь домой.

– Уверен, для вас это был бы легкий выход, но я пока не настолько напуган. А патрульные дроны не помогут?

– В том и дело, – насупился полицейский. – Мы уже смотрели биометрию и записи с коммуникатора. Биометрия показывает, что вы все время были спокойнее, чем снеговик, а на записях никаких голосов, просто белый шум. У злоумышленников была какая-то хитрая аппаратура подавления. Готов спорить, дроны они тоже обманут. Это самое странное в этом деле. Бандиты могут говорить культурно, цитировать Библию, называть друг друга «братьями», но вот притащить в Сталевку такую технику... У нас такие генераторы помех не делают и официально не завозят, разве что на военные заводы или по заказу контрразведки.

– Знаете, сэр, я все-таки откажусь от полицейской охраны. Лучше постараюсь узнать что-нибудь про судьбу Юрия

быстрее, чем стану отсиживаться в номере.

– Ваше право, но учитывайте, что я сейчас не имею оснований даже объявить эту странную троицу в розыск.

– Но они ведь мне угрожали!

– Какие-то есть доказательства? Записей угроз, видео, как я понял, у вас нет. Если заказать экспертизу и она подтвердит, что вас ударили парализатором, это наверняка будет дешевая бытовая модель парализатора, тип «Шило» или «Шарошка». Их применение плохо регламентировано законом, вам всегда еще могут предъявить, будто ударили вас в качестве самообороны, доказывая потом обратное. Вот если бы вы получили разряд из той самой модели парализатора, что и сторож музея, это сильный армейский НБ-4, тогда можно было бы заводить дело.

– Знаете, даже на Лагарте, где все плохо, легче заставить полицию действовать.

– Здесь такие правила, Иван Сергеевич. Я бы мог вам рассказать про вечную борьбу полиции Аркаима с этими кики-морями, нелюдью, с адвокатами и правозащитниками, но зачем? Вы же сами прилетели с планеты, где правозащитники победили полицию, сами все знаете. Я уже отправил запрос опричникам в Службу Контрразведки Аркаима по поводу использования аппаратуры подавления коммуникаторов и дронов, отдал имеющуюся видеозапись на обработку и анализ. Но Юрий не оставил после себя официального заявления про угрозы и преследования, нет доказательств. Если

даже патрульные опознают этих желтолицых, при наличии паспортов с визами их отпускают.

– И что, совсем никак нельзя повлиять на этого маньяка?

– Можно было бы, как вы журналисты любите, написать статью, закатить истерику, но вряд ли это вам сильно поможет. У вас, случайно, нет друзей и знакомых в центральном аппарате Конгресса?

– Нет, у меня мало друзей.

– Жаль, – сказал Волхов, – без таких друзей вы можете написать заявление в Верховный Суд Человечества, что вам угрожают, а полиция бездействует, но через год минимум вам придет автоматическое сообщение с вопросом, актуальна ли ваша проблема и не хотите ли отозвать иск. Даже я не могу существенно это дело ускорить.

– Что ж. Мне платят большие деньги. И я намерен продолжить работу здесь. Я не стану требовать от полиции гарантий безопасности. Просто прошу, сделайте все, что в ваших силах, чтобы меня не убили и не покалечили.

– Постараемся, Иван Сергеевич. Мне самому, как начальнику полиции, стыдно за сегодняшний инцидент. Но вы уж тоже постарайтесь держаться людных мест, не ходить по городу ночью. Аркаим еще недавно был другим. Я помню, как толпа молодежи караулила людей, выходящих из православной церкви, оскорбляла и била их, а полицейские отказывались разнимать драку. Я сам был в толпе молодых и глупых язычников, пока не понял, что «ломать – не строить».

– Если что, ваш номер у меня в быстром доступе на коммуникаторе.

– Да, звоните. Рома, я так полагаю, вы сейчас спуститесь на три этажа, к Хагалу? Он еще работает сегодня?

– Да... работает, – смутился Роман.

– До определенной меры я могу закрывать глаза. Но не переступайте грань слишком далеко, время сейчас трудное. Удачи, я завершаю разговор, сообщу, когда узнаю что-то важное.

Иван и Волхов вышли в приемную. Секретарша еще работала за компьютером.

– Валка, много еще запросов осталось?

– Нет, почти закончила, Роман Харальдович.

– Завари нам чаю, покрепче, и можешь отправляться домой, закончишь утром.

– Спасибо.

Секретарша быстро приготовила в кипятильной машине чай, пахнувший пряными травами, разлила его по большим белым кружкам и ушла из конторы.

– Люблю чай. Пейте, Иван, он настоящий русский, успокаивает. Я не врал, что не могу проложить этому делу ход к центру Конгресса. Вне Аркаима я знаю лишь номера счетов, на которые переводить деньги, но их владельцы требуют очень много за решение вопросов. Так много, что нецелесообразно дальше работать.

– Ничего, Роман. Я не дам им и гроша. Пока деньги дойд-

дут, ребята из Конгресса успеют сто раз передумать, потерять эти деньги, исчезнуть или назвать новую цену. Слишком они далеко. Скажите лучше, кто этот... Хагал?

– Хагал Хальвданович. Специалист по компьютерам и всяким программам. У него фирма в этом здании. Мой хороший знакомый. Я делюсь с ним некоторой информацией, весьма ценной. За это Хагал помогает мне с обходом официальных барьеров в Олнете... Это не всегда совпадает со всеми законами, но даже шеф полиции Розгин в курсе. Но он понимает, где реальное преступление, а где – эффективная работа. К тому же Розгин далеко не свободный человек, он вынужден бездействовать, например, по отношению к корпорации Куреновой и ее наемникам. И он даже будет рад, если ему помогут восстановить закон и порядок, пусть даже и не совсем легальными методами.

– Вы так уверенно говорите про Куреневу и ее участие в деле исчезновения Юрия, почему?

– А у кого может быть техника и доступ к управлению дронами и коммуникаторами? Кто еще уверенно может подавить системы безопасности и не оставить следов? Я вообще-то ничего не имею против Елизаветы Куреновой лично. Кстати, она Оладьева на самом деле. Просто ее корпорация нагнала сюда людей, привыкших достигать результата быстро и без компромиссов. Короче, отморожков, татей. А местные власти ошибочно принимают их действия как стремление к дисциплине и порядку. Мне кажется, цель этой корпо-

рации здесь, пока поступают большие деньги от работы над климатом, – скупить все ключевые предприятия Аркаима, переписать законы под себя, а потом использовать нашу планету как источник средств для дальнейшей экспансии. Я не верю, что компания с главным офисом на далекой Софии может бескорыстно желать нам добра. Хватит с нас барщины Конгресса. К тому же какой-нибудь наемник корпорации легко мог убить неугодного журналиста. Там таких мокрушников полно.

– У вас есть доказательства этой версии? – Иван допил чай.

– Нет. Может, Хагал нам поможет их отыскать.

– Вы собираетесь меня познакомить с полулегальным хакером. Вы были уверены, что я решусь остаться на Аркаиме после недавних угроз?

– Ну, вы же действительно решили остаться?

– Если подумать, я ведь уже подтвердил, что Карпенко не был завербован доминиканцами. Как признался главарь, они ранее шантажировали Юрия, он не с ними.

– Я не настаиваю, но вряд ли это удовлетворит Федю Литейщикова. Бандит мог врать. Или шантажом перетянуть Юрия на свою сторону, такое бывает.

– Все-таки я пока не улетаю. Мне просто интересно. Таинственная история, загадки. Вот, например, протесты против властей я больше не освещаю в статьях. Потому что все они одинаковы. Я ни разу не встречал человека, требующего

себе власти и способного внятно объяснить, как при помощи этой власти сделает мир лучше. Вся политическая оппозиция – это как алчные племянники, охающие вокруг умирающей тетки, кто громче выразит сочувствие, но никто не даст настоящее лекарство, ведь тетка должна оставить им наследство. А иногда приходят революционеры, всякие радикалы, так они просто душат тетку-общество подушкой и забирают все, что могут унести. А в деле Карпенко нет такой ясности, есть интрига... Я заговорился. Пойдемте к вашему хакеру.

Пока они шли к лифту и спускались, Иван думал про корпорации. Волхов правильно описал суть межзвездного синдиката: непрерывная экспансия и равнодушие к освоенным, «выжатым» рынкам. Иван много слышал о «Куренев индастриз». Молодая, очень активная корпорация. Ее основательница и председатель совета директоров, в девичестве Елизавета Куренева, женщина интересной судьбы. Потерянная родителями в суматохе эвакуации на завершающем этапе войны с Хилим-ла выросла в приюте среди трущоб Новой Украины. Когда она уже достигла сознательного возраста, ее разыскал родной брат, Олег Куренев, смертельно больной и доживающий последние месяцы. Олег – весьма примечательная личность: военный, бывший диктатор целой планеты, обвиняемый в фашизме, этнических чистках, каннибализме, удостоенный премии Конгресса «Политик года», «За развитие демократии», меценат, филантроп, экстрасенс. Закончив свою жизнь в уединении, в кругу семьи, Олег оста-

вил сестре солидное наследство. Елизавета смогла покинуть Новую Украину и перебралась на Софию, где начала учиться на климатолога. Несколько лет университета, Елизавета не была гениальным ученым, но усваивала знания очень старательно. В университете она и встретила отпрыска богатой семьи со смешной фамилией Оладьефф. После свадьбы с ним Куренева окончательно перестала нуждаться в деньгах. Однако ее не удовлетворила роль вице-президентши одной из семейных фирм или самораскручиваемой певицы. Елизавета купила на Багратионе обанкротившийся частный исследовательский центр по изменению климата, совместила полученные разработки с собственными идеями и основала корпорацию, специализирующуюся на создании комфортного для человека климата на разных планетах. Назвала ее «Куренев индастриз» в честь своего брата, который бескорыстно подарил ей путевку в жизнь, хотя и сама по паспорту уже была Елизаветой Оладьефф. Первым проектом компании стало участие в трансформации вулканической планеты Зерге. На ней основную работу делали тектонические инженеры, но государственная комиссия пришла в восторг от предложенных Елизаветой климатических решений. Посыпались всевозможные поощрения от Конгресса. Затем были три стратегических контракта на перестройку планет, в том числе и Аркаима. Интересы «Куренев индастриз» столкнулись с другими уважаемыми межзвездными корпорациями. На Аркаиме это был «Климат-тек», синдикат с более чем вековой ис-

торией. Но Елизавета была упряма, амбициозна, категорически не умела останавливаться на достигнутом и обладала звериной интуицией. Ее корпорация быстро отгрызала куски рынка, пробивалась в смежные с климатической инженерией сферы хозяйства, подкупала, выигрывала суды, нанимала в охрану целые частные армии.

Могла ли эта компания быть причастна к исчезновению Карпенко и грабежу Музея Христианства? Иван не исключал такой вариант. Но все-таки это было не похоже на элемент в продуманной корпоративной стратегии, на приказ высшего руководства. Как-то... слишком грубо. Может, в деле Карпенко и фигурировали ресурсы Куреневой, например ее аппаратурой могли глушить электронику, но Иван бы предположил скорее собственную игру отдельных мелких чинов в корпоративной структуре или наемников из охраняющей Куреневу военной компании. В любом случае пока Иван знал слишком мало.

Иван и Волхов спустились на лифте и вскоре стояли перед неприметной конторской дверью. Табличка на двери гласила: «Фирма "Чайка". Разработка программного обеспечения для защиты информации и автоматизации управления предприятиями». Роман нажал на звонок, послышался щелчок замка, и дверь открылась. За ней было помещение с пустующими рабочими столами. По углам мигали огоньками шкафы с электроникой, булькали какие-то охлаждающие трубки. В дальнем конце офиса сидел за столом, запрокинув опу-

танную проводами голову, единственный живой человек в поле зрения.

– Это Хагал, – указал Волхов, – сейчас он придет в себя, он уже знает, что мы здесь.

Между тем Иван рассматривал парящую посреди комнаты цветную голографию, похоже, демонстрационную какой-то программы, яркие информационные блоки, извилистые линии ссылок. Хозяин офиса заклокотал горлом, зашевелился и открыл глаза. Гости подошли ближе. С противным чваканьем прилипшие к Хагалу электроды отделились от кожи, провода сами расползлись по гнездам хранения. А компьютерный специалист провел пальцем по макушке, собрал с нее комок блестящего, ароматизированного ванилью геля и отправил его себе в рот, начал с аппетитом жевать. Потом протянул руку для пожатия Ивану. Тот брезгливо скривился и отшатнулся. Хозяин посмотрел на свои пальцы, улыбнулся, вытер руки о покрывавшую плечи белую салфетку и швырнул ее в корзину под столом. На себе Хагал носил канареечно-желтую кофту с непонятными рунами и застежкой на спине, чтобы можно было подключать электроды к спинному мозгу. Сам он, вопреки представлениям о компьютерщиках, был высокий, накачанный и без заметных имплантатов. Правда, его полностью лишенный волос, блестящий от проводящего импульсы геля череп и острые черты лица заставляли вспомнить детские сказки про вампиров.

– Привет, Хагал, – поздоровался Волхов, – это и есть наш

латинский гость, Иван Сергеевич Фомин.

– Буэнос ночас, амиго! Иван, вы ведь предпочтете сразу перейти к делу?

– Да, конечно.

– Отлично! Я сам человек деловой. Рома обрисовал мне ситуацию, надеюсь, максимально полно. Я могу посмотреть ваш коммуникатор, Иван?

– Вот он.

– Так-так... Это «Стриммер»? Непростой аппарат, есть кое-какая защита от проблем в Сети... с разгону его не взломаешь. Хотя мне уже известно, что даже полицейская система надзора за сбоями перестала работать, когда на вас напали, а у полиции протокол серьезный... ну ладно, Роман, с меня причитается, так что я поищу данные, но без внедрения в поле крупных игроков типа Куреновой. Я не самоубийца, жить хочу.

– Как вы будете искать след, если не внедритесь в корпоративные банки данных? – спросил Иван.

– Есть такое понятие «параданные», нестандартные и непрямые характеристики. У нас нет никаких результатов на ваших преследователей, никаких результатов по распознаванию лиц и аудиометрии. Но ведь эти бандиты все равно летают по городу, совершают звонки, получают денежные переводы, ходят в столовые. Они оставляют след в информационном пространстве. Сейчас все фиксируется и хранится в Олнете. Любой ответ уже есть в планетарной сети, нужно

лишь правильно искать. Для примера, допустим, ваши враги используют системы подавления, от которых вся ближайшая к ним электроника «падает». Если мы посмотрим на стандартные показания датчиков, мы не увидим ничего интересного. Датчики перестают работать и получать информацию в близости от врагов. Но если мы проследим не стандартные показатели датчиков, а сколько и где этих датчиков вышло из строя, увидим закономерность – и вот траектория движения противника видна по следу из сломавшейся электроники как на ладони. Ну, это самый упрощенный пример.

– Обычно ведь они не просто «ломают» камеры и датчики, они заставляют показывать устаревшие данные. Как вы это решите, Хагал?

– У меня есть собственные средства. Первое, за что я возьмусь в вашем деле, – это за поиск машины, на которой передвигаются бандиты. Есть видео, есть ваши наблюдения, два раза – два разных флаера. Оба старые, оба очень распространенной модели. Оба типа машин любят конторы проката, причем большинство из них даже не утруждает себя нанесением логотипа фирмы на флаер. Если их брали напрокат или угоняли, наверняка бортовой компьютер был взломан и показывал, что машина стоит на парковке, пока бандиты мотались по делам. Вот тут мы подключим информацию с камер наблюдения и регистраторов трафика, чего в Гиперборейске навалом. Программа отследит места, где мелькнула машина, которой там по логике быть не должно, где-ни-

будь на регистраторе мелькнула машина несоответствующей марки. Узнав это место и время, получим зацепку, кто брал флаер напрокат, где воровали.

– Это займет время, сколько?

– Зависит от удачи. Максимум несколько дней. У меня есть почти разработанный для такого задания робот, нужно было раньше кое-что выследить. Несколько настроек, и он в работе, проверит весь Гиперборейск. Второй компонент, от которого я отталкиваюсь в поиске грабителей музея, – нелегальный рынок антиквариата. Несколько лет назад правительство ввело обязательную таможенную процедуру для всех космопортов, анализ на возраст. Это скорее популизм, большая часть редкостей Аркаима – новодел, лет пятьдесят назад сделаны, но насколько я знаю, данный акт борьбы с вывозом антиквариата все еще в силе, в Сети гуляют массивы данных по результатам возрастного сканирования багажа и пассажиров. Сейчас вывезти настоящую древность с Аркаима действительно трудно. Если грабители музея решили вывезти трофеи с планеты – значит, им понадобятся документы. Вот я и буду искать аномалии в реестре вывозимых ценностей, изменения оценочной стоимости, срочные запросы... пока так, на остальное нет времени, у меня ведь и другие заказы есть. Что скажете?

– Вы производите впечатление знающего свое дело человека, Хагал. Я не буду вас поучать и доверяю вашему опыту.

– Наш латинский друг – сама дипломатия, Хаг. Я тебе

сбросил его контакты, подтверди.

– Есть, вижу. Хорошо, Иван, вы вежливы, как и положено журналисту. Как только найду интересную информацию, позвоню вам обоим. А теперь извините, до утра нужно закончить одну громоздкую программу.

– Он настоящий шакал, когда нужно выследить информацию в Олнете, за сто верст чует подвох, – сказал Роман, когда они с Иваном шли к выходу на улицу. – Вас подвезти до отеля?

– Если нетрудно. Не хочу идти по улице.

У Волхова был массивный джип с колпаками на колесах в виде деревянных щитов скандинавских воинов, зарешеченными фарами и клыкастым бампером. На улицах бушевала метель, но они быстро выехали на обогреваемую трассу, здесь клубился пар, блестели лужи, но на дороге не было никаких сугробов.

– Что ж, Роман, – обратился Фомин к сжимающему руль координатору, – я остаюсь работать над этой историей, но мне нужна будет информация, причем полная, без всяких секретов и недосказанностей. Первое, понадобится список запросов от Федора Литейщикова и Юрия Карпенко к вам.

– Это легко. Сейчас подключу компьютерную память... 24 апреля я получил аудиообращение от Литейщикова с просьбой помочь в размещении корреспондента Карпенко и подготовить ему дайджест про налет на Музей Христианства.

24-го я сразу ответил, что помогу, но вообще не стоит посылать журналиста, это ограбление вовсе не сенсация. 27-го я получил сообщение, что корреспондент Карпенко уже вылетел, 23-го числа...

– Достаточно. Просто отправьте мне журнал на коммуникатор, я позже посмотрю. Второе, мне нужна информация о других СМИ, которые освещали налет на музей и исчезновение Юрия. Может, кто-то выбросил заметку раньше других или начал манипулировать, короче, интересны ваши мысли и наблюдения, что я сам не увижу, когда буду искать через стандартные поисковики в Олнете. И мне нужны контакты ведомства, которое отвечает за Музей Истории Христианства, выделяет ему деньги.

– Сейчас отправлю письмом. Планетарный Фонд Культуры и Искусств.

– Что-то мне не понравилось, как они спонсируют ремонт музея. И вообще выглядит он запущенно.

– У Фонда Культуры никогда не хватает денег. Разве что на спонсирование эротики с участием инопланетных рас и животных.

– Я бы хотел с ними поговорить на тему ограбления.

– Нечистый дух! Пробка! – воскликнул Роман.

И правда, транспортный поток резко замедлился. Впереди мигали машины дорожной полиции. Видна была и причина затора. Какой-то то ли древнерусский каменный идол, то ли гаргуля отвалилась от карниза, рухнула на улицу и пе-

регородила дорогу, беспомощно раскинув когтистые лапы: «Извините, граждане, самому неудобно». Полиция посылала машины в объезд на боковые улочки, но здесь не было обогрева, машины медленно толкались среди снежных куч.

– Вот поэтому всем приезжим советуют монорельс! – проворчал Волхов. – Скоро личный транспорт вымрет, все будут общественным ездить, запомните. Знаете, на планете Земля когда-то считалось, что, если у тебя нет собственного клочка почвы, ты ничто, даже огород не можешь возделывать. Где эти стереотипы сейчас?

– Ну, Роман, в Эпоху Ранних Колоний многие выживали только благодаря огородам. Целые планеты превращали в огороды и сады. Прошное может повторяться. Так и личные машины, пока нищета, они не нужны, а потом их опять покупают... Ладно, о деле. Ваш друг, Хагал, поможет с информацией из Олнета, а начальник полиции, надеюсь, позвонит, если ему даст информацию контрразведка о возможных поставщиках аппаратуры подавления электроники.

– Ха! Вот на кого бы я не рассчитывал, так это на нашу контрразведку. Более продажной шайки не встречал вообще. За несколько тысяч закроют глаза на что угодно. Куренева сейчас вообще что хочет завезет и вывезет, даже термоядерное оружие. Вообще, не особо доверяйте здешней официальной информации. Недавно с большим скандалом попался глава комитета парламента по обороне. Пытался вывезти с планеты незнамо куда модули управления силовыми щитами

для звездолетов класса «фрегат». И вывез бы, но пожадничал и не стал предупреждать знакомых из контрразведки, на этом и погорел. Все продается, Иван, здесь и везде, все имеет эквивалент в кредитах. И вы здесь решили остаться из-за больших денег, а не из-за интригующей ситуации, и я тоже имею некоторый интерес, мне платит как «Климат-тэк», так и некоторые другие игроки за помощь в обеспечении безопасности для журналистов.

– Это ведь звучит хорошо, разве нет? У людей есть универсальная ценность – деньги, которые можно посчитать. Пусть люди и не живут в мире, но у них есть какое-то взаимопонимание. Деньги как-то проще понимаются, чем религия и боги, разве не так? Среди христиан постоянные споры и даже религиозные войны. А так часто упоминаемая вами корпорация Куреновой внедряет на этой планете культ денег и экономической выгоды, чем это плохо?

Из-за бороды не было хорошо видно лицо Волхова, но он явно насупился. Некоторое время молчал, пока впереди снегоуборочник толкал по улице гору снега, которая в итоге свалилась в пышущий паром раздвижной люк – где-то под городом котельные топили снег на воду. Обогнув квадратную уборочную машину, Роман осторожно поехал по снежной колее.

– Едины, – проговорил он, – люди могут быть едины по-разному. Рабы едины, поскольку у всех есть цепи. Рабы денег едины в своей алчности и одиночестве. Среди христи-

ан есть разногласия. Но мне кажется, истинный христианин почувствует единство с человеком, живущим по Заповедям. Этих Заповедей ведь немного, они простые. Кстати, Куренева ведь не просто зарабатывает деньги, ее корпорация ищет власти над умами, сейчас открывает сеть школ на Аркаиме, где с детства будут готовить к верной службе корпорации.

– А вы верное заметили насчет власти над умами. Я сам учился в колледже за счет корпорации «Климат-тэк», нам там здорово мозги полоскали насчет лояльности и благодарности.

– Потому что те, кто выгрызает себе место среди синдикатов, хорошо знают природу власти. Сначала ты получаешь власть над умами, а уже потом за вещь с твоим логотипом готовы платить в три раза больше, чем за такую же вещь без твоего лого.

– Насчет похищения. Итак, от вас я прошу информацию о СМИ и фрагмент журнала обращений, от Хагала – анализ информации из Сети, от шефа полиции – комментарии силовиков... Надеюсь, сегодня смогу заснуть. Устал, гравитация непривычная, еще и эти бандиты напугали. Если не удастся ничего выяснить, у меня уже есть план статьи. Это будет скучное созерцание: «Журналист прибыл в равнодушный к христианству город, где недавно ограбили церковный музей, пытался пробудить в людях веру, но в итоге сам исчез, растворился в серости Гиперборейска, как снег тает и впитывается в землю». Напишу такое для отчета и улечу с планеты.

– Можно и так поступить, – кивнул Волхов, – вряд ли эта статья вызовет большой резонанс. Хотя мне бы не хотелось ее появления. Обычно созерцательно-философские статьи не дают ответ на любимый русский вопрос «Что делать?». Я согласен, христианство здесь не в почете. Незадолго перед ограблением музея проводилась кампания по сбору средств на реставрацию здания бывшего собора. Оформили в игровой форме, для молодежи. Можно было выбрать фрагмент здания, пожертвовать на него сумму, его как бы в реальном времени ремонтировали, как в стратегической игре. На разработку программы для сбора дотаций в итоге потратили больше, чем собрали денег. Но я все равно люблю эту планету, я жил несколько лет на Ялусе и на Дремме, и рад был вернуться домой. А христианство идет Аркаиму на пользу. Кроме как из-за денег, я вам помогаю потому, что не хочу возвращения ситуации, когда Аркаим ассоциируется с погромами церковей и исчезновениями православных граждан. Да вы и сами знаете, каково это – корпорации и их культ денег, вашего брата отравили, посчитав его жизнь меньшей, чем потенциальная прибыль.

От этих слов Иван съежился и после сидел злой и пристыженный.

Следующую неделю Иван провел, разъезжая по городу и стараясь узнать что-нибудь новое касательно своего расследования. Несколько раз он побывал в Музее Христианства,

общался со зрителями, изучал записи с камер. На видео попадался и Юрий Карпенко. В основном он даже не осматривал музей, а целовал одну витрину и молился лежащим под стеклом мощам Александра Ангельского. Как ни странно, грабители их не взяли, хотя это и была очень ценная реликвия.

«Пястники», христианская секта, отличались тем, что доказательством святости человека считали исключительно нетленность его останков. Если после смерти тело праведника превращалось в сухие мощи – «Пястники» поклонялись ему и совершали далекие паломничества ради него, даже если святой человек был католик, а не православный. Эта особенность секты происходила еще со времен Александра Ангельского и чудес, приключившихся с его откушенной рукой. Сам Александр, кстати, при жизни осуждал поклонение мощам, найденным в пещере. Патриарх говорил, что он обычный человек и вряд ли Господь наделит части его тела божественной силой, да еще и пока сам Александр не покинул этот бренный мир. Как бы там ни было, Юрий явно проводил больше времени в поклонении мощам, чем в работе над статьей. Иван тоже стоял перед этой витриной, но необычного воздействия не ощутил.

Фомин зашел и в главный офис Планетарного Фонда Культуры, который выделял деньги для музея. Но когда он запросил информацию о средствах на ремонт после ограбления, симпатичная работница фонда с лицом злым, как у

морской щуки, грубо выставила его на улицу. Хотя журналистов и величали то ли третьей, то ли пятой властью, эта самая власть исчезала, если люди не боялись потом прочитать про себя пасквиль в газете. Иван не первый день работал журналистом, чтобы огорчаться по этому поводу. Он просто позвонил Хагалу из фирмы «Чайка», тот за полчаса взломал и переслал Ивану финансовые файлы с сервера Фонда Культуры. Журналист несколько часов пытался разобраться с бухгалтерскими записями, но не нашел ничего подозрительного. Денег на Музей Христианства изначально выделялось мало, минимальный ремонт после ограбления пытались сделать на сумму ежемесячного регулярного транша, чего едва хватило на уборку осколков витража. Никаких заоблачных сумм на ремонт, которые легко разворовать, никаких баснословных страховых выплат Иван в отчетности фонда не увидел.

Роман Волхов заверил журналиста, что шеф полиции знает про Хагала и как программист иногда ворует закрытую информацию. Но Розгин предпочитал не замечать некоторых вещей, иметь собственные инструменты вне закона. Да и закон работал избирательно. Розгин был человек подневольный, ему приходилось закрывать глаза по указке свыше на многие дела уважаемых. В частности, шеф полиции Гиперборейска иногда получал прямые указания от военной компании «Шеол консалтинг».

Данная независимая компания была официально нанята корпорацией Куреновой для охраны сотрудников и имуще-

ства на Аркаиме. Изначально штат «Шеол консалтинг» на этой планете был весьма скромен, несколько сотен сотрудников со стрелковым оружием. Вот только на «Шеол» легла обязанность координации с органами безопасности колонии. Фактически эта координация представляла из себя большую коррупционную схему. За какие-то пару лет «Шеол» скупала или скомпрометировала всю верхушку Министерства Охраны Правопорядка Аркаима, проникла в армию, и без этого не очень сильную и по-язычески раздробленную. «Шеол» поставила цель, чтобы официальный Аркаим не замечал такие огрехи корпорации Куреновой, как уход от налогов, контрабанда, промышленный шпионаж, клевета, агрессивное рейдерство, криминал отдельных сотрудников и прочие слабости большого синдиката. Вячеслав Розгин, как важный офицер полиции, тоже попал в водоворот из коррупционной грязи и был вынужден отворачиваться, когда поступала команда от людей в костюмах с логотипом меча, разрубающего солнце (эмблемы «Шеол консалтинг»). Поскольку военная компания получила доступ к полицейским данным, Розгин пользовался некоторыми незаконными, скрытыми инструментами, включая и хакера Хагала. Может, конечно, он просто любил деньги, заработанные на стороне и не облагаемые налогом.

За неделю пришел один ответ Литейщикова с Лагарты. Руководитель весьма коротко пожелал Ивану быть осторожным, сказал, что главное – установить личность загадоч-

ных преследователей и подтвердить непричастность Юрия к враждебным Галактическому Конгрессу силам, всю остальную рискованную работу может проделать местная полиция.

Несмотря на большую сумму у себя на счету, Фомин вел себя скромно. Например, понадобилось докупить некоторую одежду, Иван снял с себя мерку при помощи коммуникатора и отправил заказ в дешевое ателье, которое даже не могло позволить себе доставку готовых вещей дроном, пришлось самому приезжать и забирать.

Иван изучал поступающую информацию, не спал по ночам в гостинице. В его время работа детектива обычно заключалась в том, чтобы правильно задать стартовые параметры для поиска и анализа информации среди необъятных глубин Олнета. Учитывая, что практически любое действие оставляло след в Сети, нужно было просто сообщить компьютеру, на что обращать внимание. Фомин чувствовал себя персонажем из прошлого. Он пытался вручную найти улики, искал следы. Но вокруг была целая планета, пусть не самая развитая и населенная, всего-то полмиллиарда душ, но сотни корпораций, группировок со своими интересами, не считая тысяч обычных уличных грабителей. И кому-то Карпенко перешел дорогу. Меньше всего Фомин хотел, чтобы искомые преступники сами вышли на него.

Когда журналисту надоело каждый день мотаться в музей, он решил прогуляться по Троицкой улице, где в последний раз видели Юрия. Троицкая была грязной и пустынной. В

основном на ней стояли склады и офисы фирм, связанных с грузовыми перевозками (вокзал ведь рядом). Пройдя улицу два раза из конца в конец, Иван не нашел ничего интересного и решил пообедать. На глаза как раз попалась забегаловка с названием «БоЧага – исконно русская кухня». Внутри не было посетителей, только дремал в режиме ожидания робот-охранник. Иван расплатился в автоматической кассе, получил с конвейера свой заказ и занял столик у окна.

Он видел, как на улице, прямо на тротуаре, грыз добытую где-то колбасу тощий шакал. Эти зверьки вообще-то обитали в зарослях кустарника на равнинах, ели всякую мелочь и падали, непонятно как переносили несвойственный их предкам холод Аркаима. Но иногда забредали в город, даже нападали на бездомных. Иван вспомнил, как в Коразондель-Фуэго собаки сходили с ума от бомбежек, глохли, носились по улицам и лаяли, лаяли, не слыша себя, ползали, выли. Кто выжил, ходили потом совсем дикие и тощие, как этот шакал.

Горячий медовый напиток, который купил Фомин, был невкусный, явно без применения натурального меда, а вот холодец оказался недурен, почти как далеко дома. Иван съел половину порции, когда зазвонил коммуникатор, номер не определился.

– Алло.

– Мистер Фомин... я же вас просил улететь с этой планеты. А вы расхаживаете по округе, местную кухню пробуете.

– Опять! Вы за мной следите, – Иван как можно неза-

метнее запустил на коммуникаторе программу отслеживания входящего звонка.

– Не будем проговаривать очевидные вещи. Я вот могу сказать, что вы все еще на Аркаиме, но это и так ясно. В Писании сказано: «Прости их, Господи, ибо не ведают, что творят». Но вам ведь уже сказали, что вы творите зло.

– Зло – понятие относительное. Может, вы расскажете больше о моем проступке, почему я должен улететь? Пока что злом кажетесь вы, угрожаете, караулите в подворотнях, звоните.

– Организация, – после паузы сказал незнакомец, – на которую я работал, считала, что не каждый человек готов услышать некоторые тайны без проверки. В итоге наши пути с этим орденом разошлись, я сам не прошёл проверку. Но знаете, если я вам скажу слишком многое, это будет как «вопрос ребром» по-русски. Если вы поведете себя с новым знанием некорректно, мне придётся вас остановить как угодно. Пока что вы для меня просто обманутый Литейщиковым человек, а не еретик, я против вас ничего не имею.

– Я все равно не понимаю, о чем речь. Чем я вам мешаю? В чем меня обманули?

– Мне с детства говорили о заповедях, что хорошо, что плохо. Я рано понял эту разницу. И тем не менее причинял зло. Мне это даже нравилось. Так устроен грех, он притягивает. Лучше вам не прикасаться к тайне, не познавать искушения.

Программа завершила процедуру отслеживания и выдала точные координаты аппарата, с которого звонили. Они совпали с координатами Ивана. Программа подумала еще секунду и выдала, что звонящий еще и сидит на высоте первого этажа, то есть в забегаловке.

– Интересно получилось, правда? – хохотнула трубка. – Вы разговариваете сами с собой. Плохой признак.

– Хорошо, что вы шутите, – нервно ответил Иван, – я думал, вы только говорите о тайнах и грехах.

– Смех – благодать для человека, ему положено шутить и радоваться жизни. Жаль, его шутки бывают злыми. Посмотрите в окошко. Три... два... вот.

Рядом с шакалом рухнула большая сосулька, достаточная, чтобы проломить незащищенную голову. Зверь испуганно отскочил, но вернулся за колбасой, а потом сбежал окончательно.

– В Гиперборейске такие карнизы, вечно с них что-то падает, а коммунальщики еле работают... улетайте с планеты, Иван. Теперь это не дружеский совет. Это последнее предупреждение.

Незнакомец завершил звонок. С минуту Иван сидел, собираясь с мыслями. Потом запустил программу связи через передатчик Вайхмана.

Доминика, приблизительно за девять земных лет и девять месяцев до описываемых событий.

Теоретические лекции роты Калиста читал одноглазый капитан, более непригодный к активной службе. Он постоянно появлялся на лекциях в камуфлированной униформе, Рей ни разу не видел капитана в белом балахоне, который обычно носили иезуитские преподаватели. Лекция в тот раз состоялась через час после обеда, когда зной достиг пика, воздух в учебном зале будто бы встал, как вязкая приторная смола.

– Во славу Господа, приветствую вас, курсанты. Вольно! Садитесь. Начну сегодняшнюю лекцию с вопроса. Все знают про самое страшное поражение Земель Святого Престола, Софийский крестовый поход. Может, кто-нибудь скажет, почему безбожники тогда так легко разгромили наши хоругвеносные войска?

Поднялось несколько рук.

– ...Это электрические винтовки, которые куда опаснее огнестрельных, сэр?

– Отчасти верно, но неправда. Электромагнитное оружие действительно очень эффективно, но с оговорками. Оно нуждается в серьезном обслуживании, очень сложно технологически. К тому же тогда электромагнитная винтовка «Мультитатор» только поступила на вооружение. Солдаты врага часто совершали ошибки во время ее применения, не знали слабых сторон оружия. Было много брака, иногда винтовки взрывались в руках, сжигали своих же солдат дотла. Сейчас, конечно, Конгресс хорошо владеет электромагнит-

ным оружием, и то правильно подготовленный парашютист иезуитов с пороховым автоматом в условиях боя может убивать врагов с их электромагнитами. Но тогда, на пути к Софии, нас остановили даже с традиционными огнестрельными образцами. Так почему?

– Господь покинул нас, сэр?

– Господь не покинул нас тогда, это неправда. Он забрал многих истинно верующих воинов к себе, а нам дал важный урок. В чем же он, почему нас отбросили?

– Возможно, врагов было больше, сэр?

– Да, врагов было больше, это точно. Но мы вели освободительную войну за веру, мы были готовы к численному превосходству врага. И вначале мы теснили целые армии, иногда бронетанковая дивизия бежала от роты парашютистов, сотнями оставляя лучшие машины и склады оружия. А потом нас окружили и вырезали почти всех, почему?

– Они были быстрее нас, и они воевали за свой дом, сэр?

– Быстрее в чем?

– У них было много летающих машин. И они, наверное, быстрее переговаривались между собой, связь лучше наладили?

– Вот! Именно! Тогда, разгромив флот Конгресса Благодатной Армадой, ступив на поверхность нескольких оккупированных врагом планет и захватив врасплох его самые боеспособные группы, мы потеряли управление войсками, а враг оценил ущерб, перегруппировался и бил нас, как

слепых, благодаря работающей связи. У командования был план, цели, но связь не успевала за изменяющейся ситуацией на театре военных действий.

Я помню, как мы держали плацдарм, а всего в десяти километрах от нас вражеские инженеры почти без прикрытия сооружали станцию ПВО. Мы могли выйти на них и помешать работе, но приказ затерялся в хаосе, информационная сеть дала сбой. Иногда солдаты умирали от ран, не зная, что рядом госпиталь, артиллерия была туда, где уже нет врага или вообще стояли наши войска. Потеря скорости и управления войсками – вот две основные причины разгрома на пути к Софии. А затем уже были предатели, бомбардировка верфей на орбите Доминики... и чтобы прискорбная потеря скорости и управления войсками не повторилась, вот уже несколько лет проводится реорганизация Святого Воинства, пересмотр основных принципов очищения крестовым походом планет, предавших веру.

Как вы знаете из предыдущей лекции, последние крупные межпланетные конфликты с применением штурмовых армий шли в русле очагового принципа наступления. Войска атакующей стороны прибывали на планету с помощью больших кораблей, обычно более километра длиной. Эти корабли были с мощной броней, способной выдержать попадания зенитных снарядов в верхних слоях атмосферы. Первые войска захватывали некоторый участок поверхности планеты, как правило, слабо обороняемый и незаселенный. Из этого

«очага» уже развивалось дальнейшее наземное наступление единым фронтом.

Такого принципа придерживался безбожный Конгресс во время своей войны с Хилим-ла. Если посмотрите на экран, это изображение модульного десантного корабля «Имир», длина корпуса – двенадцать километров, на борту можно разместить шестнадцать максимально укомплектованных мотострелковых дивизий Конгресса. Полезный объем у него в три раза превышает наши основные современные транспорты типа «Готштальк», но «Имир» – это, по сути, несколько кораблей, состыкованных для меньшей уязвимости во время боев в космосе и в верхних слоях атмосферы.

Это один из самых лучших транспортных звездолетов на момент начала войны Галактического Конгресса с Хилим-ла. Он специально построен, чтобы проходить внешний контур орбитальной обороны, затем расстыковка на несколько полноценных кораблей размером поменьше. Они, как правило, летели разными путями, но высадку производили кучно, в одном «очаге», и армейский штаб был один на весь модульный корабль.

Использование нескольких больших наступательных группировок имеет свои плюсы. Первое – крупные транспорты экономят место. Космический корабль, или челнок, в нем всегда есть сложные системы вроде дополнительной брони, двигателя, силовых щитов, аэродинамических поверхностей. Все эти узлы лучше использовать один раз, на

одном большом транспорте, а чем больше малых кораблей, тем меньше полезного пространства для войск.

Второе, большие корабли со сложной броней гораздо менее уязвимы и сокращают потери в орбитальных боях и в верхних слоях атмосферы. Хилим-ла во время войны пытались массово применять суборбитальные десантные челноки, но планетарная оборона наносила им потери настолько существенные, что в конце войны инопланетяне не могли их восполнять, они даже просто не размножались достаточно быстро. В итоге Конфедерация Хилим-ла отказалась от массовых атак мелкими кораблями в пользу больших десантных звездолетов.

Третьим из очевидных плюсов крупных войсковых группировок является то, что с самого начала освобождения планеты есть тыловые районы, куда можно подвозить припасы и подкрепления при условии господства на орбите.

Но есть и несколько существенных минусов. Самый очевидный – потеря скорости наступления, низкие темпы расширения «очага» сразу после высадки. Как бы мы ни старались, сколько бы самолетов и вертолетов ни строили, когда враг окопался, его так просто не сдвинуть, с каждым днем мы продвигаемся дальше со все большими потерями. Собственно, это и произошло во время Софийского крестового похода. После первого успеха мы потеряли эффект внезапности, противник подтянул резервы, разрушил систему связи, и «очаги» превратились в простреливаемые артиллери-

ей «котлы». Было парализовано снабжение, штабы не могли управлять войсками, когда глушили связь.

Вот, на экране график потерь на планете Иртане, где воевала моя рота парашютистов. По дням расписан процент убитых и тяжелораненых от общей численности задействованных войск. Видите, первые большие потери в дни высадки, это неизбежно. Затем снижение, колебание, но теряли мы допустимое количество войск. А здесь враг начал координировать атаки, потери скакнули вверх и росли вплоть до разгрома группировки Святого Воинства на Иртане.

Капитан рассказывал и водил указкой по графику абсолютно спокойно, будто бы это не благодаря боям на Иртане уже много лет он смотрит на мир одним глазом, а сотни тысяч крестоносцев лежат в могилах без надгробий.

– Второй минус, родственник первому: хотя высадка на больших бронированных транспортных средствах в пределах «очага» и позволяет снизить потери во время прохождения верхних слоев атмосферы, такая высадка оборачивается дополнительными убитыми, когда неизбежно часть войск высаживается на поверхность в незапланированных местах из-за огня противника или ошибок в навигации.

То, что войска, наступающие с крупных плацдармов, ориентированы на генеральный план и чувствительны к отклонениям от него, проявилось во время Софийского крестового похода, когда высадившиеся в непредвиденных местах подразделения оставались без связи, без приказов, без снаб-

жения, вырезаемые перегруппировавшимся противником.

Третий минус стал актуален в последние годы, большие массы войск, сгруппированные на небольшой площади, — мишень для оружия массового поражения вроде термоядерных бомб. Ранее всегда считалось, что планета, пригодная для жизни человека, — слишком редкая вещь, чтобы воевать на ней с применением бомб, наносящих такой вред, как заражение радиацией или многолетние землетрясения. Но в последней войне с Хилим-ла стороны достигли той степени ожесточения, что применяли самые мощные бомбы против войск врага на собственных планетах. Возможно, в будущем Конгресс повторит ядерные удары.

Взвесив все минусы, особенно низкую скорость наступления после высадки, Святые Отцы Верховного Епископата решили перейти от стратегии крупных «очагов» — плацдармов к более рискованной в плане доставки войск на поверхность, их дальнейшего снабжения, но более стремительной стратегии интегративно-сетевой атаки.

В чем суть такой концепции освободительного похода? Наступающая сторона высаживается с орбиты на множестве небольших челноков. Размер десантного корабля первой волны не превышает ста метров в длину. Вы еще не раз встретитесь с новой моделью нашего суборбитального челнока, тип «Коламба», отличная маневренная машина, которую защищает рой миниатюрных роботов. Высадившиеся с таких небольших кораблей войска сразу захватывают клю-

чевые города и транспортные узлы. Атакующие соединения тоже малы численностью, уровня бригады или даже батальона, они наделены высокой самостоятельностью и средствами быстрой связи непосредственно с ближайшими союзными подразделениями. Разрушение инфраструктуры, административной системы и промышленного комплекса врага атакующая сторона пытается допустить лишь минимально необходимое, наоборот, цель – как можно скорее перехватить управление планетой на себя.

Интегративно-сетевая концепция планетарного штурма была принята во многом потому, что при высадке на ограниченном плацдарме преимущество в связи, управлении войсками и скорости принятия решения всегда будет у обороняющейся стороны. Каждая планета Конгресса опутана компьютерной сетью. Ее используют для развлечения, обмана людей, распространения греха. Но в военное время эта информационная сеть становится эффективным средством обороны, и так просто эту сеть не разорвать.

В генеральном штабе Святого Престола учли опыт использования быстрых и легких войск вроде «Ордена Воды» – это отряды, сформированные Галактическим Конгрессом из осужденных преступников для вылазок в глубокий тыл Хиллим-ла, налетов и диверсий. Плохо обученные, на устаревших кораблях, боевики «Ордена Воды» тем не менее часто наносили ощутимый урон просто благодаря своей скорости. Бывало, им даже удавалось вернуться из рейда на базу. Это

вовсе не означает, что их тактику нужно полностью копировать. «Орден Воды» – преступная организация, участвовавшая в истреблении мирного населения. Взгляните на экран. Это изображение с долгой историей. Его снял один из боевиков «Ордена Воды». Спустя примерно земной месяц его убили в бою. Хилим-ла нашли изображение в его вычислителе. Затем передали иезуитам вместе с другой архивной информацией в рамках сотрудничества.

На фотографии Рей увидел синее небо, темное, слегка озаряемое красным солнцем. Где-то вдалеке валил черный дым, явно пожар. Еще на заднем плане была то ли постройка, то ли растение, какой-то блестящий мясистый каркас округлой формы. Землю полностью устилал ковер из цветастых обломков и окровавленных тряпок. Среди этого мусора стояли вооруженные люди, все в лохмотьях, в руках автоматы и ножи, у кого-то сбруя с карманами для гранат и запасных магазинов. У некоторых лица скрыты тканевыми масками, но у некоторых лицо открыто, они смотрят в камеру. Хорошо виден один улыбающийся боевик, взваливший на плечо несколько острых металлических шестов. Он бы выглядел даже безобидно, если бы не автомат на груди и торчащие из-под штопанной коричневой накидки рукава неуместного ярко-голубого цвета.

А еще несколько шестов уже было загнано в землю, их венчали бело-синие бесформенные куски, Рей не сразу понял, что это когда-то были живые существа, слегка похожие

на маленьких людей, где-то на шест насадили целое тело со вспоротым животом, где-то только отрезанную голову. Блестящий металл пятнала загустевшая кровь.

– Как вы можете видеть, «Орден Воды» оскверняет тела, пусть это и тела нелюдей. Кого-то насадили на шест заживо. Может, не на этой фотографии, но случаи жестоких казней были нередки.

– Прямо как мы! – не удержался Рей. – Мы ведь тоже очищаем врага болью!

– Кто это сказал? – прошелестел странный тихий голос с задней парты. Спорить с обладателем такого голоса не хотелось, он казался слишком неживой, отстраненный от этого жаркого зала.

– Так кто только что это сказал? – повторил голос. – Встань и представься.

Рей хотел спрятаться, но соседние парты предательски уставились на него, пусть и молча, но выдали.

– Сэр, курсант Реймонд Калист, сэр! – встал и развернулся Рей.

Сзади у стены сидела фигура, закутанная в белый балахон со знаками старшего лейтенанта на рукавах. Капюшон он надриннул на голову, лица не рассмотреть, только поблескивали круглые стекла больших защитных очков. Рей и раньше видел этого незнакомца поблизости, иногда человек в капюшоне что-то записывал в толстую тетрадь с подозрительными бурыми пятнами на обложке, а руки у него были в хирур-

гических перчатках.

– Советую сейчас всем курсантам, задумайтесь, – донеслось из капюшона, – курсант Калист ошибся, но поднял интересный вопрос. Действительно, путь войны за веру иногда требует устрашить врага, показать ему, чем заканчиваются выступления против Бога истинного. Но не думайте, что, выступая карающим мечом Церкви, вы автоматически сохраните свое тело от трибунала и душу свою сохраните от бесконечных мук в посмертии. Мы все идем по лезвию ножа между слабостью, которую безбожники и используют против христианства, и осквернением похода за веру лишней кровью и страданиями невинных. «Орден Воды» не является достойным примером воинской доблести. Да, они сражались, гибли. Это ставит их выше тех карателей из Галактического Конгресса, которые, например, охраняли тюремные лагеря для первых верующих из Земель Святого Престола. Но в «Орден Воды» набирали людей, греховных даже по меркам безбожного Конгресса. Логика искупления требовала, чтобы они воевали доблестно, смывали с себя прошлые преступления собственной кровью. Как вы видите на фотографии, солдаты в синем продолжали убивать с удовольствием, просто теперь им дали на это волю. Уважаемый лектор привел в пример данную организацию богомерзкого Конгресса еще и потому, чтобы вы поняли: можно учиться у врага его сильным сторонам, в данном случае скорости. Но стоит вам забыть о Библии и ее заповедях, и ваша душа сгорит в одной

адской топке с душами еретиков, стреляющих по вам и ненавидящих христианство.

– Да, все так, профессорий, – сказал капитан.

– Продолжайте лекцию.

– Следующее изображение – страница из книги историка Игнатия Сабле, иллюстрации кораблей, участвовавших в одном из успешных рейдов «Ордена Воды». Обратите внимание, эта списанная прогулочная яхта с кустарным бронированием, успешно высадила боевиков, забрала их после налета, вернулась на базу. Это – катер для связи между звездолетами на рейде, к нему приделан скоростной двигатель и две турели, успешно вернулся на базу. Исследовательское судно середины прошлого века переделано в транспорт, вернулось на базу. Почти не защищенные и безоружные корабли провели успешную операцию благодаря скорости и грамотной координации нескольких старших офицеров, даже несмотря на хорошую ПВО и самонаводящиеся снаряды хилим-ла.

Оставим «Орден Воды» и вернемся к новой стратегии освободительного похода за веру. С одной стороны, интегративно-сетевая война – это очень хорошо для воздушно-десантных войск. Ранее мы выполняли сложнее операции в тылу врага. Большая часть солдат не возвращалась после операции, многие попадали в плен. Теперь, без единой линии фронта, мы можем рассчитывать на большую выживаемость – у врага ведь тоже не будет тыла. Простыми словами, с нами будут больше считаться в штабе и считать нас бу-

дут тщательнее, такой каламбур. Но с другой стороны, ранее задачи парашютистов заключались в разведке, наведении на цель авиации, диверсиях, захвате и удержании важных для снабжения противника объектов. Теперь, кроме этих задач, добавятся и прямо противоположные. Некоторые десантные подразделения сразу после успешной высадки получают в ответственность территорию на планете, где будут зачищать остатки войск противника, помогать милиции и инквизиторам в поддержании порядка, вместе с линейными частями отражать тяжелые контратаки врага. Такой переход к низко-мобильным действиям – новинка для иезуитских десантников, и вы будете отрабатывать его первыми, скорее всего, в реальном бою.

– А с кем мы будем воевать? – спросили с одной из передних парт.

Капитан осекся, даже сдвинул на лоб повязку, словно хотел рассмотреть задавшего такой глупый вопрос с помощью черноты своей пустой глазницы.

– Я думал, это... это очевидно. Наверное, надо еще раз озвучить. По данным разведки, саранча ирратианцев недавно пожрала один из крупных роев, убила одну из своих королев. Обычно каннибализм таких масштабов означает, что ирратианцы не готовы воевать, решают проблему нехватки ресурсов, поедая своих сородичей. Так что война с саранчой пока не грозит. Нелюдски уродливые Клами тоже заняты своими внутренними делами, да их и не интересуют при-

годные для человека планеты. С Конфедерацией Хилим-ла у нас хорошие отношения, даже с сектами, не признающими религию их столицы. Про космических пиратов и говорить не приходится, их угроза несущественна. Нет, мы будем воевать с безбожным и порочным Галактическим Конгрессом. Мы усвоили уроки прошлого. Пришло время показать, что мы искупили грехи, и дать истинную веру миллиардам людей, ослепленным мамоной... на сегодня лекция закончена. Необходимая литература на экране, советую посетить библиотеку. Храни вас Господь (...) всем встать! Смирно! Вольно! Разойдись!

После лекции, когда немного спала жара, роту погнали на площадку для физподготовки. После чего выдалось полчаса свободного времени. Рей посидел возле входа в казарму, наслаждаясь подувшим ветерком, слегка разогнавшим густой воздух, а также зрелищем двух курсантов из третьего взвода, подметающих плац. Вообще такие работы у иезуитов выполняли послушники, штатские, а будущие солдаты занимались практически только военной подготовкой. Но в качестве наказания за проступки иногда приходилось и подметать, и чистить сортиры, и помогать поварам в пищеблоке. Рей за несколько недель побывал на самых разных хозяйственных ролях.

Калист сидел на плацу, а вокруг рокотала военная база. Весь построенный за несколько лет посреди голой степи ком-

плекс называли собственным именем, Варахаилум, и доставляли его явно к войне. Все указывало на серьезность происходящего. Например, большое количество молодежи, девушек, набранных в училище Военизированной Администрации. Обычно таких специалистов использовали в качестве временного управления в районах, охваченных массовыми беспорядками и бунтами. Бунты хоть и случались на Землях Святого Престола, как раз недавно в одном из магистратов прошли междоусобные стычки между рыцарями-госпитальерами с перестрелками и жертвами, но в условиях относительного мира явно не требовалось такого количества, как готовили в училище на базе.

Иезуиты тоже собирались на войну. Хотя воздушно-десантные войска ордена и считались элитными и образцовыми для всех остальных подобных подразделений в армии крестоносцев, основная деятельность иезуитов заключалась в сборе информации, обучении населения грамоте и выгодной властям трактовке Закона Божьего. Основные затраты орден допускал для поддержания сети своих коллегиумов и университетов, щедро спонсировал и некоторые научные разработки, а также занимался через сложные схемы католическим миссионерством на территории Галактического Конгресса. Конечно, у них были и шпионы, и диверсанты, и убийцы, и спецназ вроде отряда «Опус Деи», выделенного для охраны инквизиторов в опасных условиях. Орден вообще особенно активно сотрудничал с инквизицией, нельзя

было сделать карьеру в ее органах без хотя бы стажировки в иезуитском университете. Но в ордене было гораздо меньше солдат, чем у тевтонцев или тамплиеров. А ныне даже на недостроенной военной базе Варахаилум успели сформировать две новые воздушно-десантные дивизии и формировали третью, в которую включили роту Калиста. По слухам, количество персонала, преподавателей и инструкторов на базе уже превысило постоянный штат Академии имени Святого Игнасия в Регнуме, столице всех Земель Святого Престола.

Структура рангов ордена не пересекалась с воинскими званиями. Например, одноглазый капитан вынужден был докладывать загадочной фигуре в очках и капюшоне, которая носила знаки старшего лейтенанта, но также состояла в орденском ранге профессория, а это вершина иерархии иезуитов. Рей подозревал, что этот человек со скрытым лицом имеет отношение к командованию их роты, слишком часто он крутился вокруг.

Калист за первые месяцы на базе вообще слегка избавился от иллюзий насчет собственной важности. Хотя он получал удовольствие от иезуитов, носил их знак и именовался «солдат войск ордена св. Игнасия», но не получил даже орденского ранга послушника, был вне иерархии иезуитов, с весьма туманной перспективой когда-либо попасть в орден и получить его власть. Муштра была утомительной, жара – невыносимой, а его еще и заставляли таскать на марше тяжелый короб с пулеметной лентой и макет ручного пулеме-

та, это вместо стандартного автомата с шестью магазинами. Но бежать было некуда. Базу Варахаилум соорудили в малонаселенной, выпаленной солнцем степи. Кроме скважин и цистерн под базой, в округе почти не было источников воды. Инквизиция непрерывно патрулировала степи на вертолетах, следила со спутников и беспилотников, в ближайших поселках милиционеры знали всех жителей, арестовывали любого незнакомца. На ведущих к базе автодорогах стояли блокпосты, проверяющих солдат регулярно меняли, транспорты тщательно просвечивали всевозможными детекторами. Бегство по железной дороге казалось наиболее реальным просто в силу огромной массы задействованных в снабжении вагонов, но все равно поезда тормозили в полях, обыскивали, и чаще всего они не ехали напрямую в населенные земли, а направлялись к разнообразным техническим объектам вокруг базы, вроде складов строительной техники или орудий орбитальной обороны. Не стоит говорить, что и там вагоны обыскивали, основательно перерывали. И конечно, сама база была забита устройствами охраны и отрядами инквизиции. Все равно пытались дезертировать, подкупали стражей, зарывались в мясные отходы, симулировали смерть при помощи препаратов. Как правило, инквизиция находила потом в степи изможденных беглецов, облепленных светляками, часто мертвых от жажды и змеиных укусов. Потом кадры с такими мертвецами демонстрировали через большой проектор на плацу во время построения.

Рей понимал, что не сможет обмануть такую жестокую и сложную систему, как база Варахаилум, и продолжал тренироваться. Жаль, из-за проблем с дисциплиной его всего лишь однажды пустили в Зону Отдыха. Это место можно было назвать культовым. Огороженная защитным периметром площадь со сквериком посередине, туда за хорошее поведение пускали солдат из ближайших частей огромной военной базы. Здесь можно было встретить курсантов из формируемой иезуитами воздушно-десантной дивизии, двух стоящих поблизости пехотных полков, девушек из училища Военизированной Администрации. Также в Зоне Отдыха были гостиницы для штатских специалистов, участвовавших в обустройстве базы. Были тут и простые рабочие, если их не пригнали на стройку напрямиком из тюрьмы. Иногда люди приезжали из таких далей, что и говорили на незнакомых языках. Вокруг площади стояли церкви всевозможных ветвей католицизма вперемешку с ресторанами и киосками, продающими мороженое и лимонад. Алкоголем официально не торговали. Была здесь и будка тамплиеров для денежных переводов, и почта, где можно было надиктовать письмо цензур-писарю в надежде, что его отправят тебе домой без вырезов и редактирования. В зоне отдыха что-то круглосуточно происходило. Отсюда уходили автобусы, увозящие свободных людей, священников, гидрологов и прочих инженеров на вокзал, а оттуда – к большим городам и прохладе.

Солдаты обменивались слухами и секретами Зоны Отды-

ха. Например, в третьем ларьке слева торгуют из-под полы бифштексами, несмотря на официальный пост, в деревянной часовне разливают втихаря причастное вино, а священник во францисканском костеле то ли добрый, то ли равнодушный и не обращает внимания на спящих во время проповеди солдат. Здесь оставались деньги, выдаваемые курсантам из казны ордена на карманные расходы, здесь же сколачивались начальные капиталы. И в этот очаг жизни Рей получил пропуск на один час, а больше его уже не пускали, поскольку он то затеет драку, то украдет еду из столовой и пронесет в казарму.

Реймонд не смог долго прохлаждаться на плацу. Прозвучал сигнал к вечернему построению, Калист занял свое место в аккуратном квадрате стоящего «смирно» взвода. После короткой дежурной солдатам включили кинопроектор, дающий изображение на белую стену одного из корпусов, показали сюжет об очередном трибунале. В этот раз согрешили курсантка административного училища и один механик-водитель. Через месяц их общения в Зоне Отдыха медицинский осмотр показал, что девушка беременна. Учитывая, что беременность делала службу невозможной, к тому же девушка была замужем, ее приговорили к лишению воинского звания и всех льгот, пяти годам исправительных работ с отсрочкой до восстановления после родов. В дальнейшем была вероятность, что ребенка заберут в приют без права на свидание с родителями. Участвовавший в греховном деле мехвод

отделался исключением из армии и тремя годами исправительных работ, поскольку жены у него не было и он ей не изменил.

Ходили легенды, что одна хитрая девушка в схожей ситуации подала заявление в местный комитет по охране Веры. Она утверждала, что в ней произошло чудо непорочно-го зачатия. В принципе, случались всякие аномалии. Девяносто девять процентов рассеянного среди звезд человечества на геномном уровне являлись результатом программ ускоренной колонизации и стимуляции размножения. Были примеры, когда женщины беременели без участия посторонних. Но даже дремучие люди из глубинки Земель Святого Престола неохотно верили в чудеса, особенно когда «непорочная дева» известна на весь гарнизон своим распутством. Солдаты рассказывали друг другу, что в комитете попался добродушный чиновник, который сначала затянул расследование «чуда», а затем потерял дело. Девушка смогла, прикрываясь статусом «озаренной Господом», уволиться из армии, сохранить свободу, родила, потом к ней присоединился отец ребенка, и жили они хоть и во грехе, без венчания, но счастливо.

Реймонд не верил в эту сказку про добрых комитетчиков. В реальности такой обман быстро вскрывался, дело передавалось в суд инквизиции, за особо циничное богохульство все причастные приговаривались к высшей мере – сожжению на костре, для беременной давали отсрочку до родов, чтобы

не губить дитя.

После построения роту отпустили в казарму. Курсанты расстилали койки, готовились ко сну. И только рыжий, Питер Фогерти, наоборот, поправлял форму, да еще и достал откуда-то дорогой одеколон.

– Что, Рыжий, опять тебя в Зону отпустили? – спросил курсант с соседней койки.

– Да, у меня пропуск до полуночи, потом нужно будет отметиться у дежурного. А что, тебе сигарет купить?

– Точно! Вот монеты, купи парочку пачек подешевле.

– Да, Питер, и мне одну! – оживился другой курсант.

Посыпались заказы.

– Друзья, как же я столько пронесу через контроль? – смутился Рыжий.

– Ты же умный, так придумай.

Питер Фогерти готовился стать армейским хакером, специальность новая для крестоносцев и весьма почетная. На одну роту десантников готовили всего четырех специалистов по взлому компьютеров, и это еще большое количество, некоторые пехотные полки не имели даже и одного хакера. Питеру офицеры давали плохо скрываемые поблажки. Его весьма вяло наказывали за слабую физическую подготовку, часто отпускали в Зону Отдыха. Иногда его на целые дни забирали из роты на какие-то заумные курсы.

С товарищами по казарме Питер ладил неплохо, хотя друзей у него не было. В отношении окружающих к Рыжему чув-

ствовалось что-то особенное. Может, влияние богатых родителей, может, у него были какие-то родственники в ордене или военном командовании. Кроме редкой компьютерной специальности, он был добровольцем, в то время как абсолютное большинство попали в роту насильно, а кто сам записался – то по нужде, чтобы не пропасть от голода. И конечно, Питер был из столицы, самого большого и богатого города Земель Святого Престола, а остальные приехали из глубинки. Все эти факторы как будто незримо отгораживали Рыжего от однополчан, делали его чужаком. Но Питер также выделялся редкостным добродушием и отзывчивостью. Даже с самыми нищими курсантами он общался без зазнайства, на равных. Всегда был готов протащить из Зоны Отдыха пачку-другую сигарет или еще какую мелочь. И вся рота считала Питера чудачком «не от мира сего», но парнем неплохим и полезным. Ему только не повезло оказаться в одном взводе с Реймондом Калистом. Рей сразу невзлюбил Рыжего, еще в день прибытия, когда их вместе забрали с вокзала. А когда Калист увидел во время кратковременного визита в Зону Отдыха Питера, сидящего за столиком в кафе вместе с памятной по первому дню Жанной из училища администрации, тут Рею «сорвало крышку». На самом деле он тогда весь остаток выделенного для отдыха времени просидел в соседнем кафе, глаза на весело общающуюся парочку и давясь молочным коктейлем вместе с чувством зависти и непонятной обиды. После этого дня не проходило, чтобы Реймонд

как-нибудь не придрался к Питеру. Вот и сейчас.

– Рыжий, ты куда собрался?! А ну убери этот бардак у себя на тумбочке! – Рей ткнул пальцем в разложенные у койки Питера хлебцы. Был очередной пост, пусть и не самый строгий, но курсантов под его предлогом кормили в основном такими хлебцами и мерзким рыбным отваром.

– Я уберу, – ответил Питер, – только давай позже. В тумбочке плесенью пахнет, потом хлебцы будут еще хуже на вкус.

– Ну, извините, – издевательски развел руками Рей, – что ваше святейшество вынуждено жить в нашем свинарнике, а не во дворце, как вы привыкли. Сейчас убрал, Рыжий! Я тебе не нанимался в прислугу!

– Хорошо, я уберу, – Питер быстро смел хлебцы в ящик, – наверное, их придется потом отдать птицам.

– Да мне плевать! У мамы своей мусорить будешь, а не здесь.

– Слышай, Рей, чьего прьестал к пацьяну? – подал голос чернокожий Дитер. Его родители прилетели в поисках лучшей доли с другой планеты, правда, это был не Конгресс, одна из доминиканских колоний. Как раз с ним Рей ранее жестко подрался, когда сравнил цвет его кожи с конским навозом.

– А потому, – зло напирал Калист, – что развел тут бардак. А если сержант заглянет, поднимет роту, ты от наряда вне очереди в темноте спрячешься, как есть негр, а остальным

что делать?!

– Из-за тьебя, Рей, тьеже приходьилось отжыматься, когдя ты патрони уронил, за съобой смотри!

– Тьфу! Я ради вас всех стараюсь, Рыжий же всех подставит!

– Я убрал, все нормально, – сказал Питер. А потом добавил с глуповатой улыбкой: – Мне это нетрудно, Рей. Если нужно, я могу сделать шаг в сторону. А тебе везде плохо, где бы ты ни был.

Рей не совсем понял, что ему сказали, но интонация казалась оскорбительной.

– Ты что сказал, придурок?! Ты чего пасть раскрыл?!

Рея оттащили другие курсанты, он уже лез бить Питеру лицо. Но Калист выкрутился, сбегал к своей тумбочке, выудил из нее зачем-то украденную из столовой бутылку с соусом. Соус был из уксуса и выжимки местных бобов, его добавляли в кашу, чтобы она не так походила на вареный картон. Рей метнулся обратно и плеснул соусом в стоящего Питера. Капли попали на униформу, по казарме разнесся едкий и кислый дух.

Позже, когда Рей анализировал свои промахи, он сделал вывод, что это как раз была роковая ошибка. Он мог бы вместе со всеми требовать от Питера больше сигарет, унижать его, и окружающие это одобрили бы. Не всем нравилось хамство Калиста, но курсанты предпочитали молчать, зачем заступаться за других и плодить проблемы для себя? Но Рей

пристал с этими дурацкими хлебцами, когда большинство уже мысленно считали гостинцы из Зоны Отдыха. Рей разозлил слишком многих.

– Чу! Ты дырак, Рей! – крикнул Дитер. – Меня облил!

– Рей, меня даже с пятнами соуса сегодня рады будут видеть, – тихо сказал Питер.

– Что за хрень происходит?! – рыкнуло за спиной озверевшего, как бульдог, Калиста. Тот отвел полный ненависти взгляд от Рыжего и столкнулся лицом к лицу с Кутием.

Кутий был самый старший из мобилизованных в роту, около тридцати лет поземному. Ростом под два метра, с крадущимися движениями, плоским желтым лицом и желтыми равнодушными глазами, как у копченой рыбы. Кутий попал в армию сразу после срока в тюрьме Ноксгота и пользовался у всех авторитетом.

– Это Калист Рыжего задолбывает, придрался на ровном месте, – солдаты отпустили слегка остывшего Реймонда.

– Что тебе от него надо, малой? – спросил Кутий. – Может, человек в церковь хочет успеть к вечерней службе, а ты ему поперек горла встал.

– Ха! Он к девке идет. Хочет предаться внебрачному блуду с потаскухой!

Кутий сделал полшага вперед, его мертвенные глаза нехорошо сверкнули.

– Так, малой. Я не знаю, почему Рыжий тебя терпит и позволяет лить грязь на себя и свою подругу. Если он делает с

ней что-то не так и без венчания – его Бог осудит, а не ты!

– Точно! Сторона альковная – дело для суда Всевышнего! – зашумели курсанты, каждый из которых мечтал близко пообщаться с девушкой без далеко идущих последствий вроде женитьбы.

– Тебе какое дело, Рей?!

– Да, тебе завидно?

– Может, он не Рыжему завидует, а его подруге? Как ты насчет содомского греха, Калист?!

– Содомитов не надо поминать на ночь глядя, – оборвал смешки Кутий, – в общем, малой. На месте Рыжего я бы давно отправил тебя собирать зубы. Ну, раз он терпит, есть причины, мне все равно. Но если ты не прекратишь свару и я сегодня останусь без курева – я сам с тобой разберусь. Ты понял? Повтори своими словами!

– И как ты разберешься?! – возразил Калист. – Сам сказал, чтобы я прекратил драку-у-у-ю-ю!!

Рей даже не увидел удара. Просто почти без замаха ему в живот впился кулачище, а вторая рука Кутия метнулась к вороту, удержала на ногах, притянула к себе.

– А драки не будет, – проговорил Кутий в лицо хныкающему от боли Рею, – просто у курсанта Калиста резко село пузо. Наверное, пост нарушил, грешная душа. Я в камере многое видел. И почки внезапно отказывали, и удушье случалось. Так ты понял, малой?

– Да... да. Я все понял.

– Вот умник! А чтобы закрепить, до утра ты отстираешь от уксуса форму Дитера и Рыжего, когда он вернется. Как хочешь, но чтобы в семь ровно она была постирана, высушена и выглажена, как у непорочных монашек. Я проверю. А теперь отвали!

Курсанты разошлись, Питер направился в Зону Отдыха, одарив Рея своей отрешенной, всепрощающей ухмылкой, в которой Калисту виделась гордыня и презрение. Рей поклялся, что, если представится хоть малейшая возможность, он прострелит Рыжему оба колена из пулемета и тогда посмотрит на выражение его лица.

– Твари порочные! Души грешные! Дети бесовы! – ворчал Калист, забираясь в свою койку. – Все рабы похоти! Рыжий еще байстрюка сделает, а на вас его грех ляжет. Все в Писании сказано про таких, как вы! Онана Господь покарал и за меньшее. Мечтайте о шалавах, а я буду молитвы читать, мне моя душа еще нужна.

Рей открыл Библию, но через пару минут увидел, что слова со страниц не оседают в голове, а всем в казарме плевать, чем он занят. Тогда Калист захлопнул книгу и зарылся в подушку, не дожидаясь, пока потушат свет. Через несколько часов ему предстояло вставать, договариваться с дежурным, красться в темноте к прачечной на первом этаже и запускать ультразвуковой стиральный агрегат, чтобы очистить тряпье Питера и Дитера, чтоб у него треснула напополам глупая черная рожа!

Глава 6. Мотыльки и пламя

– Не потрудитесь объяснить, Иван Сергеевич, зачем вы начали звонить в межзвездный передатчик? – даже дешевенький микрофон передавал раздражение в голосе шефа полиции.

– Вячеслав, а это сейчас важно? Я испугался. Решил рассказать Литейщикову. От вас же мало помощи.

– А чем бы вам помог Федор с расстояния в миллион световых лет, если мы даже рядом с вами... не справляемся? А из-за ваших двух сообщений «Меня преследуют» и «Я хочу улететь...», отправленных подряд, отключился свет во всем западном Гиперборейске и вдоль седьмой автострады. Улицы, больницы, задержка поездов. Хорошо, что через пару минут системы перезагрузились, обошлось всего мелкими авариями, а то могли бы и попасть под уголовную статью. И это не считая возможных последствий от включения устройства приема на Лагарте. Если бы Литейщиков начал вам отвечать, ваше общение обвалило бы энергетику двух планет.

– Офицер, я, конечно, виноват, но я же потерпевший. Зачем-то мне вкололи этот чип в руку, а им, оказывается, и пользоваться нельзя. Мне угрожают падающими сосульками сумасшедшие с непонятными мотивами. Обычно в таких случаях выделяют штатных психологов, а не угрожают уголовной статьей.

– Насколько я знаю, вы были в командировке, видели полицейскую операцию против мятежников. Там наверняка были психологи полиции или Министерства по борьбе с катастрофами. Они сильно пригодились?

– Нет. Помню, они в основном оказывали квалифицированную помощь своему коллеге, психологу, чья машина подорвалась на mine, он один выжил, остальных пассажиров превратило в куски мяса. Потом я психологов не видел, уже после командировки пошел к одному в надежде, что так Каталина меня не бросит, но она все равно ушла. Зато психолог мне рассказала про ингалятор, благодаря которому я еще в состоянии с вами беседовать... вы мне пытаетесь своими вопросами доказать, что от психологов нет толку? А от вас есть?

– Вы же человек, видевший войну. Я, кстати, не обладаю таким опытом, хотя видел многое, и теракты, и культистов, приносящих людей в жертву. Насколько могу судить, психолог вам сейчас не поможет. И если бы отключились от перегрузки компьютерные сети Аркаима, это вряд ли помогло, верно?

– У вас есть какие-то результаты? – вздохнул Иван. – Может, нашли, где он сидел, как сбросил эти сосульки?

– Был взлом патрульного дрона с полицейской видеокamerой, его подвели к карнизу и сбили кусок льда. Затем дрон разбился в ближайшем дворе. Исследуем обломки и полицейскую сеть, как взломщик проник в нее.

– Я слышал, залезть в защищенную компьютерную сеть типа полицейской гораздо легче, если в ней есть предатель, вольный или невольный.

– Мы рассматриваем такую возможность. Если найдем предателя, его посадят на кол посреди двора полицейского управления.

– Вы шутите?

– Хотелось бы мне не шутить, но... Результаты поиска среди эмигрантов с Доминики пока отрицательные, никого похожего на нашего клиента. Служба Контрразведки все еще изучает способы, которыми взломали камеры и коммуникации. И мои источники в службе намекают, что в ближайшие дни дело могут забрать у полиции и передать контрразведчикам.

– То есть я больше не буду с вами работать?

– Не будете. Возможно, «опричники» обеспечат вам безопасность лучше, чем мои ребята, но я бы не сильно радовался. Дело оказалось серьезное. С такой легкостью взламывать системы могут наборы цифровых мастер-ключей. Мастер-ключами располагает не всякая планетарная спецслужба, это уровень Специальной Службы Безопасности Человечества.

– И что теперь будет?

– Я не знаю. Но вас могут ограничить в свободе передвижения, заморозить банковские счета, да все что угодно, если метрополия обратит внимание на это дело. Кстати, о день-

гах. Неожиданно появилась новая зацепка. Система отследила кредиты с банковской карты Юрия Карпенко. Их сняли со счета уже после его исчезновения.

– Так он расплачивался своими деньгами? – Иван сделал затыжку успокаивающим ингалятором.

– Может, и не сам Юрий. Деньги прошли через несколько магазинов. Покупки непростые. Основа для кулинарного геля, в таких количествах из нее можно лепить тренировочные мишени для порохового оружия. Аккумуляторы. Листовой полимер, из которого можно делать бронежилеты. Универсальные резак.

– Это что, закупки для террористов? На большую сумму?

– Около шестидесяти тысяч.

– Сумма серьезная, и тем не менее ради нее «светить» банковскую карту похищенного человека... У людей со средствами уровня ССБЧ нет способов быстро достать шестьдесят тысяч? Это звучит как безумная игра.

– Согласен, Иван, возможно, преступники специально оставили этот след. Я не знаю смысла их поступков, не понимаю их логики... И причастные следователи тоже не понимают. Но их ресурсы, их способность избегать нашего поля зрения впечатляют. Это очень хорошо подготовленные и оснащенные люди, на одном безумии так не получается. Знали бы вы, какие суммы готовы выложить за электронный мастер-ключ на черном рынке, даже если просто дает доступ к базам данных желтой прессы, а у них ключи к военным дан-

ным. Если эти бандиты и безумны, они хитры и чертовски умны. Что вы думаете делать дальше?

– Поеду в гостиницу и стану ждать там, пока от Федора не поступят четкие инструкции. Сейчас еще светло и на улице много людей, можно идти?

– Вам вернут коммуникатор на стойке. Пока вы задействовали межзвездный передатчик Вайхмана, подозреваемые взломали ваш аппарат и стерли запись разговора. У нас все так же нет образца голоса злоумышленника.

– Что-то он говорил такое... интересное. Про место своей работы вроде. Но не помню.

– Постарайтесь вспомнить. Я поручу сопровождать вас на улице при помощи камер наблюдения. Ради Бога и Перуна, поспешите сразу в отель.

– А что это за люди в белом, на солдат похожи, их сейчас в участке целая куча. Я думал, это подмога, чтобы ловить желтомордого, простите.

– Ах, эти, – устало произнес шеф полиции, – конечно, никакая это не подмога. Головорезы из «Шеол-консалтинг». Прилетает финансовый директор от самой Куреновой с проверкой. Вот они и путаются под ногами, типа помогают нам. Сейчас все заняты встречей, никому нет дела до пропавших журналистов. Держитесь подальше от этих... операторов. И не задерживайтесь на пути в гостиницу. Я постараюсь позже вечером написать, что нового, а пока должен идти.

Голография погасла. Иван встал из-за стола и вышел из

переговорной в коридор. Он был в полицейском участке, где уже два часа давал показания. В участок Фомина доставили сразу из кафе, когда он чуть не оставил планету без света.

– Закончил? Наконец-то! – проворчал дежуривший под дверью констебль. – Не хочу тратить время на всяких христиануток! Пошли!

Иван не считал себя христианином, но его эти слова уязвили. Религиозная ненависть выскочила из полицейского, как смрадный пузырь со дна болота.

Журналист вспомнил, как одноклассница делилась впечатлениями от практики на планете Фанг. Она писала статью о жизни в бедных жилых массивах. Гид из местных белых чиновников был весьма любезен, много шутил, пока ему не показалось, что азиат-официант смотрит на него непочтительно. Тогда гид пырнул ножом и заставил стоять, зажимая рану. Пока чиновник листал меню, официант истек кровью и умер. Одноклассница прервала практику и решила бросить учебу на журналиста. «С этим миром бесполезно разговаривать, ему бесполезно рассказывать о нем самом», – сказала она напоследок, больше Иван с ней не общался. А сейчас вспомнил.

Навстречу ему попались два человека в белых утепленных комбинезонах, волокущие какого-то нищего. На груди у конвоиров виднелись эмблемы «Шеол» и стоящая на задних лапах собака или кто-то похожий, стилизованная буква «К» – логотип «Куренев индастриз». Хлопали сумки и связки шу-

моновых гранат. На руках у наемников красовались браслетные пистолеты – дорогое оружие с автоматическим прицеливанием. На бедре у каждого конвоира болтался еще один пистолет с разрывными патронами, каждый выстрел мог проделать в бетоне дыру размером с хороший арбуз. Что примечательно, одним из наемников была женщина, страшная, с бесформенным широким носом, как у гориллы.

Иван вжался в стену, пропуская троицу. Арестованный показал ему почерневший язык, безумно хихикнул и забормотал: «Врач... время... врежь... режь-режь... рыжик», дальше Фомин не слушал.

Пока журналист получал на стойке у входа свой коммуникатор, успел разглядеть сидевшего на скамье начальника полицейского участка в бордовом мундире, а рядом еще одного наемника в белом комбинезоне. Полицейские поглядывали на своего начальника неодобрительно, но он не обращал внимания.

– За порядок! – начальник участка поднял пластмассовый стакан с чем-то горячим.

– Да, за порядок! – наемник сжимал свой стакан двумя руками, по-домашнему, только пистолеты, закрепленные на руках, смотрелись неуместно.

Взяв со стойки коммуникатор, Иван поставил отпечаток пальца как подпись и вышел из участка. На парковке возле полицейских машин стоял белый военный джип и (верх жлобства для езды по городу!) большой восьмиколесный

бронетранспортер. На турели стояла ультразвуковая пушка для разгона толпы, спереди был приделан ковш, чтобы отбрасывать с дороги сугробы, машины и людей. На броне сидели наемники, болтая ногами. Борт машины пересекала надпись: «В случае жалоб и вопросов, пожалуйста, обращайтесь в отдел контроля качества "Шеол-консалтинг Аркаим" по номерам...» Контактные данные были намеренно замазаны грязью.

Участок был расположен на улице Дажьбогской. Два конторских здания венчали монументальные статуи, «Бог лета Дажьбог побеждает Карачуна, бога зла и зимы». Дажьбог был со свирепым лицом и в хламиде со складками, а Карачун – крючконосый, в шубе и испуганно зажмурившийся, поскольку посох Дажьбога как раз встретился с его лбом. Эта скульптурная композиция перекинулась через улицу, отбрасывая на нее тень, по статуям бегали искры от противообледенительной системы.

В этот ранний вечер мороз был совсем слабый, даже выглянуло солнце. Над городом раскинулось ясное белесое небо. Но, по прогнозам синоптиков, надвигалась катастрофическая буря. И Фомин теперь опасался, что на него свалится подтаявший лед или кусок камня.

Жаль, в голове у Ивана было далеко не так ясно, как в небе. Он совсем не понимал происходящего. Какой-то религиозный фанатик, не объясняющий смысла своих действий, умудрялся вот уже несколько недель скрываться от

всех служб города, опутанного сетью камер, роботов и детекторов. Человек пропал без вести, и никто толком ничего не предпринимал. И у Ивана было нехорошее чувство, что местные будут вовсе не против, если он пропадет вслед за Юрием, это всех устроит.

Иван думал, что за фанатиком обязательно скрывается нечто большее, гарантирующее его безнаказанность. Как за продающими химический героин возле школ бандитами скрывалась продуманная, хладнокровная политика главарей «Ацтлана», так и желтолицый незнакомец был лишь маской, пугалом. Неприятным эффектом от успокаивающего ингалятора была отрешенность. Мозг вроде отчетливо фиксировал окружающие детали, но отказывался придавать им значение, погружался в какую-то пустоту, все пытался увидеть что-то сверхмасштабное, общее для всей Вселенной.

Журналист вздохнул, стараясь прогнать оцепенение, и поспешил выйти из тени гибнущего Карачуна, на всякий случай прикрывая темя рукой.

Ближе к ночи пришло сообщение от Розгина: «Есть некоторые результаты по патрульному дрону. Он был взломан через переносную кодировочную станцию, которая стояла на крыше соседнего с кафе "БоЧага" здания. Саму станцию не нашли, только следы взлома двери на крышу. Хакера в момент взлома и перехвата управления на крыше не было, он мог послать сигнал на станцию из любой точки планеты. Бла-

годаря этой схеме очень сложно отследить сигнал взломщика дальше соседнего здания. Поскольку, с ваших слов, решение зайти в кафе было спонтанным, как и прогулка в том районе, очевиден вывод: за вами следят, причем с близкого расстояния. Включите все системы безопасности в номере. Заприте дверь на механический замок. Никуда не выходите без нужды. Окрестные патрули переведены на высшую степень готовности, но они еще готовятся к встрече посланника Куреновой, а еще идет снежный тайфун. Завтра сообщу вам новости. Берегите себя».

Утром плохо спавший всю ночь Иван мрачно копался в журнале общения Юрия с редакцией, пытался найти хоть что-то новое, способное помочь в расследовании. Вдруг позвонил хакер Хагал.

– Алло. Иван, здравствуйте. Вы сейчас в гостинице? Не отвлекаю?

– Нет, ничего важного у меня сейчас, – Иван отпил травяного отвара и скривился от горечи.

– Есть важный разговор. Но я не хочу обсуждать это дело по линии. Лучше бы встретиться в городе. Предлагаю вам подойти через полтора часа в зал между станциями моно-рельса «Площадь Славения» и «Оранжерейная», там есть скамейки, на них и встретимся.

– А почтой нельзя отправить информацию? За мной сейчас все равно следит полиция. И, возможно, опасный психопат с хакерской поддержкой высокого класса.

– Как специалист по Олнету, я не доверяю этому средству общения. За мной тоже следят. Давайте не будем облегчать им работу. До встречи возле «Оранжевой», – Хагал разорвал связь.

Фомин быстро оделся и вышел из отеля, несмотря на совет шефа полиции никуда не ходить. Улицу заливало яркое солнце, небо удивляло непривычной голубизной. Но холодало, мороз жалил любые оголенные участки кожи. Прохожие были все с закрытыми лицами, кое-кто и в защитных очках. Иван видел утреннюю колонку новостей, по равнине к Гиперборейску неспешно ползла бурлящая стена черных туч, по сравнению с которой город казался маленьким, как песочница с игрушками. Ведущих новостного сюжета больше всего занимал вопрос, успеет ли прибывший на планету финансовый директор «Куренев индастриз» доехать из космопорта прежде, чем буря накроет дорогу. Сколько бездомных замерзнет насмерть, сколько машин раздавят поваленные ветром статуи, сколько окон разобьет осколками – этого в новостях пока не обсуждали.

Как ни странно, обычно быстрый поезд-монорельс резко притормозил в туннеле, после чего по десять минут стоял на каждой станции. Иван уже чувствовал, что опаздывает. Пассажиры, входящие в вагон, выглядели кто взволнованно, кто хмуро, некоторые – радостно. Иван хотел посмотреть по коммуникатору последние новости, но аппарат не ловил сеть Олнет, а такое случалось, только если залезть в глубо-

кую шахту, спуститься на дно океана или если связь глушат намеренно. Лица ближайших пассажиров не располагали к расспросам, Иван решил ждать своей станции. На перроне сети тоже не было, зато ходила пара полицейских патрулей. В переходе между станциями патрульные гоняли многочисленных лоточников, торговцев языческими оберегами, глиняными свистульками и прочими сувенирами. Торговцы явно не ожидали такого поворота событий и наперебой предлагали полицейским договориться «по удвоенной таксе». Еще в коридоре топтался боевой андроид с непропорционально худым телом, как у богомола, короткой шеей и нечеловеческими руками. Существо как раз высунуло из рукава сканер, дистанционно проверило паспорт Ивана и кивнуло, чтобы он проходил дальше. В зале между станциями было оживленно, все-таки он соединял сразу четыре ветки монорельса. Хакер ждал Ивана на скамейке возле группы уличных артистов. Их было трое: танцующий зверь, вроде медведя, только маленького, в черных, белых и зеленых пятнах; скачущий мужик в фуражке и красной рубаше с высоким воротом, он пытался петь, но по большей части ревел и пугал медведя. Может, танцор был робот или андроид, слишком энергично и странно дергался. Зато третий артист, сидящий на перевернутом ведре с баяном в руках, точно был роботом, из него капало машинное масло, от локтей летели искры.

– Здравствуйте, Хагал, – Фомин протянул руку.

– Иван Сергеевич, извините, что вытащил вас сюда. Эти

ребята здесь постоянно. От них столько шума, что подслушивающие микрофоны глохнут, считать звук сложнее.

– Что случилось? Почему полиция повсюду? Я видел целого полицейского андроида на этой станции.

– Вы новости на имплантат не ловите?

– У меня нет имплантатов. А коммуникатор почему-то не ловит Олнет, тоже удивило.

– Ну, здесь сеть уже есть, я ловлю. Иначе бы они перестали всех мучить своим искусством, у них же деньги идут через Олнет, – возле уличного ансамбля на колонне была прилеплена скотчем табличка со штрихкодом для коммуникаторов, сканируя который, можно было перевести артистам один кредит в награду за старания.

Иван сразу полез за коммуникатором и открыл новостную колонку.

– ИХОЛЕ МАНО!!! – Фомин не сдержал возгласа, к которому привык, пока жил на латинской планете.

Вся лента новостей была забита срочными, «красными» сообщениями. Избранные комментарии пользователей, бессвязные, короткие, выражающие ненависть. «Смерть трупоклонникам!!!», «Чтоб вы на колах корчились, немые язычники!!!». Заголовки: «В центре столицы не утихает стрельба...», «База сил реагирования заблокирована», «Силовики убивают друг друга», «Начальник оперативного управления Контрразведки поддержал мятежников», «Правительство и корпорации навязывают христианство и разрушают

уникальную культуру Аркаима», «Полицейские дроны частично под контролем мятежников», «Трупы, неопознанные, десятки», «Хаос», «Война».

И главное видео дня. Заполненная людьми в теплой одежде площадь. Снимают из толпы на коммуникатор, поднятый над головами при помощи специальной штанги. Из стеклянного здания выходит делегация, впереди машет руками человек в массивной, неуклюжей шубе. Внезапно из строя сдерживающих толпу бойцов в красных шапках выделяется один воин, идет вверх по ступеням. Слышен усиленный техникой крик: «Коловрат!!! От сердца к солнцу!!!» – после чего одиночка поднимает электровинтовку и дает очередь по людям у входа. Боевой андроид охраны успевает молниеносно среагировать, бросается вперед, заслоняет собой и валит человека в шубе, принимает попадания хорошо разогнанных магнитом пуль, падает. Не все так быстры, делегатов на крыльце рвет на ошметки. Два наемника в белых комбинезонах, охранявшие вход в здание, скидывают руки, пистолеты на запястьях управляются взглядом, всего миг, и стрелок из винтовки дергается, его голова в красной шапке взрывается от попадания, куски падают на ступени, камера теряет и восстанавливает фокус. Наемников в белом тоже сбивает с ног двумя одиночными выстрелами, не помогают даже защитные силовые поля на дорогих бронежилетах, откуда-то стреляет снайпер. Толпа бросается прочь от кровавого месива на ступенях, но местами из нее быют очереди других элек-

тровинтовок. Оператор, снявший видео, тоже бежит прочь, слышен взрыв бомбы, хлопки выстрелов из порохового оружия, и конец ролика.

– Ну и резня! Я правильно понял, это убили ревизора от корпорации Куреневой?

– Пока еще нет официального подтверждения его смерти, но возможно, его и убили.

– Кто?

– Не знаю, Иван Сергеевич. На видео люди в парадной униформе элитного отряда солдат Контрразведки Аркаима. Им поручают охрану важных персон. Как видите, они убивают тех, кого должны защищать. Ряд высоких чинов Контрразведки открыто поддержал эту акцию, значит, имеет место попытка военного переворота, заговор на высшем уровне. Но даже среди рядового состава не удалось заручиться стопроцентной поддержкой, некоторые спецназовцы на площади начали стрелять по мятежникам. А наемники Куреневой стреляют во все, что еще живое. И это происходит в паре километров отсюда, не будь мы под землей, слышали бы.

– Но ведь такой мясорубки не должно быть, – Иван сделал паузу, пока группа туристов фотографировала уличный ансамбль, – раз завязались такие упорные бои в центре города, переворот пошел не по плану?

– Вряд ли теперь мятежников ждет успех. Полиция, армия стянули подкрепление, еще и корпоративные силы безопасности помогают. Боевики теперь разбежались по центру Ги-

перборейска, их ищут, когда находят – быстрая перестрелка, и пакуют трупы. Осложняет дело то, что часть патрульных роботов под контролем мятежников, это вносит сумятицу. Но я все равно поставлю на то, что в этот раз режим устоит, завтра выжившие мятежники начнут совершать самоубийства с чужой помощью на допросах и в тюремных камерах.

– Похожие вещи я уже видел. На Лагарте, когда начинался мятеж студентов и наркокартелей. Тоже были редкие перестрелки, драки, бытовые ссоры, теракты. А между всем этим ходили туристы, работали рестораны, будто трещины по льду расходились, сначала тонкие и неопасные признаки войны. Потом кровью залило всю планету, – Иван махнул рукой.

– Да, все очень шатко и ненадежно. Старые хозяева Аркаима не согласны с экспансией Куреновой. Похоже, они решили, что акции протеста и всякие партии обиженных язычников исчерпали себя, пришло время бомб и пулеметов. Здесь нет ничего от веры предков и желания жить по собственным законам, только деньги, которые могут поменять счета... Ладно, Иван Сергеевич, я вас все-таки вызвал в город не для разговоров о политике, для меня это само неожиданность. Вы знаете, что в Сети засветились деньги с карточки пропавшего Карпенко?

– Да, мне шеф полиции вчера рассказал.

– Я решил проявить инициативу, хоть меня и не просили, изучил эти финансовые переводы. Что вообще знаете о со-

временных деньгах, что это такое в двух словах, Иван Сергеевич?

– Был у меня в колледже курс по экономике, но я его почти прогулял. Деньги – это файлы, которые создает Министерство Финансов Человечества на Ялусе, затем рассылает эти файлы по всей Галактике?

– В общем-то, да. Около тридцати процентов всех денег человечества созданы по прямому указанию Министерства Финансов и Центрального Казначейства. Некоторые обыватели думают, что деньги – это просто нули и единицы в компьютерах, нажал кнопку и создал любую сумму. Это не так. Каждый кредит, или «электронный денежный сертификат», – в нем достаточно много информации: защита от подделок, собственный номер, история всех транзакций и экономическое обоснование, почему он был создан, именно этот кредит.

– Я это знаю. Так в чем дело?

– Я бы попросил дать мне самому приблизиться к сути. Вы верно описали самые надежные деньги человечества, так называемые резервные кредиты – это выпущенные по указанию метрополии Конгресса. Но это лишь каждый третий кредит в обороте. Министерство Финансов на Ялусе не обладает ресурсами, чтобы оперативно контролировать ситуацию в громадной системе Галактического Конгресса. Поэтому оно делегирует право выпускать валюту крупнейшим банкам секторов Млечного Пути, задает им лишь общие

пределы финансовой эмиссии. Так появляются секториальные кредиты. Их еще больше, чем резервных, процентов сорок – сорок пять, кто как считает, но они редко покидают свои сектора, это в основном региональная валюта. Но есть еще и другие типы кредитов. Есть операциональные кредиты, выпущенные под конкретные крупные сделки, облигационные кредиты, которые выпускают в долг. Кредиты отличаются эмиссионными волнами. Конгресс может принять решение заморозить или конвертировать деньги определенной волны. Такое случается редко, в основном во время кризисов и войн. На разнице в конвертации кредитов и беспорядке бирж можно хорошо заработать. Также хорошо помогает знание алгоритмов искусственных интеллектов, которые распределяют финансы, как эти алгоритмы обмануть. Этим я и успешно занимался, пока меня не взяли полицейские. Хорошо, хоть дали условный срок, в тюрьме все мрачно. Но я пошел на сделку, и так началось мое взаимовыгодное сотрудничество с шефом Розгиным.

– Хагал, вы меня вызвали сюда, чтобы рассказать про связку полиции Аркаима и киберпреступности?

– Нет. Извините, увлекся. Из всех кредитов самые редкие сейчас так называемые сертификаты с золотым обеспечением. Это деньги, имеющие в основе не заключение Центрального Института Экономического Анализа на Ялусе или прогностических отделов какого-нибудь банка «Красный Багратион». Эти деньги подкреплены реальной массой золота, се-

ребра, платины или чего-то еще редкого, мелкого и драгоценного. Золотые деньги не встречаются в нынешнем Конгрессе, кроме таких отсталых планет, как Феникс или зона прямой торговли с инопланетянами хилим-ла на Бестадионе. Ну, и торговля с доминиканцами шла золотом, но в последние годы практически встала после их агрессии на Норге.

И здесь я подхожу к самому важному. Я проверил деньги со счета Юрия Карпенко и увидел нечто интересное. Тогда я немного покопался на вашем счете. Не бойтесь, я ничего не воровал, просто проверил, откуда взялись платежные сертификаты. И... у вас на балансе золотые деньги, Иван Сергеевич. Как и у Юрия Карпенко.

– То есть не обычные кредиты Центробанка? И что?

– Попробую объяснить с другого конца. Как эти деньги создавались? Сначала была большая сделка между фондом «Христиане помогают детям» и компанией «Звезда детства» по покупке детского питания для миллионов голодающих семей на доминиканских планетах. Сделка прошла на золотой бирже Владимира. За детское питание христианский фонд заплатил реальными золотыми монетами, которые были помещены в хранилище, а под них выпущены электронные деньги. Я смог быстро отследить больше десяти миллионов кредитов, но это наверняка не все. Затем электронные деньги перевели на сохранение в «Русский банк» на Владимире. Оттуда они кредитами отправились в несколько мутных торговых компаний. Потом было несколько странных сделок,

в итоге деньги оказались на Кристане, на счету фирмы, которая сразу обанкротилась. В качестве компенсации наши золотые кредиты попали в Институт изучения проблем акклиматизации человека. Это полуавтономная структура синдиката «Климат-тэк», уже близко. И вот со счета Института деньги изъяли на серию грантов для «Климат-тэк медиа» с формулировкой «для популяризации науки». А уже оттуда, из казны газеты «Алистад-руссо», их перевели вам на счет как гонорар.

– Фонд... «Христиане помогают детям», как думаете, он связан с властями доминиканцев?

– Уверен! У католических сирот и покрывающих их негосударственных организаций нет таких средств и выхода на биржу. Это лишь прикрытие, способ торговать во время объявленной войны. Ваши деньги – это оцифрованное золото. Вы почти можете взять его в руки и кидать под ноги этим орущим бездарям с медведем перед нами, вместо переводов через коммуникатор.

– Но постоит, получается, мне платят крестоносцы? И Федор, мой начальник, послал меня сюда, чтобы опровергнуть связь Юрия Карпенко как раз с крестоносцами.

– Именно! Причем дело очень темное. Будь это обычная коррупционная схема, золотые деньги доминиканцев поменяли бы на обычные кредиты прямо на бирже Владимира. А так их гнали через пол-Галактики, тратили месяцы на сложные операции. Кто-то действует вопреки логике. Понимаете,

почему я вас вызвал из гостиницы? Никому здесь не верьте, даже мне. Вам очень много недоговаривают.

– Тогда вопрос, почему вы полезли глубоко в историю финансовых переводов и теперь рассказываете все это мне. Вы же рискуете получить неприятности.

– Полиции я не боюсь. За годы нашего сотрудничества мы так срослись и набрали столько взаимного компромата, что, если с кем-то что-то случится, пропадут все, – Хагал задумчиво почесал свой лысый череп, – назовем это солидарностью профессионала. Я терпеть не могу, когда заказчики мне чего-то недоговаривают. Мнут... деликатничают... мудило, я все равно узнаю, что должен, например, стереть из полицейской базы упоминание про наезд машины депутата на пешехода... скажи как есть, облегчи мне работу... ну и в этом же духе.

– Хагал Хальвданович... и вам самому не совестно выполнять такую грязную работу?

– Давайте, раз уж мы смотрим на пляски недомедведя, расскажу старый анекдот. Атеист, безбожник заблудился в лесу и столкнулся с медведем. Тот собрался сожрать атеиста. И атеист взмолился Богу: «Спаси!» Тот послал ангела, который собрался вытащить безбожника из леса. Но атеист сказал: «Нет, я атеист, если меня спасут, это будет не настолько... наглядно. А сделайте лучше медведя христианином. Это всем докажет истинность Бога». Раз – и он опять перед медведем. А медведь крестится и говорит: «Благосло-

ви, Господи, эту пищу для меня».

Пока мы, люди, с клыками и едим мясо. Пока лжецы, воры, взяточники не разгрызают себе вены от одного осознания своего греха... Такими создал нас Бог или эволюция, неважно. Мои родители научили меня, что хорошо и что плохо, я бы предпочел писать программы для управления теплицами. Но за удаление историй краж при строительстве отопления в замерзающих поселках платят просто больше. Да и сами кражи мне удаются. И пока молнии не разят взяточников и меня, я делаю свое дело с максимальной прибылью, это все. А шантаж полиции тут вторичен.

– Но мне же вы рассказали про деньги крестоносцев, хоть и не были обязаны?

– Потому что я еще человек, а не придаток машины, как многие меня видят.

В вестибюль зашли полицейские, которые недавно «трясли» лоточников в переходе. С ними шел андроид, обвешанный разными сувенирами, как ярмарочный дурак. Торговцы явно пытались задобрить стражей порядка, в том числе и своим простецким товаром.

– Легавые, – Хагал качнул головой, будто разгоняя морок, – у них переносной блокиратор Олнета, теперь и у меня пропал сигнал.

Патруль подошел к уличным артистам. Те как-то сразу присмирели, даже баянист замер с разведенным инструментом. Однако командир патруля лишь добродушно улыбнулся.

ся, сфотографировал код, перевел через выделенный канал деньги, и полицейские пошли дальше.

Иван покинул монорельс и пошел к отелю, когда солнце уже скрылось в облаках снежного шторма. Улицы были пусты. Все, кто мог, спрятали машины в гаражах. Кто не мог – сейчас гнали по автострадам на юг, прочь от бури. Городские службы загоняли снегоуборочники на ключевые точки, откуда будет проще впоследствии расчищать дороги от завалов. В небе больше не кружили флаеры, но его заполнили черные стаи птиц, покинувшие гнезда и летящие подальше от стихии.

Ивану показалось, что где-то далеко гремят взрывы, и по улице промчались белые бронемшины наемников из «Шеол-консалтинг». Была одна надежда, что снежный тайфун приглушит жар противостояния, охвативший Гиперборейск, подобно лихорадке. Еще Фомин встретил странную процессию: мужчины и женщины в белых сорочках и венках, поднимавшиеся по длинной пожарной лестнице на крышу угрюмой рыжей многоэтажки. Иван увидел, что вышагивающая впереди девушка ступает по стальным ступеням босыми ногами. На сгущающемся морозе после такого босого похода можно было разве что отпилить ноги и пришить новые, обморожение неминуемо. Иван помнил снежные бури на Лагарте. Когда неосторожного путника сначала обдавало потоком воды, через несколько секунд он замерзал, покрыв ледя-

ной коркой тело. И летела смесь снега, острого льда и поднятой с земли пыли, разрывая человеческое мясо и одежду, оставляя только скалящиеся кости под холмиком красно-рыжего льда. Поэтому Иван не стал задерживаться на улице и узнавать, что это за «сектанты-буревестники» идут на крышу.

Уже на входе в отель Ивана било в спину ветром, по улице неслись куски мусора, сорванных вывесок, листы обшивки. Фомин поднялся на свой этаж, вбежал в номер и с облегчением подставил лицо под обогреватель. Затем снял куртку и ботинки и начал расхаживать по комнате, обдумывая, что же означает денежный перевод от доминиканцев.

Как вдруг внутренние ставни на окне плавно поехали вниз, отсекая снежную круговерть на улице. Затем включился душ. Пока Фомин бегал к нему и разбирался с пультом, замигал свет. А потом включился головизор, который успел сообщить, что директор из корпорации Куреновой доставлен в центральную больницу, его жизни ничего не угрожает. Изображение в проекторе пропало, и раздался знакомый голос.

– Иван. Мне помогли взломать системы гостиницы. Сейчас ваш номер полностью под моим контролем.

Журналист на секунду замер, потом бросился к входной двери. Замок был заперт и не реагировал на ключ.

– Забавно. Вы передаете столько функций компьютерам, автоматике, за вами даже воду в туалете смывает компьютер.

А освободившееся время вы тратите на просмотр тысяч одинаковых картинок через Сеть. И все равно ничего не успеваете.

Иван стукнул ногой в дверь и крикнул: «Эй! Кто-нибудь слышит?!»

– Можете не кричать, никто не поможет. Мое терпение иссякло. Через пять-шесть минут я отдам команду, этот номер заполнится ядовитым газом, и вы умрете быстро, но болезненно. Газ поступит из капсулы за вентиляционной решеткой. Вы видите решетку. Но если вам каким-то чудом удастся выломать ее, я просто выпущу газ, и вы умрете на пару минут раньше. Так что лучше помолитесь и приготовьтесь рассказывать Господу о своих грехах.

– Черт! Черт!!! – только бы не паниковать. Иван затравленно оглядел номер.

– Черт вам сейчас не поможет, как бы вы его ни просили. Никто не заметит вашей смерти сегодня. На улицах стрельба и буря, морги переполнены. Я жил в деревне, там не все было гладко, но уж если кто-то умирал, об этом знал каждый житель. А в большом городе смерть какая-то обыденная. Люди просто заходят в свои комнаты и не выходят обратно. Как электромобиль, сломавшийся во время подзарядки в гараже.

Иван вытащил коммуникатор, но сети не было.

– Обычная полицейская глушилка сигнала. Ну, раз не хотите молиться, Иван, поведаю вам историю, постараюсь уложиться в оставшиеся три минуты.

Иван попробовал вызвать передатчик Вайхмана, но и это не удалось. От злости он швырнул коммуникатор в стену. Тот был ударопрочный и не сломался, но и на стене не осталось следа.

– Вы, наверное, и не слышали о святой Моргане, основательнице Корпуса Сестер Милосердия на Землях Святого Престола. Дочь праведников, она сопровождала епископа Михала с самого начала исхода, от самой старой Земли. То был долгий и трудный путь. Многие корабли погибли в космосе. Многие потерялись. Многие выкосили эпидемии и сбои систем очистки, они до сих пор летят куда-то, полные мертвецов. Звездолет, на котором оказалась Моргана, тогда еще десятилетняя девчонка, тоже охватила болезнь. Поэтому он не приземлялся на планеты, ожидал на орбитах, пока новые люди присоединялись к пастве Михала.

Фомин попробовал сломать ставни, но только вырвал себе несколько ногтей. Свист ветра на улице быстро перешел в тоскливый вой, который набирал злобу, превращаясь в рев.

– На корабле Морганы не было чумы или «легочного огня», их поразила какая-то кишечная инфекция. Не все заболевшие умирали, но некоторые все же отправились к Господу, так и не достигнув Доминики. Паломники летели и летели сквозь пустоту, в полутьме аварийного освещения, среди человеческих нечистот. Два раза в день звучала общая молитва, утром и вечером. Так праведники отсчитывали время. Иногда кто-то не выходил на молитву, поскольку умирал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.